Я. Берманъ.

ДІАЛЕКТИКА

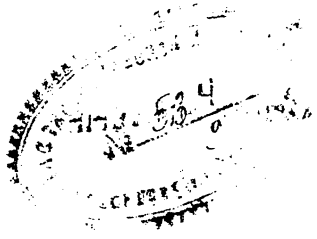
ВЪ СВѢТѢ

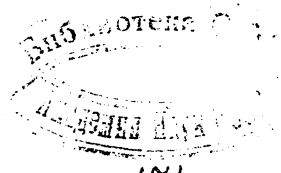
СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ.

№ 217
19 3/X 18

„Московское Книгоиздательство".
МОСКВА.
1908.

„Прозо
3
825
ПРОЗ
Кр.





171
39

Москва.—1907.

Типо-литографія **Русскаго Товарищества** печатнаго и издательскаго дѣла
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д. **Телеф. № 18-35 и 53-95.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1) Діалектика у Маркса, Энгельса и Дицгена . 1
2) Діалектика у Гегеля. 45
3) Исходные пункты гегелевской и современной философіи 94
4) Діалектическія схемы 140
5) Діалектика и эволюція 196

I.

Діалектика у Маркса, Энгельса и І. Дицгена.

Какъ бы отрицательно мы ни относились къ движенію, вызванному въ марксистской литературѣ полемическими выпадами Эдуарда Бернштейна противъ основныхъ догматовъ марксизма, какъ бы ни мало симпатичными казались намъ тѣ побужденія, которыя имъ при этомъ руководили, было бы, тѣмъ не менѣе, крайне односторонне утверждать, что критика Бернштейна во всѣхъ ея пунктахъ совершенно лишена почвы.

Если положительные результаты предпринятаго Бернштейномъ пересмотра основныхъ положеній соціалъ-демократической программы и ея научно-философскихъ предпосылокъ оказались сведенными почти къ нулю, то причина этого лежитъ, по общему признанію, гораздо больше въ томъ, что поставленная Бернштейномъ задача оказалась по многимъ причинамъ ему не по силамъ, чѣмъ въ томъ, что самыя сомнѣнія Бернштейна въ правильности рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ марксистской доктрины были лишены всякаго основанія. Ни одинъ изъ серьезныхъ теоретиковъ и практиковъ марксизма, какъ это показала полемика противъ Бернштейна, никогда не смотрѣлъ на научное наслѣдство, оставленное намъ основателями научнаго соціализма, какъ на нѣчто неприкосновенное, какъ на догму, не подлежащую кри-

тикѣ, какъ на какое то „табу“, за всякое нарушеніе котораго дерзновенный подлежалъ бы отлученію отъ церкви. Для всякаго, кто сколько нибудь знакомъ съ духомъ, а не буквой ученія Маркса-Энгельса, должна казаться въ высшей степени курьезной мысль разсматривать Маркса, какъ основателя какой-то секты, а Каутскаго, Бебеля, Мерингa и остальныхъ deos minores научнаго соціализма, какъ апостоловъ, задача которыхъ должна заключаться лишь въ пропагандѣ слова своего учителя и въ охраненіи чистоты его ученій отъ всякихъ покушеній со стороны дерзкихъ еретиковъ. Наиболѣе видные изъ послѣдователей Маркса не только всегда высказывались теоретически за полную правомѣрность и свободу критики въ этой области, но и сами во многихъ пунктахъ дополняли и развивали научныя положенія Маркса, не закрывая въ то же время глазъ на тѣ пробѣлы или ошибки, которыхъ не можетъ избѣжать ни одна теорія, какъ бы геніаленъ ни былъ ея творецъ и какъ бы обширны ни были его знанія. Ограничивать въ этомъ направленіи предѣлы критическаго изслѣдованія какими либо рамками, конечно, никому изъ сторонниковъ Марксовой доктрины не приходило въ голову; единственное условіе, которому должна удовлетворять критика марксизма,—наравнѣ со всякой другой критикой,—это то, чтобы критика вызывалась серьезной потребностью; это значитъ, конечно, только то, что критика должна направлять свои удары на ту часть системы, которая представляется дѣйствительно менѣе разработанной и менѣе согласованной съ даннымъ состояніемъ знаній; эту свою задачу критика должна выполнить при помощи тѣхъ же самыхъ научныхъ пріемовъ, которые оказались столь плодотворными въ другихъ областяхъ научнаго

изслѣдованія. Однимъ словомъ, эта критика не должна быть тѣмъ „покушеніемъ съ негодными средствами“, блестящіе образчики котораго намъ дали Бернштейнъ и его сторонники. Если непосредственные результаты критическаго предпріятія ревизіонистовъ оказались, благодаря отсутствію этихъ условій, совершенно ничтожными, то нельзя того-же сказать о нѣкоторыхъ косвенныхъ результатахъ Бернштейновскаго критическаго похода.

Какъ ни легко было противникамъ Бернштейна показать всю легковѣсность и несерьезность критическихъ вылазокъ ревизіонистовъ, какъ ни блестяще были отпарированы антагонистами Бернштейна всѣ его удары, тѣмъ не менѣе во время борьбы съ полной ясностью обнаружилось, что не всѣ позиціи, защищаемыя „ортодоксальными“ марксистами, укрѣплены одинаково сильно. Въ міровоззрѣніи Маркса оказалось нѣсколько пунктовъ, которые только потому успѣшно выдержали натискъ нападавшихъ, что оружіе, которымъ пользовались эти послѣдніе, оказалось совершенно заржавѣвшимъ. Къ числу тѣхъ устарѣвшихъ частей стройнаго зданія, воздвигнутаго усиліями геніальнаго автора „Капитала“, которыя, несомнѣнно, требуютъ ремонта и ремонта капитальнаго, относится, по нашему глубокому убѣжденію, прежде всего и главнѣе всего философское основаніе марксизма и, въ частности, знаменитая діалектика. Бернштейнъ, который первый (изъ лагеря марксистовъ) указалъ на несовмѣстимость діалектики, какъ пережитка идеалистической философіи, съ научнымъ характеромъ общественнаго ученія Маркса, правда, встрѣтилъ и въ этомъ пунктѣ рѣзкій отпоръ отъ нѣкоторыхъ своихъ оппонентовъ, особенно отъ Каутскаго и Плеханова, но этотъ отпоръ далеко не оказался столь единодушнымъ и побѣдоноснымъ,

какъ въ другихъ спорныхъ вопросахъ; сторону Бенштейна, поскольку дѣло шло о недостаточности философскихъ предпосылокъ марксизма, принялъ Конрадъ Шмидъ, компетентность котораго въ такого рода вопросахъ, несомнѣнно, значительнѣе Бернштейновской. Къ сожалѣнію, редакція журнала „Neue Zeit“, на страницахъ котораго происходила полемика между защитниками философской позиціи Маркса и сторонниками критическаго ея пересмотра, признавая споръ не выясненнымъ, отказалась помѣщать въ журналѣ статьи, посвященныя этому вопросу, и рекомендовала спорящимъ свести счеты въ брошюрахъ и книгахъ. Что впечатлѣнія редакціи самаго компетентнаго изъ всѣхъ изданій, посвященныхъ разработкѣ научнаго соціализма, въ этомъ пунктѣ были вполнѣ правильны, доказывается тѣмъ, что вопросъ о направленіи, въ которомъ долженъ быть предпринятъ пересмотръ философскихъ предпосылокъ марксизма, продолжалъ и послѣ обмѣна мнѣній между Плехановымъ и Бернштейномъ оставаться неяснымъ даже для нѣкоторыхъ идейныхъ руководителей соціалъ-демократіи. Въ подтвержденіе этого мы можемъ сослаться на мнѣніе такого безпристрастнаго и осторожнаго изслѣдователя, какъ Викторъ Адлеръ. Вотъ что онъ говоритъ: „Благодаря тому, что въ послѣднее время такъ много говорилось о послѣднихъ корняхъ всѣхъ вещей, снова обнаружилось—какъ на той, такъ и на другой сторонѣ — весьма досадное обстоятельство (der widrige Umstand), а именно, что философію нельзя себѣ усвоить при помощи поверхностнаго чтенія; чтобы дѣйствительно понять одного изъ нашихъ классическихъ философовъ, нужно самому пережить все его міровоззрѣніе, нужно вполнѣ отдаться ему, нужно пройти черезъ

него. Но такъ какъ это предположеніе, разумѣется, для большинства спорящихъ не оправдывается въ дѣйствительности, то, какъ только споръ касается философскихъ темъ, высказывается множество всяческихъ несообразностей (krauses Zeug). Я долженъ сознаться, что въ нашей партійной литературѣ, за исключеніемъ развѣ статей Конрада Шмидта и Зади Гунтера, мнѣ не случалось читать ничего по философіи, чтобы не вызывало бы во мнѣ прямо душевной боли, начиная съ Бернштейна и кончая Плехановымъ. Я не хотѣлъ бы, чтобы это мое замѣчаніе было истолковано какъ самомнѣніе; самъ я въ этихъ вещахъ понимаю ровно настолько, чтобы почтительно молчать, когда говорятъ объ этихъ вещахъ, что я и дѣлаю“ [1]). Въ такомъ положеніи продолжаетъ оставаться дѣло и по настоящее время, ибо спорящія стороны приглашеніемъ редакціи „Neue Zeit“, не воспользовались, а ограничились перепечаткой своихъ старыхъ вещей. А между тѣмъ потребность разобраться въ основныхъ принципахъ доктрины, потребность согласовать исходные пункты Марксовой философіи съ новѣйшими научными завоеваніями несомнѣнно существуетъ среди марксистовъ и существуетъ въ такой же степени, какъ и сознаніе недостаточности для этой цѣли старыхъ точекъ зрѣнія. Чтобы ни говорили г.г. Плехановъ, Мерингъ и др., какъ бы ни горячо увѣряли насъ, что всѣ необходимыя для разрѣшенія нашихъ сомнѣній въ области философской мысли данныя мы найдемъ въ произведеніяхъ Гегеля, Маркса и Энгельса, что, далѣе, все, что было сдѣлано въ этой области послѣ нихъ, есть эклектическая белиберда или, въ лучшемъ случаѣ,

[1]) Victor Adler. Unmassgebliche Betrachtungen. Neue Zeit, B. XIX Seite. 778.

лишь болѣе или менѣе удачный перифразъ философскихъ идей Гегеля, мы не можемъ и не должны отгораживаться китайской стѣной отъ всѣхъ попытокъ освѣтить основныя проблемы мысли иначе, чѣмъ это сдѣлали Марксъ и Энгельсъ. Какъ бы неудачны ни были нѣкоторыя изъ такихъ попытокъ, не подлежитъ, тѣмъ не менѣе, сомнѣнію, что среди нихъ мы найдемъ не мало и такихъ, результатами которыхъ мы могли бы воспользоваться въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія началъ, завѣщанныхъ намъ Марксомъ, и очищенія ихъ отъ элементовъ, которые находятся въ противорѣчіи съ даннымъ состояніемъ знаній. На этой элементарной, въ сущности, мысли приходится настаивать только въ виду существованія въ марксистскихъ кругахъ предубѣжденія противъ всего, что исходитъ отъ цеховыхъ философовъ, а въ особенности отъ „буржуазныхъ“ философовъ. Если это предубѣжденіе имѣло еще основаніе въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за крушеніемъ идеалистической спекуляціи, и, дѣйствительно, явившую весьма жалкое философское зрѣлище, то оно представляется большой несправедливостью въ отношеніи къ тѣмъ новымъ теченіямъ въ области отвлеченной мысли, которыя вызваны къ жизни могучимъ расцвѣтомъ естественныхъ наукъ. Характерной чертой этихъ новыхъ теченій является ихъ стремленіе къ возможно тѣсному сближенію съ философіей отдѣльныхъ положительныхъ наукъ.

Въ основу такого сближенія положено убѣжденіе въ томъ, что всѣ вопросы, подлежащіе вѣдѣнію философіи, она можетъ разрѣшить только при помощи тѣхъ же самыхъ методовъ, которые примѣняютъ отдѣльныя научныя дисциплины для достиженія своихъ спеціальныхъ цѣлей. Съ

другой стороны, и въ области отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ мы видимъ все болѣе и болѣе растущее убѣжденіе въ томъ, что границы между группами явленій, подлежащихъ вѣдѣнію отдѣльныхъ наукъ, носятъ совершено условный характеръ, и что, поэтому полное оріентированіе даже въ области спеціальнаго изслѣдованія невозможно безъ знакомства съ результатами научной работы въ другихъ смежныхъ сферахъ знанія. На этой почвѣ возникаетъ постепенно для большинства изслѣдователей настоятельная потребность въ выработкѣ общихъ всѣмъ отдѣльнымъ дисциплинамъ началъ и методовъ; естественнымъ путемъ для достиженія этой цѣли является изученіе тѣхъ процессовъ, при помощи которыхъ спеціалистъ пріобрѣтаетъ и расширяетъ свои знанія; иначе говоря, является потребность въ созданіи психологіи и логики научнаго изслѣдованія. На этомъ пути спеціалисты сталкиваются съ философами, которые въ свою очередь путемъ горькаго опыта пришли къ убѣжденію, что присущее человѣческому уму и совершенно законное стремленіе къ выработкѣ философскаго міровозрѣнія, т.-е. къ составленію себѣ возможно болѣе полнаго, охватывающаго всю совокупность явленій, представленія о мірѣ могутъ быть удовлетворены обработкой не вульгарныхъ идей обыденнаго мышленія, а добытыхъспеціальными изслѣдованіями понятій и началъ. Въ результатѣ такой совмѣстной работы философовъ и спеціалистовъ мы можемъ теперь имѣть гораздо болѣе ясное представленіе о тѣхъ путяхъ, которые ведутъ къ завоеванію научной истины, а также о тѣхъ препятствіяхъ, уклоненіяхъ и ошибкахъ, которые ждутъ на этихъ путяхъ человѣческую мысль. Только тогда, когда будетъ разрѣшена въ окончательномъ видѣ за-

дача выработки критерія, при помощи котораго мы могли бы отличить научную истину отъ заблужденія, мы можемъ приступить къ разрѣшенію проблемъ, составляющихъ истинный объектъ философіи, именно вопросовъ о томъ, что такое міръ, какъ цѣлое. Но для того, кто внимательно слѣдитъ за развитіемъ философской мысли за послѣдніе 25 лѣтъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что развитіе это совершалось именно въ указанномъ направленіи. А если это такъ, то игнорировать эту работу мы не имѣемъ права, если только для насъ не пустыя слова, что „марксизмъ есть такое научное направленіе, которое ставитъ себѣ цѣлью п о з н а т ь міръ, чтобы изъ такого познанія почерпнуть силу измѣнить міръ“ и „что соціалдемократія есть партія борющагося пролетаріата, которая высшей инстанціей для себя признаетъ выводы науки“ [1] [2]). Отсюда для всякаго сторонника, марксизма, понимаемъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, вытекаетъ обязанность согласовать свои взгляды съ успѣхами научнаго знанія или путемъ отказа отъ тѣхъ положеній, которыя не могутъ быть приведены въ соотвѣтствіе съ измѣнившейся точкой зрѣнія науки, или путемъ внесенія въ другія положенія соотвѣтствующихъ поправокъ и дополненій.

Если мы, исходя изъ этихъ соображеній, попытаемся сравнить философскую позицію Маркса—Энгельса съ тѣмъ, что сдѣлано въ этой области современными философами по спеціальности, то результаты сравненія въ общемъ, окажутся очень утѣшительными для марксистской философіи.

---

[1]) Курсивъ нашъ. Я. Б.

[2]) Karl Kautsky, General-Register des Inhalts der Jahrgänge 1883 dis 1902 der Neuen Zeit.

То направленіе философіи, о которомъ мы только что упомянули и которое въ основу своихъ изслѣдованій кладетъ полное убѣжденіе въ тождественности научнаго и философскаго метода, пришло въ концѣ концовъ къ выводамъ, вполнѣ аналогичнымъ основнымъ принципамъ марксизма.

Въ видѣ примѣра можно указать на удивительное совпаденіе взглядовъ Энгельса, формулированныхъ имъ въ этюдѣ о Фейербахѣ, съ основными тенденціями извѣстнаго изслѣдованія Эрнеста Лааса „Idealismus und Positivismus“. Еще болѣе разительное сходство обнаруживаютъ между собой, даже въ деталяхъ, выводы Іосифа Дицгена въ его „Streifzüge eines Socialisten in das Gebiet der Erkenntnistheorie“ (Socialdemikratische Bibliotek), съ одной стороны, и Эрн. Маха, съ другой. Если бы не стоящая внѣ всякихъ сомнѣній научная добросовѣстность знаменитаго естествоиспытателя, можно было бы подумать, что многія мысли и наблюденія Маха, если не прямо заимствованы, то навѣяны чтеніемъ Дицгена. Было весьма нетрудно показать (что мы и надѣемся сдѣлать въ другомъ мѣстѣ), что взгляды Маха, котораго можно считать лишь наиболѣе яркимъ выразителемъ господствующихъ среди очень значительнаго круга современныхъ мыслителей теченій, совершенно свободны отъ того, противъ чего Дицгенъ, направлялъ главные свои удары, а именно отъ „замаскированной теологіи“ и „вѣры въ философско-теологическо-метафизическую морскую змѣю“ [1]). И даже болѣе того: Махъ и его единомышленники обнаруживаютъ въ своей борьбѣ противъ „морской змѣи“ и въ стремленіи выжить ее изъ самыхъ сокровенныхъ ея убѣжищъ не меньшую страстность.

[1]) Такъ называетъ Дицгенъ все сверхъ-опытное и надъопытное.

чѣмъ Дицгенъ; на философскомъ знамени ихъ мы видимъ тотъ же девизъ что и у Дицгена: „долой метафизику и да здравствуетъ опытъ“; девизомъ этимъ они руководствуются въ своихъ изысканіяхъ также неуклонно, какъ и замѣчательный мыслитель—рабочій, столь мало оцѣненный даже въ марксистскихъ кругахъ. Правда, ни Махъ, ни Авенаріусъ не называютъ своей философіи соціалистической или даже демократически-пролетарской, какъ дѣлаетъ это Дицгенъ, и были бы, безъ сомнѣнія, удивлены самой возможностью противопоставленія соціалистической философіи философіи буржуазной, но это доказываетъ, конечно, только то, что не всякій философъ, стоящій внѣ пролетарскихъ круговъ, въ своихъ изысканіяхъ руководствуется классовыми интересами буржуазіи, хотя бы и безсознательно для себя. А, если это такъ, то, очевидно, что старое дѣленіе философовъ на буржуазныхъ и пролетарскихъ по чисто внѣшнимъ признакамъ, въ значительной степени потеряло свое raison d'être.

Мы не сомнѣваемся ни на минуту, что если бы Дицгенъ имѣлъ возможность познакомиться съ ученіемъ Маха и Авенаріуса, то онъ не причислилъ бы ихъ къ числу тѣхъ мыслителей, которые, подобно Геккелю, Ф. А. Ланге, Дюбуа-Реймону, Вирхову, Гекели и другимъ, останавливаются на полдорогѣ и, изгоняя метафизику изъ области естествознанія въ тѣсномъ смыслѣ, оставляютъ все-таки для нея лазейку либо въ формѣ ученія о границахъ познанія, либо подъ видомъ „непознаваемаго“ и т. д. Мы имѣемъ основаніе утверждать это уже потому, что Махъ и Авенаріусъ съ своими послѣдователями, совершенно независимо отъ Дицгена, подвергли половинчатость защитниковъ непознаваемаго такой же рѣзкой и не

менѣе мѣткой критикѣ, чѣмъ авторъ „Писемъ о демократическо-пролетарской логикѣ“. Но, если бы послѣдній и не нашелъ въ сочиненіяхъ Маха и Авенаріуса даже малѣйшей тѣни философскаго „фетишизма“, то за то въ его собственныхъ философскихъ взглядахъ есть одинъ пунктъ, который навѣрно бы встрѣтилъ возраженія со стороны „буржуазныхъ“ философовъ типа Маха, если бы они были съ нимъ знакомы [1]).

Этотъ пунктъ есть тотъ самый, который уже давно смущаетъ совѣсть многихъ марксистовъ; этотъ пунктъ есть все то, что связано съ „діалектикой“ и, вообще, съ отношеніемъ марксизма къ гегелевской философіи. Сознаемся, что мы не безъ

---

[1]) Какъ это ни странно, Дицгенъ совершенно неизвѣстенъ ни Маху, ни Авенаріусу; по крайней мѣрѣ ни тотъ, ни другой, столь добросовѣстно указывающіе въ своихъ сочиненіяхъ мыслителей, которые хоть сколько-нибудь близко подошли къ ихъ точкѣ зрѣнія, о немъ не упоминаютъ; но какъ бы это не было странно, это не страннѣе того, что Дицгенъ, умершій въ 1888 году, совершенно не имѣлъ никакого представленія объ идеяхъ Маха или его предшественниковъ Лааса, Риля, Ницше и др. точно такъ же, какъ, напр., и о томъ что все, сказанное имъ по поводу идеализма Ф. А. Ланге въ его брошюрѣ „Streifzüge eines Idealisten in das Gebiet der Erkenntnisstheorie“, вышедшей въ 1887 г., было гораздо болѣе полно, хотя, можетъ быть и не съ такой силой, выражено въ статьѣ извѣстнаго философа Макса Гейнце, помѣщенной еще въ 1876 г. въ журналѣ Авенаріуса „Viert f. w. Ph.“ подъ заглавіемъ „Idealismus des F. A. Lange“.

смущенія рѣшаемся здѣсь коснуться этой щекотливой темы. Дѣло въ томъ, что въ марксистскихъ кругахъ сильно распространенъ взглядъ, по которому марксизмъ немыслимъ безъ діалектики, потому что въ діалектикѣ международная соціалдемократія имѣетъ самое могущественное оружіе въ борьбѣ за соціализмъ, и что марксистская философія есть діалектическая по преимуществу въ противоположность буржуазной-метафизической. Въ единоспасительности діалектики первый осмѣлился усомниться Бернштейнъ, а за нимъ и другіе ревизіонисты; къ сожалѣнію, и въ этомъ пунктѣ онъ, какъ и въ другихъ, во-первыхъ, совершенно не сумѣлъ формулировать своихъ сомнѣній, и, во-вторыхъ, сильно хватилъ черезъ край, усматривая въ „діалектикѣ“ чуть ли не единственный источникъ всѣхъ дѣйствительныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ когда-либо соціалдемократіей. Полная неосновательность обвиненій, предъявленныхъ Бернштейномъ къ діалектикѣ, была съ совершенной ясностью установлена К. Каутскимъ.

Онъ показалъ, что или ошибки, указанныя Бернштейномъ, слѣдуетъ считать совершенно мнимыми, или что источникъ дѣйствительно допущенныхъ максизмомъ ошибокъ лежалъ въ совершенно другихъ условіяхъ, ничего общаго съ діалектикой не имѣющихъ. Но замѣчательно, что Каутскій, обвинявшій Бернштейна въ томъ, что тотъ въ своемъ отрицаніи діалектики ограничился одними голословными указаніями на страшное зло, якобы причиненное діалектикой дѣлу пролетаріата, самъ, однако, не привелъ одного довода въ пользу діалектики, какъ философской концепціи, и уклонившись совершенно отъ теоретическаго анализа діалектики, ограничился только ссылкой на мнѣніе Энгельса, который опредѣляетъ діалектику

какъ историко-генетическій методъ изслѣдованія; отъ себя Каутскій лишь прибавилъ довольно туманное замѣчаніе, что движущей пружиной (Triebfeder) историческаго процесса является „противоположность“ (der Gegensatz).

Но, если діалектика и неповинна въ теоретическихъ или практическихъ грѣхахъ соціалдемократіи, то не всѣ марксисты согласны въ томъ, что діалектика является однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ успѣховъ марксизма, какъ научнаго, такъ и прикладного. Среди теоретиковъ соціалдемократіи найдется не мало представителей и *другого* взгляда, по которому доктрина экономическаго матеріализма была разработана творцомъ ея совершенно *независимо* отъ какого-нибудь опредѣленнаго философскаго міровоззрѣнія, и что только впослѣдствіи, когда уже основныя черты новой исторической теоріи вполнѣ сложились въ головѣ Маркса, онъ связалъ ее съ гегелевской философіей. „Связь (марксовой теоріи) съ гегелевской философіей“, — говоритъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ Маркса—Генрихъ Куновъ, „должна быть отнесена къ началу пятидесятыхъ годовъ; въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Маркса ея еще не замѣтно. И, вообще, философская оболочка имѣетъ у него лишь значеніе болѣе строгаго, точнаго формулированія выводовъ; она по-моему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться *необходимой принадлежностью* (Requisit) [1]) историческаго матеріализма. Эту мысль Куновъ высказалъ неоднократно и впослѣдствіи. Совершенно иного мнѣнія относительно значенія философскихъ элементовъ въ

---

[1]) Курсивъ нашъ Я. Б.
Neue Zeit, B. XIV, N 39, S. 11.

теоріяхъ Маркса К. Каутскій. „Повивальной бабкой этихъ идей (что зародышъ будущаго общества содержится въ нищетѣ рабочихъ классовъ) была у Энгельса не менѣе, чѣмъ у Маркса, нѣмецкая философія: гуманизмъ Фейербаха и діалектика Гегеля... Рѣшающимъ моментомъ является не что иное, какъ то обстоятельство, что Энгельсъ примѣнилъ къ процессу экономическаго развитія діалектическій методъ нѣмецкой философіи“ и т. д. (K. Kautsky. „Einiges über den jungen Engels“).

Наиболѣе яркое выраженіе мысль о тѣсной связи марксизма съ діалектикой получила у Charles'я Bonnier: „Весьма вѣроятно, что Марксъ и Энгельсъ оказались бы столь же неспособны правильно постичь все значеніе развертывающихся передъ ихъ глазами историческихъ событій и отыскать лежащій въ основѣ ихъ и регулирующій ихъ законъ, если бы они не обладали оружіемъ, которое выковала для нихъ нѣмецкая философія.“ (Charles Bonnier. Hegel und Marx, Neue Zeit, XI Band, стр. 658).

Точка зрѣнія самихъ Энгельса и Маркса на этотъ вопросъ общеизвѣстна; въ своемъ изслѣдованіи о Фейербахѣ, Энгельсъ развиваетъ тотъ взглядъ, что нѣмецкая философія и, въ частности, Гегелевская діалектика нашла свое естественное завершеніе въ экономическомъ матеріализмѣ Маркса [1]).

---

[1]) Еще дальше въ этомъ направленіи пошелъ уже упомянутый Charles Bonnier, который утверждаетъ, что Марксъ долженъ считаться единственнымъ, истиннымъ преемникомъ великаго нѣмецкаго діалектика, точно такъ же, какъ этотъ послѣдній, въ свою очередь, былъ непосредственнымъ продолжателемъ дѣла

Но, конечно, для насъ наибольшій интересъ представляетъ мнѣніе самого Маркса о діалектикѣ. Вотъ что говоритъ по тому же поводу Марксъ въ предисловіи къ первому тому „Капитала“: „мой діалектическій методъ по своему основанію (Grundlage) не только отличенъ отъ гегелевскаго, но и составляетъ прямую его противоположность (Gegenteil). Для Гегеля процессъ мышленія, который онъ превратилъ подъ именемъ идеи въ самостоятельный субъектъ, является деміургомъ дѣйствительности (des Wirklichen), которая сама образуетъ лишь его внѣшнее проявленіе. У меня же, наоборотъ, идеальное, мыслимое (das Ideale) есть не что иное, какъ матеріальное, переработанное (umgesetzte) и переведенное въ человѣческой головѣ“... „Мистическая форма, въ которую облекается въ рукахъ Гегеля діалектика, ничуть не препятствуетъ тому, что онъ п е р в ы й разработалъ общія формы ея движенія. Но она стоитъ у него на головѣ. Нужно ее перевернуть, чтобы открыть раціональное зерно въ мистической оболочкѣ“. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія Маркса существуетъ непосредственная связь между философіей Гегеля и его собственной, которая является только извѣстнымъ видоизмѣненіемъ первой. Намъ лично наиболѣе близкимъ къ истинѣ представляется взглядъ Кунова, по которому зависимость м а р к с и з м а отъ діалектики носитъ чисто внѣшній характеръ, идущій однако, какъ это видно изъ приведенныхъ словъ Маркса, въ разрѣзъ съ его собственнымъ мнѣніемъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду популярности мысли о тѣсной связи марксизма съ гегелевской діалектикой, вопросъ этотъ, какъ и вообще вопросъ о философскихъ предпосылкахъ научнаго соціализма есть вопросъ, заслуживающій серьезнаго вниманія, хотя бы потому, что среди убѣжденныхъ

марксистовъ найдется не мало людей, для которыхъ „діалектика и „діалектическій методъ", противополагаемый обыкновенному научному методу, есть нѣчто, сильно отзывающееся метафизической спекуляціей, и которые не раздѣляютъ того мнѣнія, что научный соціализмъ долженъ непремѣнно обладать „своей", т.-е. „пролетарской" философіей и „своей" логикой. Но уже первая попытка подойти ближе къ этому вопросу наталкивается на весьма серьезныя препятствія. Какъ это ни странно, но ни у одного изъ серьезныхъ теоретиковъ марксизма мы не найдемъ не только вполнѣ разработанной въ научномъ смыслѣ теоріи діалектики, но сколько-нибудь точнаго обоснованія тѣхъ идей, совокупность которыхъ они называютъ діалектикой. Но даже въ области совершенно общихъ указаній, далѣе которыхъ не идутъ защитники діалектики, мы видимъ полную разноголосицу, хотя бы въ вопросахъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ и въ какомъ объемѣ допустима гегелевская діалектика, и что считать ея „мистической формой" и что ея „раціональнымъ зерномъ". Даже у отдѣльныхъ поклонниковъ „діалектики" точка зрѣнія ихъ на этотъ вопросъ не можетъ считаться устойчивой; достаточно, напримѣръ, сравнить то, что говорится о діалектикѣ въ „Анти-Дюрингѣ" Энгельса, съ его объясненіями по тому же поводу въ „Людвигѣ Фейербахѣ", чтобы видѣть, какой громадный шагъ впередъ сдѣланъ Энгельсомъ въ пониманіи діалектики со времени выхода въ свѣтъ „Анти-Дюринга". Поэтому, если на вопросъ, что такое гегелевская философія, отвѣтить не такъ то легко, то еще труднѣе опредѣлить, гдѣ съ точки зрѣнія марксиста долженъ кончаться „мистическій" Гегель и гдѣ долженъ начинаться „раціональный" Гегель. На первый

взглядъ, Марксомъ какъ будто даны довольно опредѣленныя указанія на этотъ счетъ: нужно откинуть основаніе (Grundlage) гегелевской діалектики, (каковыми является у него идея мышленія или саморазвивающійся духъ, проэкціей котораго во внѣ является дѣйствительность), и замѣнить это идейное основаніе матеріальнымъ; это матеріальное находится въ процессѣ движенія, который находитъ свое отраженіе въ мышленіи; общія же формы движенія мы можемъ цѣликомъ заимствовать у Гегеля, ибо онъ далъ полное и сознательное ихъ описаніе. Но Марксъ не ограничился только теоретическимъ превозглашеніемъ этого методическаго принципа; онъ сдѣлалъ попытку подвести подъ общія схемы гегелевскаго развитія подмѣченныя имъ путемъ историческаго изученія дѣйствительныхъ фактовъ закономѣрности въ развитіи матеріальныхъ условій общественной жизни. Такимъ образомъ, являются на историческую сцену и пресловутая смѣна противоположностей и трихотомическій принципъ движенія и отрицаніе отрицанія и переходъ количества въ качество. Ненужно, однако, быть особенно глубокимъ знатокомъ „Капитала“, чтобы видѣть, что всѣ эти схоластическія схемы у Маркса играютъ исключительную роль философской формы, наряда, въ который онъ облекаетъ свои, добытыя чисто индуктивнымъ путемъ, обобщенія; никому изъ тѣхъ буржуазныхъ критиковъ Маркса, которые пытались воспользоваться этимъ капризомъ геніальнаго ума для доказательства конструктивно-догматическаго происхожденія его исторической теоріи, не удалось демонстрировать хотя бы на одномъ случаѣ зависимость его историческихъ гипотезъ отъ какой-нибудь заранѣе готовой философской доктрины.

АННУЛИРОВАНО

Библиотека СССР Академии Наук СССР

Діалектическія схемы столь же мало могутъ считаться доказательствомъ спекулятивнаго происхожденія выводовъ Маркса, какъ и та обстрактно-метафизическая терминологія, которая свойственна „Капиталу“, и которая, дѣйствительно, можетъ ввести въ заблужденіе неопытнаго читателя относительно истиннаго характера научныхъ пріемовъ Маркса. Но если это такъ, то для чего, спрашивается, понадобились Марксу эти погремушки Гегелевскаго схематизма, почему онъ такъ настаивалъ на преемственной связи своей методологіи съ гегелевской, и зачѣмъ нужно было ему сохранить для послѣдней совершенно неподходящій терминъ діалектической? Очевидно, только въ цѣляхъ болѣе „строгаго и точнаго формулированія выводовъ“ — и, можетъ быть, въ видахъ болѣе рѣзкаго отграниченія своей точки зрѣнія, т.-е. точки зрѣнія строго-закономѣрнаго историческаго развитія, отъ догматизма и антиисторическаго характера классической школы въ политической экономіи и мнимо-историческаго направленія нѣмецкихъ экономистовъ типа Рошера, Книса и Бруно-Гильдебранда. Догадка Кунова тѣмъ болѣе представляется вѣроятной, что, если бы Марксъ дѣйствительно придавалъ сколько-нибудь серьезное значеніе выработаннымъ Гегелемъ схемамъ движенія, а не считалъ бы ихъ просто способомъ болѣе нагляднаго, отчетливаго, рельефнаго изображенія эволюціи общественно-экономическихъ формъ, то, при свойственной ему обстоятельности, научной добросовѣстности, онъ, конечно, удѣлилъ бы гораздо больше вниманія ихъ философскому обоснованію и критическому анализу, а между тѣмъ, послѣдніе совершенно отсутствуютъ въ тѣхъ частяхъ „Капитала“, гдѣ Марксъ прибѣгаетъ къ услугамъ Гегелевскихъ категорій. Не могъ же Марксъ полагать, что тѣ основанія, на которыхъ

покоится у Гегеля ученіе о формахъ движенія, могутъ считаться достаточными также и для тѣхъ, кто, какъ и Марксъ, не раздѣлялъ вѣры Гегеля въ самоочевидность законовъ развитія абсолютнаго духа. Не ясно ли послѣ всего сказаннаго, что въ глазахъ Маркса гораздо большую цѣнность имѣетъ вопросъ не о формахъ движенія, а самый принципъ закономѣрнаго движенія развитія.

Тотъ шагъ, на который очевидно не рѣшился Марксъ, былъ сдѣланъ Энгельсомъ, посвятившимъ вопросу о діалектикѣ въ своемъ „Анти-Дюрингѣ“ цѣлыхъ двѣ главы; въ предисловіи ко второму изданію „Анти-Дюринга“ Энгельсъ указываетъ на то, что самое появленіе въ свѣтъ его книги было вызвано необходимостью дать болѣе менѣе связное изложеніе представляемаго Марксомъ и имъ діалектическаго метода. Достигнута ли Энгельсомъ въ этомъ изслѣдованіи намѣченная имъ цѣль? Если подъ „изложеніемъ“ понимать точное формулированіе теоріи, то эта задача, за незначительными исключеніями, выполнена блестяще, какъ это могъ сдѣлать только одинъ Энгельсъ; но если, вмѣстѣ съ Энгельсомъ, исходить изъ того взгляда, что изложеніе ставитъ своей цѣлью не только уясненіе извѣстной теоріи и отграниченіе ея отъ другихъ, но убѣжденіе читателя въ правильности ея основаній, то едва ли можетъ быть данъ утвердительный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ. Если принять во вниманіе все то значеніе, которое имѣетъ въ глазахъ Энгельса діалектика и діалектическій методъ (см. уже упомянутое предисловіе ко 2-му изданію), то нужно признать, что аргументація Энгельса, вполнѣ достаточная, можетъ быть, для устраненія такой легковѣсной критики, какъ предъявленная Дюрингомъ, въ общемъ совершенно не соотвѣтствуетъ

важности вопроса и не устраняетъ многихъ сомнѣній. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, что такое діалектика для Энгельса? Это—отнюдь не „орудіе простого доказательства, какъ формальная логика или элементарная математика“ (стр. 137 русскаго перевода Ю. Цедербаума, изд. Яковенко) и не только „методъ для отысканія новыхъ результатовъ, для перехода отъ извѣстнаго къ неизвѣстному“; діалектика для Энгельса есть не болѣе, не менѣе, какъ „наука о всеобщихъ законахъ движенія и развитія природы, человѣческаго общества и мышленія“ (стр. 145). При помощи какихъ же пріемовъ, спрашивается, можетъ быть построена такая наука? На этотъ вопросъ очень обстоятельный отвѣтъ найдемъ въ 1-й главѣ 1-го отдѣла книги Энгельса; онъ говоритъ: „принципы являются не исходнымъ пунктомъ изслѣдованія, но его конечнымъ результатомъ; они не примѣняются къ природѣ и исторіи человѣчества, а абстрагируются изъ той и другой; не природа и міръ человѣческій движутся по принципамъ, но принципы справедливы лишь постольку, поскольку согласуются съ природой и исторіей. Таково единственное пониманіе вещей, которое можетъ быть названо матеріалистическимъ, а противоположное пониманіе г. Дюринга идеалистично: оно ставитъ все вверхъ ногами и конструируютъ дѣйствительный міръ изъ идей, изъ существовавшихъ гдѣ-то до сотворенія міра схемъ или категорій, однимъ словомъ, въ духѣ... какого-нибудь Гегеля“. Немного ранѣе онъ говоритъ: „логическія схемы могутъ относиться только къ формамъ мышленія, а у насъ же рѣчь идетъ только о бытіи, о внѣшнемъ мірѣ, а его формы мысль никогда не можетъ создать и вывести изъ себя самой, но только изъ внѣшняго міра“. Если это отрицаніе апріорныхъ формъ знанія, выражен-

ное съ такой силой въ приведенныхъ словахъ Энгельса, справедливо въ отношеніи всякихъ частныхъ принциповъ знанія, то тѣмъ болѣе вправѣ требовать мы, чтобы такой всеобъемлющій принципъ, какъ законъ всеобщаго движенія и развитія природы, человѣческаго общества и мышленія, опирался только на опытныя данныя, и явился не „выстрѣленнымъ изъ пистолета“ (по мѣткому выраженію Людвига Штейна), а какъ завершеніе процесса обработки частныхъ законовъ, добытыхъ такимъ же опытнымъ путемъ отдѣльными частными дисциплинами. Очевидно, что съ точки зрѣнія Энгельса, ко времени появленія въ свѣтъ его изслѣдованія спеціальныя науки уже настолько подвинулись впередъ, что можно было на основаніи добытаго имъ матеріала приступить къ формулированію универсальнаго закона развитія. Мы говоримъ это потому, что Энгельсъ не удовольствовался только постулированіемъ возможности существованія такихъ законовъ, но и указалъ содержаніе ихъ. Эти законы суть всѣ тѣ же старые знакомые: законъ разрѣшенія противорѣчій, перехода количественныхъ измѣненій въ качественныя различія и отрицаніе отрицанія, которые въ своей совокупности составляютъ сущность діалектики. Читатель ожидаетъ, что вслѣдъ за формулированіемъ этихъ законовъ, Энгельсъ покажетъ ему и тѣ фактическія данныя, на основаніи которыхъ построено имъ обобщеніе столь всеобъемлющаго значенія, какъ принципъ всеобщаго развитія. Но онъ будетъ жестоко разочарованъ: вмѣсто того чтобы показать, какъ въ предѣлахъ каждой отдѣльной дисциплины изъ наблюденій надъ развитіемъ обнимаемыхъ ею фактовъ возникаютъ въ той или иной формѣ законы развитія этихъ фактовъ, Энгельсъ ограничивается лишь тѣмъ, что демон-

стрируетъ передъ нами рядъ выхваченныхъ безъ всякой системы изъ области естественныхъ наукъ, математики и исторіи иллюстрацій; но эти примѣры въ лучшемъ случаѣ доказываютъ только, что *отдѣльныя* формы развитія *могутъ* быть подведены подъ дѣйствіе этихъ законовъ. И всѣ эти „доказательства“ исключительной важности принципа занимаютъ не болѣе 30 страничекъ (мы говоримъ про русское изданіе), изъ коихъ добрая половина занята полемикой противъ Дюринга.

Не ясно ли, что Энгельсъ самъ впадаетъ въ ту же ошибку, которую онъ считаетъ столь характерной для мыслителей идеалистическаго типа: вмѣсто того, чтобы согласно даннымъ имъ указаніямъ исходить отъ конкретнаго къ абстрактному путемъ постепеннаго абстрагированія, Энгельсъ, предвосхищая результаты работы отдѣльныхъ наукъ, *сначала* совершенно апріорно постулируетъ извѣстныя схемы развитія, а *потомъ* уже дѣлаетъ попытку конструировать при помощи этой своей схемы извѣстную группу фактовъ.

Хотя Энгельсъ и освободилъ свои діалектическія схемы отъ мистико-спиритуалистическаго тумана, въ который они облечены у Гегеля, ему не удалось все-таки, пролить свѣтъ на тотъ способъ, которымъ они возникли въ головѣ ихъ творца; несмотря на торжественныя увѣренія Энгельса, что онъ, подобно Ньютону, руководствовался правиломъ: „„hypotheses non fingo“, діалектическіе законы Энгельса явились на свѣтъ не такъ, какъ надлежало имъ въ виду той роли, которую они призваны по Энгельсу играть въ наукѣ, т.-е. не путемъ нормальнаго зачатія въ нѣдрахъ конкретнаго путемъ постояннаго взаимодѣйствія между мыслью и дѣйствительнымъ бытіемъ, а путемъ generatio aequivoca, въ мистеріяхъ саморазвиваю-

щагося и самооплодотворяющагося духа. Посмотрите, какъ тщетны усилія Энгельса, получившаго ихъ готовыми въ наслѣдство отъ Гегеля, вдохнуть въ нихъ дѣйствительную жизнь, заставить ихъ ходить по землѣ и освѣтить при помощи ихъ нѣкоторые уголки дѣйствительнаго міра; посмотрите, какъ неуловимы эти безплотныя созданія, и какъ всѣ попытки изловить ихъ, разглядѣть ихъ таинственныя черты, оканчиваются неизмѣнно тѣмъ, что онѣ постепенно и незамѣтно ускользаютъ изъ рукъ изслѣдователя и испаряются въ тотъ моментъ, когда преслѣдующій увѣренъ, что онъ имъ овладѣлъ. Таково общее впечатлѣніе, которое оставляетъ усилія Энгельса реабилитировать созданія Гегелевской фантазіи.

Повидимому, и самъ Энгельсъ впослѣдствіи, когда нѣсколько остыло его увлеченіе возможностью однимъ ударомъ создать всеобщую теорію развитія, почувствовалъ недостаточность того фактическаго матеріала, который могъ быть привлеченъ для обоснованія діалектическихъ схемъ; въ пользу этого предположенія сильно говоритъ то обстоятельство, что въ позднѣйшемъ и наиболѣе зрѣломъ своемъ произведеніи философскаго характера—„Людвигѣ Фейербахѣ“—Энгельсъ, возвращаясь къ вопросу о Гегелевской философіи и діалектикѣ, ни однимъ словомъ уже не упоминаетъ о переходѣ количественныхъ измѣненій въ качественныя различія и объ отрицаніи отрицанія по правилу противоположности; онъ говоритъ о нихъ только мимоходомъ, по поводу вопроса о разумности дѣйствительнаго и о дѣйствительности разумнаго.

А между тѣмъ это сочиненіе Энгельса преслѣдуетъ ту же самую задачу, что и „Анти-Дюрингъ“,

а именно — изложить вкратцѣ и систематически отношеніе марксизма къ гегеліанству, т.-е. показать, какъ „нашъ исходный пунктъ, такъ и разрывъ съ нимъ“ (предисловіе, стр. 4 русскаго перевода. 2-е изданіе А. М. Алексѣевой). Не ясно ли отсюда, что въ эту эпоху Энгельсъ гораздо болѣе скептически относится къ цѣнности общихъ формъ движенія, формулированныхъ Гегелемъ, чѣмъ въ эпоху „Анти-Дюринга“. Какъ иначе объяснить то, что, задавшись цѣлью опредѣлить отношенія марксизма къ гегеліанству, Энгельсъ почти совершенно игнорируетъ тѣ стороны гегелевской діалектики, которыя онъ такъ энергично защищалъ раньше противъ Дюринга. Очевидно, что, если Энгельсъ и не рѣшился сдать окончательно въ архивъ вмѣстѣ съ прочими обветшавшими аттрибутами гегелевской схоластики также и категоріи развитія, то эти послѣднія уже несомнѣнно въ его глазахъ утратили значительную часть своего былого обаянія и всеобъемлющей достовѣрности. Но каково бы ни было новое отношеніе Энгельса къ діалектическимъ схемамъ, фактъ тотъ, что не въ этихъ діалектическихъ схемахъ онъ видитъ теперь тотъ элементъ, который даетъ право философіи великаго діалектика на непреходящее значеніе въ исторіи мысли. Такими чертами обладаетъ съ точки зрѣнія Энгельса теперь уже только самый принципъ движенія и развитія, со всѣми вытекающими изъ него выводами. Этотъ принципъ находитъ свое выраженіе въ слѣдующемъ положеніи: „міръ надо понимать не какъ комплексъ готовыхъ вещей, но какъ комплексъ процессовъ, въ которыхъ вещи, кажущіяся намъ неизмѣнными, равно какъ и ихъ мысленныя отраженія въ нашей головѣ, т.-е. понятія, проходятъ

безпрерывную смѣну возникновенія и уничтоженія... Старый методъ изслѣдованія и мышленія, который Гегель называетъ „метафизическимъ“, занимался преимущественно вещами, какъ данными неизмѣнными состояніями. „(стр. 40). Отсюда — невозможность какихъ-нибудь абсолютныхъ, неизмѣнныхъ состояній, и, слѣдовательно, абсолютной истины и утвержденіе всеобщаго непостоянства, выражающагося въ непрерывномъ процессѣ созиданія и разрушенія, безконечнаго перехода отъ низшаго къ высшему. Этотъ принципъ всеобщей эволюціи и есть то, что́ называютъ діалектическимъ методомъ, а діалектика есть наука общихъ законовъ движенія, какъ во внѣшнемъ мірѣ, такъ и въ человѣческомъ мышленіи, которое является лишь отраженіемъ діалектическаго развитія міра. Каково же содержаніе этихъ всеобщихъ законовъ движенія и развитія, каковы формы развитія, остается у Энгельса пока невыясненнымъ. Повидимому, Энгельсъ полагаетъ, что это—дѣло сначала отдѣльныхъ наукъ, выясняющихъ взаимную связь явленій природы въ отдѣльныхъ областяхъ, а, затѣмъ объединяющей мысли, которая съ помощью данныхъ, добытыхъ эмпирическимъ естествознаніемъ, можетъ помочь намъ понять сверхъ отдѣльныхъ связей въ извѣстномъ кругѣ явленій также и ту связь которая объединяетъ отдѣльныя области между собой. Только при такомъ условіи мы вмѣсто фантастической, воображаемой связи явленій, которая является на мѣсто недостающей дѣйствительной связи, вмѣсто „натурфилософіи“получимъ опытную систему природы въ ея цѣломъ. Хотя Энгельсъ на стр. 42 изслѣдованія и утверждаетъ, что благодаря общему прогрессу естественныхъ наукъ мы могли бы построить уже теперь та-

кую вполнѣ удовлетворительную „систему природы“, но самъ, однако, попытки построить такую систему, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, не дѣлаетъ, оставляя насъ въ неизвѣстности, въ какомъ отношеніи съ его теперешней точки зрѣнія находятся гегелевскіе законы всеобщаго развитія къ этой искомой „системѣ природы“.

Такимъ образомъ, формулированная впервые Марксомъ задача разграниченія жизнеспособныхъ элементовъ отъ мистическаго бреда въ философіи Гегеля не нашла себѣ въ трудахъ Энгельса окончательнаго разрѣшенія. Гораздо ближе къ существу проблемы подошелъ другой мыслитель марксистскаго лагеря—рабочій Іосифъ Дицгенъ, который, по удостовѣренію Энгельса (Л. Фейербахъ, стр. 39), совершеннно независимо отъ Маркса и Энгельса и даже отъ Гегеля открылъ матеріалистическую діалектику.

Судьба этого замѣчательнаго мыслителя и философа чрезвычайно характерна для современныхъ литературныхъ условій; писатель, не принадлежащій ни къ одному изъ существующихъ въ извѣстной области направленій, можетъ быть увѣренъ, что буржуазная критика обойдетъ молчаніемъ его труды, хотя бы въ трудахъ этихъ заключались чрезвычайно драгоцѣнныя данныя для разрѣшенія наиболѣе трудныхъ проблемъ. Произведенія Дицгена, несмотря на свою популярную, предназначенную для совершенно или почти неподготовленнаго читателя форму, посвящены разработкѣ глубочайшихъ и наиболѣе мучительныхъ запросовъ человѣческаго духа въ области отвлеченной мысли; освѣщеніе затронутыхъ темъ отнюдь не шаблонно и не наивно, и не сводится къ открытію философскихъ „Америкъ“, какъ это часто бываетъ въ сочиненіяхъ автодидактовъ. Напротивъ,

Дицгенъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ работахъ, обнаруживаетъ не только очень основательное знакомство со всѣмъ, что сдѣлано въ разрабатываемой имъ области предшественниками, но и рѣдкое умѣніе оріентироваться въ громадной массѣ матеріала и отдѣлять наиболѣе характерное для даннаго теченія мысли отъ случайныхъ примѣсей. Если сюда прибавить несомнѣнный и очень крупный философскій талантъ, т.-е. способность внести единство и стройность въ развертываемое передъ читателемъ міровоззрѣніе, то станетъ яснымъ, насколько пристрастна буржуазная критика, совершенно замолчавшая Дицгена и усердно занимавшаяся оцѣнкой мыслителей, которые недостойны развязать ремни у Дицгена. Уже выше было указано, что многія изъ тѣхъ идей до которыхъ только теперь доработалась мысль цеховыхъ ученыхъ, были впервые высказаны Дицгеномъ и высказаны не мимоходомъ, не случайно, а съ полнымъ сознаніемъ и съ большой силой.

Среди послѣдователей Маркса Дицгенъ является, въ сущности, единственнымъ, мысль котораго можетъ считаться не случайной гостьей въ области философіи, а полнымъ хозяиномъ; поэтому его отношеніе къ занимающему насъ вопросу въ особенности любопытно. Центръ тяжести философскихъ изысканій Дицгена составляетъ такъ называемая теорія познанія (Erkenntnisstheorie); подъ теоріей познанія онъ разумѣетъ законы дѣятельности нашего интеллекта (Denklehre) [1].

Истиннымъ объектомъ философіи является „познаваніе“ (die Erkenntniss) [2], но не познаваніе, которое хочетъ знать в с е, какъ во времена Сократа.

---

[1] „D. Aq. d. Phil“. Uorrede, S. VIII.

[2] Тамъ же, S. 5.

но познаваніе — разумъ, мыслительную или познавательную способность (Denk oder Erkenntnissvermögen) [1]; въ другомъ мѣстѣ онъ опредѣляетъ этотъ объектъ, какъ „методъ“, пути и форму, при помощи которыхъ мысль достигаетъ своихъ прочныхъ завоеваній (Schöpfungen). Исторія философіи есть картина хотя „тяжелой, но не совсѣмъ безрезультатной борьбы за выясненіе вопроса, что такое представляетъ собой и какъ функціонируетъ, изъ какихъ частей состоитъ и какова природа познаванія, интеллекта, разсудка, разума, духа, способности понимать, различать, представлять, судить и заключать“. Существеннѣйшимъ результатомъ этой борьбы слѣдуетъ считать въ наше время все яснѣе и точнѣе развивающееся „сознаніе, что природа человѣческаго интеллекта одного рода, одного вида, одной семьи съ остальной природой [2]). „Міровая, монистическая природа, которая представляется одновременно преходящей и вѣчной, ограниченной и неограниченной, спеціальной и общей, является во всемъ и все находится въ этой природѣ—познаваніе или способность познаванія не составляетъ отсюда исключенія“ [3]). Другой результатъ философской борьбы это—сознаніе, что наша способность познаванія ограничена, но что ограниченность эта должна быть понимаема не въ томъ смыслѣ, что „познаніе, которое добывается наукой на этой землѣ, только номинальное, но отнюдь не настоящее знаніе“.

Человѣческій разумъ вовсе не „суррогатъ“ какого-то „высшаго“ интеллекта, существованіе ко-

---

[1]) Тамъ же, S. 10.
[2]) Тамъ же, S. 11.
[3]) Тамъ же, S. 13.

тораго хотя и не можетъ быть доказано, но устанавливается путемъ „вѣры“. Нѣтъ, познаваніе ограничено такъ же и въ такомъ же смыслѣ, какъ и все остальное въ природѣ; нашъ интеллектъ есть извѣстный инструментъ и, какъ всякій инструментъ, ограниченъ предѣлами той цѣли, для которой онъ конструированъ, но какъ инструментъ, онъ представляетъ самое лучшее и самое совершенное, что можетъ быть въ этомъ родѣ.

Назначеніе этого инструмента — познать міръ, Universum, Космосъ, часть котораго инструментъ этотъ самъ составляетъ; другими словами, интеллектъ—это часть природы, которая имѣетъ желаніе или стремленіе составить себѣ представленіе (образъ) всѣхъ остальныхъ частей, и не только взаимной ихъ связи, но о цѣломъ всѣхъ отдѣльныхъ частей, которое одно только и есть нѣчто нераздѣльное и безконечное“ [1]).

Первоначальные продукты работы этого инструмента, совершенствовавшіеся лишь постепенно, въ процессѣ познаванія, были сравнительно грубы; неискушенный еще достаточно въ опытѣ знанія нашъ разумъ склоненъ преувеличивать подмѣчаемыя въ природѣ различія; отсюда то рѣзкое противоположеніе конечнаго безконечному, духовнаго—матеріальному и т. д.; только на почвѣ расширеннаго опыта вырабатывается убѣжденіе, что между вещами существуютъ лишь различія въ степени (graduelle Unterschiede), а не такъ называемыя „абсолютныя“ различія („toto coelo“), какъ не существуетъ между вещами и абсолютнаго сходства. Работа познаванія заключается въ томъ, чтобы планомѣрно группировать явленія природы

---

[1]) Тамъ же, S. 18.

въ классы, виды, семейства, и т. д.; „познавать— значитъ вырабатывать при помощи того же процесса группированія, къ которому прибѣгаетъ ботаника и зоологія, общее и въ то же время возможно болѣе детальированное представленіе о процессахъ и продуктахъ космоса“ [1]). Если работа мысли можетъ быть сведена къ изготовленію для человѣка картины (Abbild) міра, то языкъ можетъ быть названъ кистью мысли. Эта кисть, благодаря своимъ особымъ свойствамъ, „рисуетъ намъ всеобщее сходство всѣхъ вещей и дѣлаетъ это такимъ способомъ: она не только каждой вещи даетъ особое имя, но и прикрѣпляетъ еще къ этому имени особое названіе, обозначающее то семейство, къ которому относится эта вещь; къ этому семейному прозвищу она прибавляетъ еще обозначеніе расы, затѣмъ вида, рода и, наконецъ, общее имя, которое должно указывать на то, что всѣ вещи суть части единой и нераздѣльной монады, которая называется міромъ, вселенной, бытіемъ (Dasein), Universum'омъ, космосомъ [2]). Это схематическое строеніе языка доставляетъ намъ возможность получить слѣпокъ („Abbild“), какъ съ относительнаго сходства („graduelle Verwandtchaft“) вещей, такъ и той формы и того способа, какимъ человѣческій духъ создаетъ свои знанія или снимки“. [3]). Однако, изъ отсутствія родового названія двухъ вещей, мы не имѣемъ еще права заключать, какъ это часто дѣлается, объ отсутствіи всякаго между ними сходства или сродства. Такъ, напримѣръ, въ языкѣ нашемъ [4]) нѣтъ особаго термина для обозначенія сродства

[1]) Тамъ же, S. 22.
[2]) Тамъ же, S. 88.
[3]) Тамъ же, S. 38.
[4]) Т.-е. конечно нѣмецкомъ (Я. Б.).

между мыслью и дѣйствительностью". „Мысли вѣдь, въ сущности, та же дѣйствительность. Конечно, громадная разница, имѣю ли я, напримѣръ, сто талеровъ въ мысляхъ или въ дѣйствительности, т.-е. въ карманѣ. Тѣмъ не менѣе, мы не должны преувеличивать сверхъ всякой мѣры это различіе. Нарисованныя или воспроизведенныя въ нашемъ представленіи деньги, суть также дѣйствительныя, дѣйствительно представленныя деньги. („Virklich gedachte Gelder"). Это значитъ, что въ нашемъ языкѣ отсутствуютъ слова, которыя бы могли ясно выразить различные виды дѣйствительности въ рамкахъ единства" [1]).

„Матерія, сила, идея, представленія, понятія, сужденія, заключенія, знанія благодаря свѣту, внесенному нынѣ философіей, признаются лишь различными видами или разнообразіемъ одной монистической общности (Gattung)" „Назовемъ ли мы объектъ нашего изслѣдованія вещью или дѣятельностью, это не имѣетъ никакого значенія. Различіе этихъ вещей столь же мало противорѣчитъ единству, какъ единство противорѣчитъ различію... Чтобы соединить воедино, согласно указаніямъ разума, червя и слона, низшихъ и высшихъ животныхъ, растительное и животное, неорганическое и органическое, какъ членовъ одного рода или вида, слѣдуетъ особенно внимательно изучать постепенность, лѣстницу (Stufenordnung) природы, переходныя формы и промежуточныя понятія" [2]).

„Съ точки зрѣнія новѣйшаго естествознанія все сущее можетъ быть сведено къ движенію"... „Познаніе, интеллектъ есть тоже вещь, находящаяся

---

[1]) Тамъ же, S. 40.
[2]) Тамъ же, S. 42.

въ дѣйствіи, или вещественная дѣятельность, какъ солнечный свѣтъ, какъ теченіе рѣки, какъ ростущее дерево, какъ разрушающая скала или любое иное явленіе природы. Но въ тоже время познаніе, мышленіе, которое совершается въ человѣческой головѣ, есть воспріятіе, воспріятіе столь же несомнѣнной достовѣрности, какъ и матеріальное воспріятіе. Что мы воспринимаемъ познающую, мыслящую, интеллектуальную дѣятельность при помощи внутренняго чувства, а не внѣшняго, не можетъ ничуть подорвать нашего утвержденія о чувственномъ характерѣ воспріятія этой дѣятельности"... „Понятіе матеріальнаго не имѣло до настоящаго времени строго очерченнаго значенія, но носило болѣе или менѣе расплывающійся характеръ"... „Функція головнаго мозга также матеріальна, какъ и функція сердца. Сердце и его функціи различны, но все-таки связаны другъ съ другомъ настолько тѣсно, что одно немыслимо безъ другого" [1]).

„Ошибка вульгарнаго (механическаго) матеріализма заключается въ томъ, что онъ невѣрно формулируетъ проблему о матеріальности познанія. Онъ учитъ, что мыслительная дѣятельность есть свойство мозга, а объектомъ изслѣдованія является мозгъ; свойства же его, т.-е. самая работа мысли, не заслуживаетъ особаго изученія. Такъ какъ матеріалистъ исходитъ изъ совершенно невѣрнаго представленія объ отношеніи вещи къ ея свойству, субъекта къ предикату, то онъ не можетъ понять, что это отношеніе само по себѣ можетъ быть достойнымъ объектомъ изслѣдованія. Для матеріалиста единственной субстанціей, въ которой растворяется весь міръ, является механиче-

[1]) Тамъ же, S 45.

ское движеніе, т.-е. то, что можетъ быть осязаемо; а это послѣднее на самомъ дѣлѣ есть лишь извѣстная *часть* міра. Но не только осязаемое должно считаться вещью, но къ этой категоріи нужно отнести и солнечные лучи и ароматъ цвѣтовъ и познаніе. Но всѣ эти „вещи“ суть только относительныя вещи, поскольку они являются свойствами Единаго и Абсолютнаго, которое и есть единственная вещь, вещь въ себѣ, которая хорошо знакома каждому подъ именемъ Universum'a или космоса“[1]).

„Съ этой точки зрѣнія представляется совершенно ошибочнымъ утвержденіе старой логики, что послѣднимъ источникомъ, изъ котораго черпаетъ свои познанія человѣческій духъ, должно считаться воспріятіе; нѣтъ, послѣднимъ источникомъ является природа, а наше воспріятіе лишь посредникъ; конечный же продуктъ—п о з н а н н а я истина,—не можетъ считаться самой истиной, а только формальнымъ образомъ (Bild) ея. Универсальная природа есть послѣдній источникъ, есть вѣчная и непреходящая истина, а наше познаніе, какъ и всякій другой отрывокъ универсальнаго существованія, есть только аттрибутъ, часть абсолютной природы.

„Новѣшая философія, начиная съ Бэкона Веруламскаго и кончая Гегелемъ, живетъ въ постоянной борьбѣ съ аристотелевской логикой. Результатъ этой борьбы не есть отрицаніе старыхъ положеній традиціонной логики, но расширеніе прежняго круга логическаго познанія новымъ кругомъ, но несравненно большого значенія. Въ интересахъ болѣе удачнаго пониманія нужно выдѣлить этотъ новый кругъ знаній въ особую группу, которую

---

[1]) Тамъ же S 46.

слѣдуетъ назвать „теоріей познаній“, или „діалектикой“.

„Основные принципы сужденія“ или „законы мышленія“ старой логики, какъ извѣстно могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: 1) законъ тождества, 2) законъ противорѣчія, 3) законъ исключеннаго третьяго, 4) законъ достаточнаго основанія. Эти нормы мышленія въ глазахъ діалектива имѣютъ лишь условный характеръ и годный только для домашняго обихода. Если же будемъ разсматривать вещи подъ угломъ зрѣнія жизни космоса (sub specie aeternitatis), то знаменитые законы мышленія окажутся лишь вспомогательнымъ средствомъ (Behelf) взамнаго пониманія людей. Эта ограниченная (determinierte) логика хороша и цѣлесообразна, пока она связана съ сознаніемъ ея ограниченности. Но до сихъ поръ этого не было. Эта логика постоянно упускала изъ виду, что познаніе, которое она вырабатываетъ при помощи своихъ правилъ, не есть реальный міръ, а только идеальный, т.-е. болѣе или менѣе удачный снимокъ съ перваго“. „Петръ и Павелъ, которые съ точки зрѣнія закона тождества остаются всю жизнь тѣмъ же самымъ Петромъ и Павломъ, въ дѣйствительности каждый часъ и каждый день измѣняются; подобно этимъ двумъ, всѣ, вообще, вещи реальнаго міра не могутъ считаться постоянными, но только перемѣнными величинами“[1]).

„Теорія познанія, или діалектика, какъ одно изъ завоеваній новѣшей философіи, свидѣтельствуетъ намъ, что тождества людей, лѣсовъ и гранитныхъ скалъ неразрывно связано съ безконечной изм ѣ н ч и в о с т ь ю. Разсматриваніе вещей подъ угломъ зрѣнія тождества есть вещь не только не-

[1]) Тамъ же, S 52.

обходимая, но и неизбѣжная, не только въ жилейскомъ обиходѣ, но и въ наукѣ, но весьма важно не упускать изъ вида, что вещи не только едины и неизмѣнны, но въ тоже время измѣнчивы и текучи. Это видимое противорѣчіе находитъ себѣ объясненіе въ томъ фактѣ, что объектъ логики суть не самыя вещи, а только образы ихъ, создаваемые нашимъ интеллектомъ въ цѣляхъ общенія между людьми.

„Тотъ же самый законъ мышленія, въ силу котораго мы составляемъ себѣ при помощи идей возможно болѣе точную картину вещей, учитъ насъ, что всѣ безъ исключенія вещи, процессы и явленія на самомъ дѣлѣ вовсе не вещи, но подобны цвѣту того шелка, который оставаясь всегда себѣ равнымъ или тождественнымъ, въ то же время отливаетъ во всѣхъ различныхъ оттѣнкахъ. Вещи, къ числу которыхъ относится также мыслящая вещь или интеллектъ, не только не одинаковы съ начала, до конца, но на самомъ дѣлѣ не имѣютъ ни начала ни конца, но, какъ явленія безконечной природы, только повидимому имѣютъ начало и конецъ, въ то время какъ въ дѣйствительности онѣ суть лишь превращенія (Verwandlungen), которыя на время возникаютъ изъ безконечнаго и снова въ него погружаются“. „Если познаніе не имѣетъ начала, то мы можемъ прослѣдить развитіе индивидуальнаго духа до момента его возникновенія. Гдѣ начинается у ребенка сознаніе? До, при или послѣ рожденія. Это мы не знаемъ, но знаемъ, что сознаніе возникаетъ изъ своей противоположности - безсознательнаго, и снова въ него погружается. Вслѣдствіе этого мы признаемъ безсознательное субстанціей, а сознаніе ея предикатомъ или аттрибутомъ, твердыя же понятія которыя мы составляемъ себѣ въ отдѣльныхъ фор-

махъ или явленіяхъ природы — субстанціи, мы должны считать лишь необходимыми вспомогательными средствами объясненія природы. Безконечная субстанція-природа есть въ высшей степени подвижной элементъ, въ которомъ всплываетъ на поверхности все, что мы считаемъ прочнымъ, чтобы опять въ него погрузиться. Что касается четвертаго принципа мышленія, въ силу котораго все должно имѣть свое достаточное основаніе, то и этотъ законъ имѣетъ значеніе только въ области человѣческаго описанія міра.

„Міръ, внутри котораго все имѣетъ свое достаточное основаніе, самъ по себѣ вмѣстѣ съ сознаніемъ или мышленіемъ, также лишенъ основанія, какъ онъ лишенъ начала и конца. Въ нашихъ логическихъ изображеніяхъ міра все должно имѣть свое достаточное основаніе, но оригиналъ—универсальный космосъ—не имѣетъ основанія, онъ самъ по себѣ и основаніе и слѣдствіе, причина и дѣйствіе. Формально все должно имѣть свою причину и свое основаніе, реально же каждая вещь имѣетъ не одно основаніе, но безконечное число основаній. Не только отецъ и мать должны считаться основаніемъ и причиной моего существованія, но также родители моихъ родителей и прародители вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ они дышали, пищей, которой поддерживали существованіе свое, землей, по которой они ходили, солнцемъ, которое освѣщало землю и т. д. Ни одна вещь, ни одинъ процессъ, ни одно измѣненіе не можетъ считаться достаточнымъ основаніемъ другой вещи; напротивъ, каждая вещь имѣетъ свое основаніе въ космосѣ, который абсолютенъ“.

„Философія не отрицаетъ совсѣмъ значенія категоріи причинности, она борется только противъ мистическаго элемента, съ которымъ связывается

эта категорія въ представленіи даже научно-образованныхъ людей. Роль этой категоріи совершенно аналогична роли категоріи рода и вида. Какъ та, такъ и другая служатъ лишь средствомъ для „освѣщенія“ міра съ той разницей, что первая превосходно освѣщаетъ то, что слѣдуетъ одно за другимъ во времени, а вторая то, что существуетъ рядомъ. Современные зоологи и ботаники уже не довольствуются классификаціей существующихъ теперь рядомъ родовъ и видовъ растеній и животныхъ но направляетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на чередованіе измѣненій и превращеній видовъ во времени; благодаря этому они получаютъ гораздо болѣе жизненную картину зоологическаго и ботаническаго царствъ, картину не только ихъ бытія, но и возникновенія и исчезновенія“.

„Обѣ категоріи могутъ быть объединены въ одну высшую категорію категорій, категорію отношеній общаго и частнаго, Universum'а и его частей. Какъ же относится общее къ частному? Обыкновенно говорятъ, что частное возникаетъ изъ общаго, какъ ребенокъ изъ чрева матери. Но это только сравненіе, а всѣ сравненія односторонни. Мать, кромѣ материнства, обладаетъ также другими качествами, въ то время, какъ вселенная есть только носительница всего особеннаго и отдѣльнаго. Это чистое материнство, которое столь же мало можетъ существовать безъ дѣтей, какъ дѣти безъ матери. Міръ, какъ единое и цѣлое, никогда не существовалъ и немыслимъ безъ множества отдѣльныхъ явленій.

„Мысль, конечно, можетъ отдѣлять одно отъ другого, но не можетъ успѣшно выполнить своей задачи безъ яснаго сознанія, что такое раздѣленіе и отдѣленіе имѣетъ лишь формальный харак-

теръ. Представленіе, пониманіе, знаніе и познаваніе суть только формальные акты. Прежняя философія исходила изъ обратнаго положенія, что эти акты, т.-е. элементъ чисто логическій, есть нѣчто первичное, высшее и самодовлѣющее, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они подчинены другой высшей цѣли—цѣли описанія міра. Даже въ гегелевской логикѣ, которая внесла такъ много свѣта въ пониманіе процесса мышленія, это недостаточное различеніе между оригиналомъ и копіей является источникомъ весьма туманнаго мистицизма. Не природа, а мышленіе служитъ для идеалистическихъ философовъ источникомъ истины. Выше всего они ставятъ „высшее понятіе“. Это понятіе Гегель заставляетъ извиваться, выворачиваться и вертѣться, какъ будто оно было не естественнымъ продуктомъ, а метафизическимъ червемъ — солитеромъ. По метафизическому представленію Гегеля, критеріемъ истинности извѣстной вещи явилось соотвѣтствіе ея „истинному понятію“. „Понятіе“ у идеалистовъ играетъ такую же роль, какъ у Платона „идея“, ведущая свое происхожденіе изъ потусторонняго міра; такого рода идея, напр., идея государства, является образцомъ, идеаломъ, который служитъ мѣриломъ совершенства дѣйствительныхъ государствъ, тогда какъ въ дѣйствительности идеалы конструируются нашимъ мышленіемъ изъ элементовъ дѣйствительности. Современная философія исправила ошибку Гегеля, признавъ, что общему закону текучести и подвижности подлежатъ не только категоріи разсудка, но и, вообще, всѣ мысли и понятія, которыя являются лишь отраженіемъ постоянной измѣнчивости въ жизни космоса.—Міръ, такимъ образомъ не представленіе и не понятіе; онъ позволяетъ

представлять себя и понимать себя („er lässt sich vorstellen und begreifen"), онъ безконечно болѣе чѣмъ представленіе и понятіе. Все доступно познанію, но познаніе не есть все. Мысли суть образы, дѣйствительные образы или образы дѣйствительности. Даже у фантастическаго дракона всѣ члены суть формы, заимствованныя изъ дѣйствительности. Такого рода фантастическія представленія отличаются отъ опытныхъ истинъ только фантастическимъ сочетаніемъ, частей... Знаніе, мышленіе, пониманіе, объясненіе не можетъ и не должно заключаться ни въ чемъ другомъ какъ въ описаніи, отраженіи данныхъ опыта при помощи подраздѣленія или классификаціи [1])". Въ результатѣ всѣхъ этихъ изысканій Дицгена даетъ слѣдующую формулу для научнаго познанія: „ты долженъ универсальное понятіе, понятіе Universum'a, разчленить на подчиненныя ему понятія и продолжать это дѣленіе до послѣдней возможности; но ты долженъ постоянно сохранять увѣренность, что эта классификація имѣтъ лишь формальное значеніе, такъ какъ человѣкъ только оріентируется въ данныхъ опыта; далѣе, ты долженъ сознавать свое право постоянно освѣщать заново свой опытъ, который съ теченіемъ времени постоянно расширяется при посредствѣ измѣненій, вносимыхъ въ эту классификацію" [2]).

Уже изъ этого, по необходимости краткаго очерка философіи Дицгена видно, что и для него діалектика есть самая характерная и самая важная черта, отличающая его міровоззрѣніе отъ другихъ точекъ зрѣнія. Подобно Энгельсу, онъ противо-

---

[1]) Тамъ же S. 103.
[2]) Тамъ же S. 106.

поставляетъ діалектическую философію метафизической, которую онъ предпочитаетъ назвать „überschwänglich“ [1]). Но въ опредѣленіи понятія діалектики онъ расходится съ Энгельсомъ выдвигая впередъ психологическую и логическую сторону дѣла. Если для Энгельса діалектика есть наука о законахъ всеобщаго движенія, то для Дицгена она, какъ мы видѣли, тождественна съ „теоріей познанія“ т.-е. съ ученіемъ о тѣхъ способахъ, при помощи которыхъ человѣческая мысль составляетъ себѣ правильную картину міра (Weltbild). Такихъ „картинъ міра“ въ исторіи философіи мы видимъ множество, но всѣ они страдаютъ однимъ недостаткомъ, который устраненъ только современной философіей. Недостатокъ этотъ заключается въ преувеличеніи значенія различій между отдѣльными видами вещей; главное завоеваніе („Acquisit“) философіи есть такимъ образомъ, признаніе относительности различій и отрицаніе полной противоположности, непримиримаго противорѣчія между явленіями.

Со стороны положительной это утвержденіе заключаетъ въ себѣ признаніе всеобщаго сходства и сродства всѣхъ явленій. Вотъ этотъ то принципъ всеобщаго сродства и отличаетъ, по Дицгену, діалектическій способъ разсмотрѣнія вещей отъ метафизическаго. Несомнѣнно, онъ шире Энгельсовскаго принципа всеобщаго движенія, который есть только частный его случай. Тогда какъ принципъ развитія имѣетъ въ виду измѣненія, происходящія въ вещахъ во времени (nacheinander), или, иначе, процессы (Vorgänge), первый обнимаетъ также и формы сосуществованія вещей (nebeneinander). Если нѣкоторыя выраженія Энгельса и наводятъ на

[1]) Т.-е. имѣющую тенденцію переходить границы опыта.

мысль, что это различіе не было ему чуждо, то, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что центръ тяжести діалектики для него лежалъ именно въ историческомъ взглядѣ на природу и человѣка, тогда какъ для Дицгена въ единствѣ, сродствѣ всѣхъ вещей. Въ чемъ же выражается, по Дицгену, это единство, это сродство, эта тѣсная связь вещей между собой. Въ томъ, во-первыхъ, что между двумя противоположными вещами всегда существуютъ промежуточныя формы, отличающіяся другъ отъ друга только степенью, и, во-вторыхъ, въ томъ, что каждая вещь принадлежитъ къ какому-нибудь виду, видъ къ роду и т. д.; всеобщее родство же всѣхъ вещей выражается въ томъ, что они входятъ въ составъ всеобщаго высшаго понятія (Universalbegriff) или космоса. Послѣдняя форма родства, т.-е. сродство понятій для Дицгена есть отраженіе дѣйствительнаго сродства вещей, какъ и, вообще, мысль, интеллектъ для него есть лишь средство, инструментъ для отраженія міра, или же, точнѣе, та часть міра, которая отражаетъ остальныя части его. Отраженіе это достигается при помощи способности различенія, группированія, схематизированія и классифицированія вещей въ пространствѣ и во времени.

Классифицированіе вещей выражается въ формѣ образованія общихъ понятій, видовыхъ и родовыхъ; критеріемъ правильности образованія этихъ понятій служитъ соблюденіе такъ называемыхъ основныхъ законовъ аристотелевской логики, т.-е. законовъ тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія. Законы эти имѣютъ условный характеръ, поскольку они служатъ для достиженія условной цѣли: отраженія дѣйствительнаго міра въ интересахъ общенія людей между собой. Въ дѣйствительномъ же мірѣ дѣй-

ствуетъ законъ діалектики: то, что мы считаемъ вещами, не имѣетъ ни начала, ни конца и не отдѣлено другъ отъ друга; между такъ называемыми „вещами“ не существуетъ ни абсолютнаго сходства, ни абсолютнаго различія, т.-е. всѣ вещи суть формы, проявленія, виды одного рода (Gattung), одного субъекта, бытія, даннаго (das Gegebene), абсолютной истины, по отношенію къ которому тѣло и духъ, разумъ, фантазія, матерія, сила и т. п. суть предикаты или спеціальности (Spezialitäten). Поскольку нашъ интеллектъ является уже не въ функціи зеркала міра, а въ качествѣ составной части міра, постольку онъ также подчиненъ дѣйствію общаго діалектическаго принципа безконечнаго сродства съ космосомъ и отъ послѣдняго неотдѣлимъ. Отсюда понятно, почему „нашъ интеллектъ, создающій при помощи класспфпцированія вещей картину міра, въ то же время сознаетъ, что познаніе только картина, только образъ, а оригиналъ, природа же или абсолютная истина, не доступенъ познанію, по крайней мѣрѣ, непосредственно“ [1]).

Читатель теперь ясно видитъ, гдѣ корень различнаго отношенія Энгельса и Дицгена къ понятію діалектики: у Энгельса діалектика есть методъ *научнаго*, т.-е. главнымъ образомъ спеціальнаго изслѣдованія, а у Дицгена діалектика есть методъ *философскаго*, или, правильнѣе, теоретико-познавательнаго изслѣдованія, т.-е. методъ изслѣдованія, выходящаго за предѣлы отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ и объединяющаго всѣ отдѣльныя изслѣдованія въ одно цѣлое. Это не значитъ, что для спеціальнаго научнаго изслѣдованія онъ не

---

[1]) „Streifzüge eines Socialisten in das Gebiet der Erkenntnis, stheorie“, S. 97.

имѣетъ никакого значенія; напротивъ, онъ сильно способствуетъ совершенствованію спеціальныхъ методовъ, устраняя изъ нихъ все дуалистическое и метафизическое путемъ постояннаго напоминанія спеціалистамъ условности и служебнаго характера ихъ пріемовъ.

Поэтому Дицгенъ и не думаетъ, подобно Гегелю и Энгельсу, совершенно упразднять методовъ формальной логики; повидимому, онъ даже полагаетъ, что традиціонные принципы логики, очищенные отъ метафизическихъ примѣсей, вполнѣ достаточны для научной работы въ предѣлахъ отдѣльныхъ наукъ. Онъ не думаетъ поставить на ихъ мѣсто законы совмѣщенія противуположностей (coincidentia oppositorum), отрицаніе отрицанія и переходы количественныхъ измѣненій въ качественныя различія, да и, вообще, не говоритъ нигдѣ прямо объ этихъ послѣднихъ законахъ, если не считать (приведеннаго выше) ироническаго замѣчанія о гегелевской идеѣ, извивающейся, какъ червь. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что съ точки зрѣнія Дицгена эти законы, во всякомъ случаѣ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ завоеваній, „акквизитовъ“ философіи, завѣщанныхъ ей великими мыслителями, къ числу которыхъ Дицгенъ, наряду съ Платономъ, Аристотелемъ, Сократомъ, Спинозой, Декартомъ, Бэкономъ и Кантомъ, причисляетъ и Гегеля. Возстановленію заслугъ послѣдняго передъ философіей отъ несправедливаго забвенія Дицгенъ посвящаетъ особую главу въ своихъ „Streifzüge eines Sicialisten in das Gebiet der Erkenntnisstheorie“. Дицгенъ проводитъ тамъ параллель между Гегелемъ и Кантомъ, съ одной стороны, и Дарвиномъ—съ другой. Дицгенъ доказываетъ, что Гегель, благодаря неясности и туманности его построеній,

вполнѣ заслужилъ, подобно родственному ему по духу Гераклиту, эпитетъ „темнаго“ философа; это не исключаетъ, однако, по его мнѣнію, возможности выдѣлить въ разсужденіяхъ Гегеля то, что можетъ считаться дѣйствительнымъ вкладомъ въ сокровищницу философской мысли человѣчества. Вкладъ этотъ есть Гегелевская теорія познанія, которая у Гегеля совпадаетъ съ универсальной теоріей развитія. Эту универсальную теорію развитія Гегеля или гегелевскую діалектику Дицгенъ сближаетъ съ своей теоріей всеобщаго сродства. Такое сближеніе представляется, на нашъ взглядъ, основаннымъ на нѣсколько одностороннемъ пониманіи гегелевской философіи. Что это такъ, будетъ видно изъ того анализа исходныхъ пунктовъ гегелевской философіи, который мы даемъ ниже въ цѣляхъ освѣщенія вопроса объ отношеніи гегелевской діалектики къ философскимъ предпосылкамъ марксизма. Но для успѣшнаго выполненія этой задачи, для того, чтобы внести немного „свѣта“ въ „темноту“ гегелевской философіи, необходимо обратиться за содѣйствіемъ къ исторіи философіи.

II.

Діалектика у Гегеля.

Уже греческая философія стремилась разгадать загадки природы, но постоянно колебалась какъ относительно способовъ изслѣдованія, такъ и въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли искать источника разрѣшенія міровыхъ проблемъ во внѣшнемъ или во внутреннемъ мірѣ, въ матеріи или въ духѣ. Споры относительно „метода“ и дѣйствительнаго „органона“ для отысканія истины продолжались еще въ эпоху Бэкона, Декарта и Лейбница. Пути изслѣдованія были настолько сомнительны, что, какъ извѣстно, Декартъ возвелъ сомнѣніе въ степень перваго условія и важнѣйшаго свойства мышленія. Но наука не могла оставаться на точкѣ зрѣнія сомнѣнія, она должа была стремиться отыскать достовѣрный методъ, при помощи котораго можно достигнуть научной истины, тождественной съ достовѣрностью. Въ этомъ философіи оказало значительное содѣйствіе развивающееся естествознаніе, правильные методы котораго нашли себѣ полное подтвержденіе на практикѣ. Сущность ихъ заключалась въ постепенномъ устраненіи изъ науки всего непостижимаго, чудеснаго, тайнаго, метафизики. Вплотную къ вопросу о характерѣ научнаго метода подошелъ Кантъ, поставившій вопросъ: „Въ какой формѣ возможна метафизика какъ наука?“—Подъ метафизикой онъ разумѣлъ

чудо, тайну, непостижимое, которое онъ выводитъ на сцену подъ традиціоннымъ названіемъ—„Богъ, свобода и безсмертіе“. Въ результатѣ своихъ изысканій о природѣ этого „чудовища“, этой „философско-теологически-метафизической морской змѣи“, Кантъ пришелъ къ выводу, что вѣра въ метафизику ненаучна.

Человѣческій духъ можетъ познавать научно только явленія, которыя суть образы феноменовъ природы и въ этой области не имѣетъ никакого соперникан и въ видѣ „истиннаго“ духа, ни въ видѣ „высшаго“ познанія и т. п. Но Кантъ не могъ вполнѣ освободиться отъ чаръ морского чудовища: хотя разумъ нашъ ограниченъ предѣлами изслѣдованія явленій и кромѣ нихъ онъ ничего знать не можетъ, мы, тѣмъ не менѣе должны вѣрить въ существованіе чего-то таинственнаго, высшаго, метафизическаго. Такимъ образомъ, Кантъ, удачно удаливъ метафизику изъ области научнаго знанія, застрялъ съ нею въ области вѣры. Онъ завѣщалъ намъ убѣжденіе, что нашъ познавательный аппаратъ слишкомъ ограниченъ, чтобы освѣтить со всѣхъ сторонъ чудовище метафизики. Отголоски этого убѣжденія мы еще видимъ даже у такихъ дѣятелей современной науки, которыхъ трудно было бы заподозрить въ склонности къ метафизикѣ.

Только нашему времени выпало на долю послѣдовательное проведеніе мысли, что нашъ разумъ вовсе не слишкомъ ограниченъ, что свѣтъ распространяемый имъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому объекту, который нужно при помощи его освѣтить, и что нашъ разумъ не менѣе, но и не болѣе загадоченъ, чемъ этотъ объектъ.

Въ этомъ дѣлѣ реабилитаціи разума не малая заслуга выпала на долю Гегеля. Гегель учитъ, что разумъ не былъ сотворенъ, не есть творе-

нiе, не есть неизвѣстное бытіе, но становленіе (Werden), которое само творитъ себя. Какъ у Дарвина всѣ животныя формы переходятъ другъ въ друга, такъ у Гегеля неизбѣжно переходятъ въ другъ друга всѣ формы міра, ничто и нѣчто, бытіе и становленіе, время и вѣчность, сознательное и безсознательное, прогрессъ и status quo и т. д. Онъ учитъ, что различія между вещами встрѣчаются повсюду, но нигдѣ мы не видимъ „полныхъ, метафизическихъ“ различій. Вещей, которыя бы отличались другъ отъ друга „toto genere“, по Гегелю не существуютъ. Даже различеніе между вещественнымъ и невещественнымъ можетъ быть проведено только относительно. Существуетъ только одно абсолютное существо, одна міровая субстанція, это — космосъ и все, что заключено въ понятіе космоса. Гегель не разъ утверждалъ въ своихъ произведеніяхъ, что его методъ представляетъ собой лишь обработку въ научной формѣ тѣхъ элементовъ, которые мы можемъ найти въ той или иной формѣ у громаднаго большинства великихъ мыслителей. Если такое утвержденіе нужно считать несомнѣннымъ преувеличеніемъ, то, съ другой стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ гегелевской діалектикѣ получили свое окончательное развитіе тѣ идеи, которыя мы встрѣчаемъ у многихъ предшественниковъ великаго діалектика. Отдѣльные корни діалектики мы можемъ прослѣдить уже въ первыхъ шагахъ философской мысли. Болѣе или менѣе систематическую форму эти идеи получили впервые у Платона. Платоновскій идеализмъ исходитъ изъ того положенія, что наука, познаніе (ἐπιστήμη) есть нѣчто высшее, болѣе возвышенное, болѣе чистое, болѣе свѣтлое, чѣмъ простое воспріятіе (αἴσθησις) чѣмъ опытъ (δόξα). Человѣкъ, имѣющій призваніе къ

знанію (ἐπιστήμη), отличенъ отъ животнаго. Онъ обладаетъ особой способностью, которая не можетъ считаться простымъ продуктомъ пассивныхъ состояній организма и не дѣйствуетъ только черезъ посредство органовъ чувства; напротивъ, способность эта (δύναμις) по своему характеру активна и самопроизвольна, спонтанна (τὸ αὐτὸ ἑαυτὸ κινοῦν), что сближаетъ ее съ природой боговъ; Платонъ называетъ ее духомъ, разумомъ (νοῦς). Духъ, разумъ располагаетъ такими данными, которыя мы не найдемъ ни въ одномъ воспріятіи и которыми мы обладаемъ раньше всякаго опыта; это—доопытныя, первоначальныя, заложенныя въ природѣ нашего духа познанія; это интеллектуальныя понятія (ἡ δεκτὴ οὐσία), идеи (ἰδέαι), которыя выводятъ насъ за предѣлы опыта и указываютъ на потустороннюю жизнь души и сверхчувственную реальность. Всякій процессъ познаванія и изслѣдованія сводится, въ сущности лишь къ припоминанію тѣхъ интеллектуальныхъ данныхъ, которыя находятся въ скрытомъ и потенціальномъ состояніи въ нашемъ сознаніи; нужно только не щадить усилій и можно быть увѣреннымъ, что откроешь эти познанія въ себѣ. Для этого необходимо, чтобы душа наша училась все больше и больше презирать все чувственное и тѣло, чтобы она освободилась и очистилась отъ нихъ, чтобы она отъ нихъ удалилась, дабы быть только сама съ собой и постигать при помощи „чистыхъ“ мыслей—„чистые“ объекты. Тѣло и получаемыя черезъ его посредство воспріятія мѣшаютъ искажаютъ и дѣлаютъ нечистымъ познаніе истины. Истинная „діалектика“ (философія) лишь тамъ, гдѣ мысли тщательно сохраняются „чистыми“ отъ всякихъ примѣсей, тамъ, гдѣ посредствомъ „идей“ *черезъ* „идею“ мы достигаемъ новыхъ „идей“; чувственныя вещи могутъ служить лишь

поводомъ къ дѣятельности рефлексіи, поскольку они исполнены „противорѣчій“ (τὸ ἐναντίον), которыя могутъ быть разрѣшены только „мышленіемъ“. Самый процессъ добыванія новыхъ идей у Платона носитъ слѣдующій характеръ: исходнымъ пунктомъ служатъ общеизвѣстныя представленія обыденнаго мышленія; посредствомъ примѣровъ, взятыхъ изъ текущей дѣйствительности, выясняется неточность и неправильность взятыхъ въ качествѣ исходныхъ пунктовъ ходячихъ истинъ; затѣмъ, путемъ выясненія заключающихся въ нихъ и въ вытекающихъ изъ нихъ слѣдствіяхъ противорѣчій опредѣляется направленіе, въ которомъ исходныя положенія подлежатъ корректурѣ, чтобы дать въ результатѣ понятія, содержащія въ себѣ дѣйствительно существенныя черты вещей и всѣ тѣ признаки, которыми онѣ отличаются отъ другихъ. Отсюда видно, что Платонъ вполнѣ раздѣлялъ убѣжденіе Сократа въ томъ, что только знаніе въ формѣ понятій, (begriffliches Wissen) можетъ гарантировать истину, что истины мы можемъ достигнуть только путемъ мышленія, оперирующаго понятіемъ (das begriffliche Denken), чувственный же міръ можетъ только затуманить и скрыть истину. Это убѣжденіе и есть наиболѣе характерная для платонизма черта и вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ принципъ, который сближаетъ ее съ наиболѣе характерной особенностью гегелевской философіи. У Платона, однако, это теченіе идеалистической мысли не получило надлежащаго развитія; понятія, какъ таковыя, съ точки зрѣнія платонизма, являются образомъ дѣйствительнаго, при чемъ остается неизвѣстнымъ, откуда мышленіе заимствуетъ способность создавать такіе образы, ибо нельзя же считать сколько нибудь серьезнымъ указанный Платономъ выходъ, по которому, обра-

зованіе понятія есть воспоминаніе о тѣхъ прообразахъ идей, которые душа наша нѣкогда созерцала. На самомъ же дѣлѣ процессъ образованія понятій у Платона и платониковъ не обходится безъ содѣйствія *новаго методологическаго* пріема, который Вундтъ назвалъ *антитетическимъ*. Каждому понятію А мы можемъ всегда, даже не справляясь съ опытомъ, противопоставить понятіе того, что не есть А, т.-е. non — А. Такимъ образомъ, исключительно при помощи функціи отрицанія мышленіе получаетъ возможность создавать понятія какъ будто изъ самого себя. На этомъ, въ сущности, весьма незатѣйливомъ пріемѣ основывается дѣленіе понятій по противуположности и апагогическій способъ доказательства, т.-е. способъ доказательства отъ противнаго, введенный впервые въ науку Сократомъ и являющійся эмбріономъ, первоначальной формой діалектическаго метода. Однако не трудно убѣдиться путемъ анализа Платоновскихъ діалоговъ, что утверждаемая имъ независимость апагогическаго, какъ и діалектическаго метода отъ опыта является совершенно мнимой, ибо изъ множества понятій, которыя могутъ быть подведены подъ рубрику non — А, какъ противоположнаго А, выбирается обыкновенно такое, которое какимъ нибудь образомъ связано съ первымъ въ дѣйствительности, на опытѣ; такимъ образомъ, провозглашенное въ видѣ принципа противопоставленіе мышленія чувственному воспріятію оказывается совершенно иллюзорнымъ.

Въ философскихъ изысканіяхъ позднѣйшихъ мыслителей, которые должны считаться преемниками платоновскаго идеализма, т.-е. Декарта и Спинозы, тотъ же принципъ превосходства понятій, идеи надъ чувственнымъ воспріятіемъ, оставаясь однимъ изъ главныхъ мотивовъ ихъ философскаго

творчества, принимаетъ нѣсколько иную форму; критеріемъ истинности понятія является уже не противорѣчія, заключающіяся въ самихъ понятіяхъ или вытекающихъ изъ нихъ слѣдствіяхъ, но въ логическихъ свойствахъ понятія, въ присущей ему логической всеобщности и необходимости, которая, въ свою очередь, является доказательствомъ сверхъ-эмпирическаго происхожденія такого понятія. Такимъ понятіемъ является, прежде всего, понятіе субстанціи, которая есть causa sui. Въ качествѣ универсальнаго понятія, субстанція не нуждается ни въ какихъ предположеніяхъ, и нужно только дать правильное опредѣленіе понятію субстанціи, чтобы убѣдиться въ всеобщности и необходимости его. Этотъ методъ, получившій названіе *онтологическаго*, получилъ дальнѣйшую разработку въ трудахъ Лейбница, Вольфа и Гербарта, которые, подобно Декарту и Спинозѣ, стремились вывести всѣ понятія изъ одного высшаго, обладающаго логической необходимостью. Только Канту удалось нанести окончательный ударъ онтологизму: онъ показалъ, что безусловная необходимость какого-нибудь понятія или сужденія всегда указываетъ лишь на условную необходимость объекта, къ которому оно относится. Нужно было найти поэтому новые пути для діалектическаго метода. Такой путь найденъ былъ въ сочетаніи антитетическаго метода Платона съ онтологическимъ методомъ раціоналистовъ. Дорогу показалъ тотъ же Кантъ; онъ реставрировалъ антитетическій методъ Платона, дополнивъ его пріемомъ синтеза понятій. Согласно „Критикѣ чистаго разума“ наше познаніе, наши сужденія являются продуктомъ *взаимодѣйствія* эмпирическихъ элементовъ (ощущенія) и трансцендентальныхъ или апріорныхъ формъ мышленія. Послѣднія, въ свою

очередь, распадаются на формы созерцанія (Anschauungsformen) и формы понятій (Begriffsformen). Въ трактатѣ „Metaphysik der Natur und Sitten“, который, по мысли Канта долженъ быть явиться опытомъ философской системы, Кантъ пытается свести всѣ формы понятій (Begriffsformen) къ немногимъ основнымъ категоріямъ. Вотъ это-то дедуцированіе категорій и совершается у Канта при помощи метода антитеза понятій, дополняемаго синтезомъ. Но самые исходные пункты этой дедукціи у Канта не обладаютъ еще характеромъ необходимости, ибо они не выведены изъ одного принципа; кромѣ того, категоріи Канта получены имъ интуитивнымъ путемъ и не имѣютъ никакой связи съ общими законами мышленія, т.-е. съ законами тождества, противорѣчія и основанія. Эту задачу исправленія и пополненія категорій Канта взялъ на себя Фихте и выполнилъ ее при помощи заимствованной у Канта же идеи трихотомическаго дѣленія каждой категоріи.

Основаніе трихотомическаго дѣленія категорій заключается въ принципѣ, по которому третья категорія всегда возникаетъ изъ соединенія второй категоріи съ первой того же класса. Такъ, напримѣръ, всеобщность есть не что иное, какъ множественность, разсматриваемая какъ единство, ограниченіе не что иное какъ реальность, соединенная съ отрицаніемъ и т. д. Единственное основаніе, на которомъ Кантъ основываетъ принципъ трихотомическаго дѣленія это то, что иначе всякое дѣленіе a priori должно было быть дихотомическимъ. Такая крайне слабая аргументація, впрочемъ, находитъ себѣ оправданіе въ общемъ взглядѣ Канта на происхожденіе категорій. Источникомъ категорій для него была та особенность нашего разума, которая носитъ характеръ само-

очевидныхъ и апріорныхъ формъ мышленія, наряду съ формами времени и пространства. Такимъ образомъ, первоначальная идея о трехчленномъ характерѣ категорій и самая форма связи этихъ членовъ другъ съ другомъ,—идея, которая играетъ такую роля у Гегеля,—никоимъ образомъ не можетъ считаться открытіемъ Гегеля.

Какъ извѣстно, именно эта догматическая сторона ученій Канта, т.-е. ученіе объ апріорности формъ мышленія, а не критическая, послужила исходнымъ пунктомъ для того Sturm und Drang—періода нѣмецкой философіи, когда лучшіе умы мечтали завоевать Олимпъ абсолютной истины и построить міръ дѣйствительности однимъ усиліемъ апріорной мысли. Опорнымъ пунктомъ при этомъ должно было послужить ученіе Канта о трацедентальномъ субъектѣ, какъ общемъ корнѣ чувственности и разума, и о „чистой“ апперценціи, какъ актѣ, создающемъ самопроизвольно апріорныя формы мышленія. Эта дѣятельность мышленія порождаетъ сама изъ себя всѣ основныя категоріи философіи. Переходъ же отъ одного акта „чистой“ апперцепціи къ новому совершается по закону синтеза противоположностей, также заимствованному, какъ мы уже видѣли, у Канта. Все различіе между отдѣльными опытами построенія всеобъемлющихъ философскихъ системъ сводится къ тому, к а к о й именно изъ актовъ апріорнаго духа берется за начало. Разъ такое начало дано, то открывается обширное поле для всякихъ полетовъ мысли въ область трансцендентнаго, благо тріадическій ритмъ работы является лишь красивой формой, очень мало стѣсняющей вдохновеніе философа. Правда, до окончательнаго разрыва съ формальной логикой т.-е. главнымъ образомъ съ principium identitatis et contradictionis у Фихте и Шеллинга дѣло не до-

ходитъ. Они не только признаютъ еще его законность, но и постоянно на него ссылаются, трансцендентальная, (т.-е. основанная на синтезѣ противоположнаго) же логика должна служить лишь дополненіемъ первой и итти параллельно ей. Въ реформѣ логики Канта и заключается отличіе философіи Фихте, Шеллинга и Гегеля отъ кантовскаго идеализма. Реформа должна заключаться въ исправленіи „ошибки“ Канта, который будто бы, не свелъ всѣ апріорныя формы мышленія къ одному пункту, къ одному абсолютному принципу, или т. н. punctum deductionis, т.-е. такому принципу, который былъ бы очевиденъ самъ по себѣ и не требовалъ бы доказательствъ. Нѣтъ никакой надобности шагъ за шагомъ слѣдовать за усиліями всѣхъ трехъ „титановъ“ романтическаго увлеченія абсолютной мыслью. Для пониманія природы гегелевской діалектики совершенно достаточно показать хотя бы на одномъ примѣрѣ процессъ „діалектическаго“ творчества одного изъ романтиковъ идеализма, напримѣръ, Фихте. Punctum deductionis у Фихте служитъ творческое „Я“, полученное путемъ „чистой“ апперцепціи. Этотъ первоначальный актъ чистой апперцепціи есть не что иное, какъ „непосредственное сознаніе, что я дѣйствую и какъ я дѣйствую; оно (т.-е. это сознаніе) есть то, благодаря чему я, вообще, „что-нибудь“ знаю, такъ какъ я это „что-нибудь“ дѣлаю („weil ich es tue“). Что такое сознаніе существуетъ, это нельзя доказать; каждый долженъ его его найти непосредственно въ себѣ самомъ или же онъ никогда его не познаетъ [1]). Это основной актъ мышленія порождаетъ самопроизвольно изъ себя всѣ остальныя формы и принципы мысли. Этотъ процессъ

[1]) Wissenschaftslehre, S 403.

выведенія (дедуцированія) остальныхъ принциповъ (Grundsätze) принимаетъ слѣдующую конкретную форму: первое положеніе (тезисъ): „Я“ (das Ich) полагаетъ сначала [1]) свое собственное бытіе“; второе (антитезисъ): „я“ противополагаетъ себѣ самому „не я“ (Ein Nicht-Ich [2]); въ третьемъ „принципѣ“ предпринимается „синтезисъ“ между противоположнымъ „я“ и „не я“ въ такой формѣ: “Я“ противополагаю въ „я“ частичному „я“ частичное „не я“. Эти три фундаментальныхъ акта (Thathandlung) „я“ соотвѣтствующихъ логическимъ законамъ тождества. противорѣчія и основанія, находятъ свое внѣшнее выраженіе въ категоріяхъ реальности, отрицанія и ограниченія (лимитаціи [3]). За предѣлы истины, заключающейся въ этихъ актахъ, не выходитъ никакая философія; каждая философія должна возвращаться къ ней и поскольку она это дѣлаетъ она превращается въ теорію науки [4]). Чтобы доказать эту мысль, Фихте изъ трехъ основныхъ положеній трансцендентально логическаго „я“ выводитъ все сущее; вещи дѣйствительно обладаютъ сами по себѣ лишь такими свойствами, которыя должны мыслиться присущими имъ всякимъ интеллегентнымъ „я“, т.-е. существомъ, мыслящимъ по принципамъ тождества и противорѣчія.

„Такимъ образомъ логическая истина становится въ то же время реальной для всякаго мыслимаго интеллекта„ [5]). То „я“, отъ котораго отправляется Фихте, т.-е. трансцендентально—логическое „я“, не есть индивидуальное „я“, „я“ эмпириче-

---

[1]) Wissenschaftslehre, S 98.
[2]) Т. ж. S 104.
[3]) Т. ж. S 110.
[4]) Т. ж. S 99 и 105.
[5]) Т. ж- S 20.

скаго сознанія; послѣднее есть лишь позднѣйшій продуктъ перваго. На вопросъ, какимъ образомъ возникаетъ это второе „я“ изъ перваго, Фихте отвѣчаетъ такъ: первое „я“ вовсе не сознаетъ своей дѣятельности и не можетъ сознавать ее; это значило бы познавать себя во время работы; это потому невозможно, что для рефлексіи о своемъ собственномъ опредѣленномъ образѣ дѣятельности духъ долженъ стоять уже на значительно высокой степени рефлексіи...

Сверхэмпирическое „я“, какъ таковое, создаетъ „не я“ простымъ актомъ выхода изъ себя (для возможнаго наблюдателя) безъ всякаго участія сознанія. Оно рефлектируетъ затѣмъ на свой продуктъ и въ этой рефлексіи полагаетъ его какъ, „не я“ [1]).

Въ этомъ разсужденіи на лицо всѣ мистическія черты, характерныя для пріемовъ послѣкантовскаго идеализма: 1) убѣжденіе въ существованіи формъ апріорнаго мышленія, 2) сведеніе всѣхъ апріорныхъ формъ къ одному началу, изъ котораго онѣ проистекаютъ, 3) реформа традиціонной логики посредствомъ установленія новой формы мышленія: трансцендентальнаго начала синтеза противоположностей, 4) самодѣятельность творческаго мышленія и 5) наконецъ—last but not least—подчиненіе не мышленія бытію, а бытія мышленію, которое опредѣлаетъ всѣ формы бытія. Изъ всѣхъ этихъ типическихъ для нѣмецкаго послѣкантовскаго идеализма чертъ важнѣйшей является, конечно, послѣдняя, какъ та, которая если не опредѣляетъ всецѣло остальныхъ, то во всякомъ случаѣ составляетъ ихъ необходимую предпосылку. Идея гегемоніи мышленія надъ бы-

[1]) Т. ж. стр. 326.

тіемъ образуетъ въ то же время связующее звено между послѣкантовскимъ идеализмомъ и тѣмъ направленіемъ нѣмецкой мысли, которое такъ ярко отразилось въ нѣмецкой классической литературѣ. Для литературныхъ дѣятелей той эпохи общей почвой, на которой сходились всѣ, была вѣра въ „идеи", какъ въ нѣкотораго рода метафизическія существа, власть которыхъ распространяется на всѣ проявленія духовной жизни; но это не были платоновскія идеи, какъ реальныя прообразы отдѣльныхъ вещей, это были идеи—идеалы, какъ метафизическія нормы нашего поведенія, какъ внѣ-опытныя цѣли нашихъ стремленій. Гегель, сохранивши вѣру въ верховность идеи надъ дѣйствительностью, сообщилъ имъ совершенно другой характеръ; онъ вернулся до извѣстной степени къ платоновскому представленію идей, какъ истинной сущности, субстанціи всѣхъ вещей, которыя являются лишь метаморфозами идей. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ тѣсно примыкаетъ къ своимъ предшественникамъ—Фихте и Шеллингу; поэтому всѣ перечисленныя основныя тенденціи фихте-шеллинговской спекуляціи мы встрѣчаемъ и въ философіи „послѣдняго рыцаря" трансцендентальнаго идеализма и, притомъ, въ наиболѣе парадоксальной ихъ формѣ. Только въ одномъ пунктѣ Гегель пошелъ значительно дальше своихъ предшественниковъ: онъ порвалъ окончательно съ формальной логикой и поставилъ на мѣсто ея логику противорѣчій. Поэтому именно въ этомъ пунктѣ, а не въ чемъ-либо иномъ, мы должны видѣть оригинальность Гегеля, какъ мыслителя. Но предпринятая Гегелемъ реформа формальной логики, приведшая его къ созданію діалектики, можетъ быть оцѣнена только въ связи съ его философскимъ міровоззрѣніемъ

вообще. Такого же мнѣнія былъ и Марксъ. Въ своей рецензіи на книгу Карла Грюна: „Соціальное движеніе во Франціи и Бельгіи“ Марксъ говоритъ: “Онъ (Грюнъ) не приводитъ никакихъ данныхъ для пониманія внутренней конструкціи этихъ серій (діалектическихъ). Конструкціи такого рода, какъ Гегелевскій методъ, можно критиковать, только демонстрируя, въ то же время какъ онѣ складывались въ головѣ автора, и доказывая этимъ, что критикъ является полнымъ хозяиномъ въ этой области (dass man Herr über sie ist)“. Такъ, между прочимъ, смотрѣлъ на себя и самъ Гегель. Въ своей „Логикѣ“ Гегель говоритъ слѣдующее: „То, что въ этомъ сочиненіи называется объективной логикой, отчасти соотвѣтствуетъ тому, что у Канта является въ видѣ трансцендентальной логики [1])... Она такимъ образомъ, должна заступить мѣсто прежней онтологіи“ [2]). Но, тогда какъ у Канта его трансцендентальная логика является, въ сущности, неиграющимъ никакой дѣйствительной роли придаткомъ къ его категоріямъ, гегелевская логика образуетъ внутреннюю сущность идеи, желѣзный законъ ея жизни и движенія. Съ этой точки зрѣнія внутренняя конструкціи гегелевской философіи такова: если Кантъ въ своей философіи исходитъ изъ противоположенія міра субъективнаго міру объективному, если для Канта роль субъекта ограничивается только приведеніемъ въ извѣстную систему и упорядоченіемъ матеріала, доставляемаго объектами, то Гегель исходнымъ пунктомъ своей философіи избралъ утвержденіе о полномъ единствѣ всего существую-

---

[1] W. W. III, 25.

[2]) Т. ж. стр. 52.

щаго, т.-е. объективнаго и субъективнаго. Какъ чувственный міръ, такъ и сознаніе въ его глазахъ суть лишь реализаціи или манифестаціи третьяго начала, стоящаго *надъ* субъектомъ и объектомъ. 1) Это третье начало, которое одно дѣйствительно существуетъ, есть „общее“ (das Allgemeine). Бытіе и мышленіе съ этой точки зрѣнія тождественны (identisch), ибо, если только „общее“ обладаетъ истиннымъ и дѣйствительнымъ бытіемъ и если, въ то же время, это „общее“, какъ таковое, можетъ получить свое осуществленіе только черезъ мышленіе и въ мышленіи, то мышленіе и бытіе суть одно и то же; но это тождество мышленія и бытія недоступно простому разсудку (Verstand), ибо этотъ послѣдній не можетъ итти дальше фиксированія противоположности между субъектомъ и объектомъ, разумъ же (Vernunft) выходитъ за предѣлы этого противоположенія, преодолѣваетъ его и достигаетъ сознанія тождества обоихъ членовъ противопоставленія; далѣе, „общее“, какъ таковое, можетъ мыслиться только какъ понятіе (Begriff); съ другой стороны, понятіе есть единственная и необходимая форма, въ которой можетъ проявиться мышленіе. Слѣдовательно, абсолютное тождество бытія и мышленія можетъ осуществиться такъ же только въ понятіи и какъ понятіе; для Гегеля поэтому логическое понятіе—это все; кромѣ понятія—нѣтъ ничего; понятіе есть и субстанція и субъектъ; дѣйствительный міръ не содержитъ ничего, кромѣ логическаго понятія; нелогическое также невозможно, какъ и бытіе, которое существовало бы до понятія, до мышленія; логическимъ мышленіемъ исчерпывается все; если бы рядомъ съ мышленіемъ мы предположили еще нѣчто, что мыслитъ, то этимъ самымъ мы допустили бы, что существуетъ еще нѣчто сверхъ и

помимо мышленія, ибо тогда мышленіе было бы только дѣятельностью этого „нѣчто“; 2) отсюда второе положеніе, какъ слѣдствіе: мышленіе должно мыслить само себя, т.-е. понятіе само есть тотъ субъектъ, который творитъ мышленіе; 3) этимъ устраненіемъ субъекта изъ процесса мышленія или, что то же, этимъ провозглашеніемъ понятія, какъ мыслящаго субъекта, постулируется самостоятельное движеніе понятія, а такъ какъ понятіе въ процессѣ своего движенія слѣдуетъ только присущей ему природѣ, то въ самостоятельномъ движеніи и выражается природа понятія; 4) въ виду же того, что, при такихъ условіяхъ, понятіе одновременно и двигатель и движимое, движеніе понятія должно быть непрерывно и безконечно; если бы мы предположили, что движеніе понятія можетъ пріостановиться хотя бы на одинъ моментъ, то мы должны были бы предположить, что для возобновленія процесса движенія идеи нужна внѣ его находящаяся движущая сила. Но текучесть понятія, находящагося въ состояніи непрерывнаго движенія, равносильна упраздненію принципа тождества, ибо принципъ тождества предполагаетъ опредѣленность, отдѣльность, раздѣленіе моментовъ развитія; упраздненіе принципа тождества, въ свою очередь, неизбѣжно ведетъ къ упраздненію принципа противорѣчія, какъ тѣсно съ нимъ связаннаго; а такъ какъ принципъ противорѣчія заключается въ томъ, что одной и той же вещи (субъекту) не могутъ быть приписаны въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же направленіи два различныхъ признака (предиката), (напр., одинъ и тотъ же предметъ въ одно и тоже время не можетъ быть чернымъ, зеленымъ, краснымъ, бѣлымъ и т. д.) или, иначе, такъ какъ А не можетъ быть одновременно

non—A, то вмѣсто принципа исключенія противорѣчія Гегель провозглашаетъ противоположный принципъ—принципъ полной законности и раціональности противорѣчія; эту раціональность противорѣчія Гегель представляетъ себѣ въ видѣ *противорѣчивости каждаго понятія (идеи), какъ его необходимаго и неизбѣжнаго свойства*, не позволяющаго понятію оставаться въ покоѣ и вынуждающаго его искать новыхъ формъ своего существованія, которыя бы положили конецъ состоянію раздвоенія, обусловленномъ его противорѣчивой природой. Поэтому, нормальнымъ состояніемъ понятія является его постоянный переходъ отъ даннаго состоянія къ его противоположности, а отъ этой послѣдней къ новому понятію, которое объединяетъ противоположныя состоянія въ высшее и болѣе богатое содержаніемъ, въ которомъ противорѣчіе не устранено, а примирено. На вопросъ, почему процессъ движенія понятія подчиняется именно такому тріадическому ритму, а не другому, у Гегеля прямого отвѣта не находимъ, да и не можемъ найти, ибо формы движенія понятія съ точки зрѣнія Гегеля такъ же апріорны, какъ и самый принципъ; 5) этотъ вѣчный постоянно возобновляющійся ритмическій процессъ перехода отъ тезиса къ антитезису, а отъ послѣдняго къ синтезу дѣйствуетъ всегда и всюду, а, слѣдовательно, также и въ области нашего сознанія; это послѣднее, поэтому, представляется лишь однимъ изъ моментовъ того же процесса развитія понятія, который развертывается передъ нашимъ умственнымъ взоромъ совершенно объективно, безъ всякаго участія нашего сознанія; 6) этотъ имманентный понятію процессъ саморазвитія и есть то, что называютъ діалектическимъ методомъ Гегеля. Въ представленіи

Гегеля онъ происходитъ такимъ образомъ. Обыденный умъ, разсудокъ оперируетъ при помощи твердыхъ, односторонних понятій, руководствуясь формальными законами мышленія, т.-е. законами тождества и противорѣчія. Если мы возьмемъ любое изъ такихъ понятій разсудка и станемъ разсматривать его ближе, то увидимъ, что оно не можетъ постоянно оставаться и никогда не остается равнымъ себѣ, но прорываетъ указанныя ему разсудкомъ границы вслѣдствіе заключающагося въ немъ противорѣчія; выйдя за свои предѣлы, понятіе уничтожаетъ, упраздняетъ само себя и продолжаетъ начатое такимъ образомъ отрицательное движеніе до его естественнаго предѣла, т.-е. до тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ понятіе, составляющее полную противоположность перваго. Но и это послѣднее, подобно первому, своей противорѣчивой природой побуждается къ поискамъ новыхъ формъ; поэтому съ нимъ происходитъ то же, чтб и съ первымъ; оно также и точно такимъ же образомъ уничтожаетъ само себя и превращается въ новую свою противоположность. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что, если разсудку и удастся на время удержать первоначальное, одностороннее значеніе понятія, то это только благодаря тому, что онъ насильственно отстраняетъ отъ себя его противоположность и при помощи такого субъективно-произвольнаго акта парализуетъ понятіе въ свойственномъ его природѣ стремленіи къ объективному движенію.

Отсюда вытекаетъ, далѣе, что истинная природа, сущность понятія заключается не въ односторонних опредѣленіяхъ разсудка, но въ присущемъ ему свойствѣ быть столько же самимъ собой, сколько и своей противоположностью. Такимъ образомъ, постоянная непрерывная измѣнчивость,

безконечное движеніе понятія есть только вторичное свойство идеи, продуктъ внутренней его раздвоенности, „Der Widerspruch ist das Fortleitende!“ Но не противорѣчіе возникаетъ изъ движенія, а движеніе изъ противорѣчія, противорѣчіе содержится уже въ каждомъ изъ односторонних понятій, одинаково безсильное успокоиться и найти свое единство; это единство оно находитъ лишь въ движеніи, т.-к. въ своей противоположности оно соединяется въ сущности только съ самимъ собой, хотя и въ новой формѣ; эта новая форма, такимъ образомъ, знаменуетъ въ то же время тождество содержанія. Тождество это, однако, не есть то жалкое абстрактное разсудочное тождество, которое свойственно разсудочному понятію въ навязанной ему разсудкомъ неизмѣнности, но конкретное тождество разума (Vernunftidentität), которое заключаетъ въ себѣ все разнообразіе устраненнаго противорѣчія, т.-е. въ одно и то же время уничтоженнаго и сохраненнаго. Тождество понятія съ его противоположностью нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что понятія, противоположныя въ одномъ отношеніи, могутъ быть тождественны въ другомъ: нѣтъ, понятія тождественны въ томъ самомъ отношеніи, въ которомъ они противополагаются другъ другу; именно потому, что они противоположны и противоположны абсолютно, они идентичны и идентичны также абсолютно. Однимъ словомъ абсолютное противорѣчіе есть абсолютное тождество и истина заключается въ одновременности тождества и противорѣчія, почему всѣ усилія разсудка охватить истину въ формѣ одного суждения или положенія, осуждены неизбѣжно оставаться тщетными. Но достиженіемъ разумнаго тождества противорѣчивыхъ понятій не исчерпы-

вается и не заканчивается процессъ саморазвитія понятія, такъ какъ конкретное единство противоположностей образуетъ своимъ сочетаніемъ новое понятіе, которое, какъ таковое, должно заключать въ себѣ свое новое противорѣчіе и такимъ образомъ вынуждено повторить описанный циклъ движенія до полученія завершающаго этотъ циклъ высшаго понятія и т. д. Словомъ ученіе о саморазвитіи идеи есть своеобразная реставрація ученія о переселеніи душъ съ той разницей, что процессъ воплощенія души въ разныя формы подчиненъ извѣстному трехтактному ритму и что процессъ этотъ не имѣетъ конца; 7) абсолютный принципъ философіи—логическое понятіе—не можетъ, по Гегелю, быть полученъ путемъ непосредственнаго интеллектуальнаго созерцанія, какъ это ошибочно полагалъ Шеллингъ; доработаться до него мы можемъ только предварительно пройдя ступень анализа непосредственно намъ даннаго. Это послѣднее мы должны растворить мысленно въ понятія; только тогда, когда все, непосредственно намъ данное, мы претворили въ понятія, мы можемъ считать предварительную аналитическую работу оконченной и приступить къ синтетической, которая и составляетъ истинную задачу философіи. Систематическая обработка данныхъ эмпирическихъ наукъ заключается въ томъ, чтобы построить все сущее изъ полученныхъ ранѣе понятій апріорнымъ путемъ имманентнаго саморазвитія, имманентной діалектикой логическаго понятія и постигнуть, такимъ образомъ, всѣ вещи въ ихъ внутренней необходимости, всеобщности и безконечности.

Таковы общіе принципы и точки зрѣнія гегелевской философіи. Что касается самой системы Гегеля, то она распадается на три глав-

ныя части. Это раздѣленіе находится въ связи съ тройственностью момента въ развитіи понятія. Моменты эти, какъ мы видѣли, суть: непосредственное тождество понятія съ самимъ собой, переходъ въ противоположность путемъ самоотрицанія понятія и, наконецъ, переходъ къ посредствующему между противоположностями единству понятій въ формѣ отрицанія отрицанія.

Первую ступень развитія Гегель называетъ также „при-себѣ-бытіемъ“ понятій, вторую-„ино-бытіемъ“ или „внѣ-себя-бытіемъ“ и третью-„въ-себѣ-бытіемъ“. Поскольку рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ понятіяхъ, а объ абсолютномъ, единомъ понятіи, „при-себѣ-бытіе“ абсолютнаго-есть „Богъ“-„инобытіе“-природа, а „въ-себѣ-бытіе“-духъ; ученіе объ абсолютномъ должно дѣлиться, сообразно этому, на три части, а именно: логику, натурфилософію и философію духа.

Въ заключеніе отмѣтимъ одно важное слѣдствіе, вытекающее изъ ученія о переселеніи идей. Діалектическій методъ ведетъ къ устраненію всѣхъ противоположностей: синтетическаго и аналитическаго, индуктивнаго и дедуктивнаго, апріорнаго и эмпирическаго (апостеріорнаго); его принципъ не „или-или“, а „такъ же, какъ“ или „ни-ни“. Поэтому изъ двухъ противоположныхъ сужденій относительно одного и того же предмета, въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же отношеніи, ни одно не можетъ считаться истиннымъ или ложнымъ, а оба должны считаться столько же истинными, сколько и ложными. Но, можетъ быть, истина лежитъ по срединѣ? Нѣтъ, съ точки зрѣнія Гегеля средины между двумя понятіями не существуетъ, и истины вовсе нѣтъ, или, правильнѣе, истина и заблужденіе сливаются въ одно, представляя какъ

бы отдѣльные моменты одной и той же идеи. Правильность такого вывода изъ основныхъ положеній діалектики оспаривалось нѣкоторыми изъ учениковъ Гегеля, но доводы ихъ малоубѣдительны. Дѣйствительно, если допустить, что, какъ увѣряли эти защитники діалектики, два противоположныхъ сужденія объ одномъ и томъ же предметѣ, которыя представляются оба истинными съ точки зрѣнія діалектики, относятся къ двумъ различнымъ моментамъ или двумъ различнымъ сторонамъ той же вещи, то это равносильно было бы полному упраздненію Гегелевской діалектики, ибо тогда не было бы никакой разницы между діалектикой и обыкновенной логикой. Послѣдняя никогда не думала отрицать, что одна и та же вещь съ теченіемъ времени можетъ въ извѣстномъ отношеніи пріобрѣсти совершенно противоположный первоначальному состоянію характеръ.

Таковы основныя черты Гегелевскаго міросозерцанія. Совершенное Гегелемъ преобразованіе аристотелевско-кантовской, формальной, аналитической логики въ трансцендентальную, синтетитечскую и онтологическую въ рукахъ учениковъ Гегеля, авторовъ многочисленныхъ „натурфилософій“, сдѣлалось орудіемъ самыхъ рискованныхъ схоластическихъ спекуляцій. Плоды, выросшіе на почвѣ гегелевской діалектики, оказались настолько уродливыми, что представители истинной, точной науки увидѣли себя вынужденными противопоставить „вакхическому угару“ [1]) діалектики гегелевской идеи трезвую точность спеціальнаго изслѣдованія, произвольному и крайне мистическому принципу синтеза противорѣчій стро-

[1]) Выраженіе Гегеля.

го закономѣрный принципъ тождества и исключеннаго противорѣчія. Реакція противъ увлеченій спекулятивной мысли и отвращеніе къ фантастическимъ конструкціямъ были настолько сильны, что заставили естествоиспытателей „выплеснуть изъ ванны вмѣстѣ съ водой и ребенка“, т.-е. отвергнуть вмѣстѣ съ спекуляціей и философію вообще. Спекулятивная натурфилософія была объявлена пустой забавой недисциплинированныхъ научно умовъ, игрой въ схемы и символы, а періодъ господства надъ умами идеалистической философіи „сатурналіями“ [1]) метафизической фантазіи. Но это антифилософское настроеніе научной мысли не было продолжительнымъ, ибо та потребность человѣческаго духа, которая породила всѣ философскія системы, настолько глубоко заложена въ природѣ человѣка, что могла быть только подавлена на время, но не вырвана съ корнемъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что вскорѣ на смѣну столь же одностороннему, какъ и излишества идеализма, узкоспеціальному въ духѣ вульгарнаго нефилософскаго матеріализма направленію научной мысли явилось стремленіе къ объединенію результатовъ спеціальныхъ наукъ, а на почвѣ этого стремленія оживился интересъ и къ философіи; тѣмъ не менѣе, гегелевская діалектика нашла себѣ очень мало сторонниковъ и для большинства продолжала служить синонимомъ схоластики и схематизма. Отсюда получилось убѣжденіе, что для реорганизаціи философіи на новыхъ началахъ нужно возвратиться къ тому пункту развитія философіи, откуда философская мысль была вовлечена въ водоворотъ идеалистическихъ теченій. На этой именно

[1]) Выраженіе Гумбольдта въ „Космосѣ“.

почвѣ и возникло то требованіе „назадъ къ Канту“, которое съ такой подозрительностью было встрѣчено въ марксистскихъ кругахъ. Нужно сказать, что такая подозрительность не совсѣмъ лишена основанія, ибо болѣе внимательное изученіе отношенія различныхъ формъ спекулятивнаго идеализма къ кантовской философіи ведетъ неизбѣжно къ заключенію, что корни идеалистической системы, несомнѣнно, заложены уже въ кантовской философіи. Если историческая почва, которая породила всѣ воздушные замки трансцендентальнаго субъективизма, не имѣла ничего общаго съ философіей Канта, то, во всякомъ случаѣ, фундаментъ и значительную часть матеріала для своихъ построеній Фихте, Шеллингъ и Гегель заимствовали у Канта. Поэтому, лозунгъ „назадъ къ Канту“, взятый самъ по себѣ и безъ необходимыхъ оговорокъ, дѣйствительно носитъ двусмысленный характеръ, поскольку въ этомъ лозунгѣ не содержится указаній на двойственный характеръ кантовскаго міровоззрѣнія, на смѣшеніе въ его философіи догматическихъ элементовъ съ критическими. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что громадное большинство призывающихъ къ возвращенію къ Канту вовсе не думаютъ о реставраціи *всѣхъ* элементовъ его философіи, а только *критическихъ*. Поэтому, оппозиція противъ пробудившагося интереса къ философіи Канта также односторонняя, какъ односторонне отрицательное отношеніе нѣкоторыхъ сторонниковъ критической философіи къ Гегелю. Громадное большинство философовъ, стоящихъ на анти-идеалистической точкѣ зрѣнія, продолжаетъ и сейчасъ видѣть въ Гегелѣ лишь автора грандіозной, но совершенно фантастической философской системы; отдавая полную дань необыкновен-

ной широтѣ замысла въ его философскихъ построеніяхъ, они отрицаютъ наличность въ его міровоззрѣніи какихъ бы то не было жизнеспособныхъ реалистическихъ элементовъ. Только одно направленіе науки, столь же враждебное спиритуализму, какъ и многія другія, всегда протестовало противъ полнаго пренебреженія философскимъ наслѣдствомъ Гегеля и постоянно подчеркивало связь своихъ исходныхъ точекъ съ гегелевской діалектикой. Это былъ марксизмъ. Разногласіе между марксистами въ оцѣнкѣ Гегеля сводилась всегда лишь къ вопросу о томъ, въ какихъ предѣлахъ гегелевская діалектика можетъ имѣть научное значеніе. Мы видѣли разнообразные отвѣты, данные на этотъ вопросъ наиболѣе выдающимися изъ сторонниковъ Маркса. Мы видѣли, что отвѣты эти все-таки не могутъ устранить нѣкоторыхъ важныхъ сомнѣній, что объясняется конечно только трудностью самаго вопроса. Вопросъ о гегелевской философіи вообще и о діалектикѣ въ частности не можетъ считаться въ виду этого исчерпаннымъ, а потому всякая попытка разобраться въ немъ, какъ и предлагаемая ниже, имѣетъ полное оправданіе.

Итакъ, какіе изъ отдѣльныхъ моментовъ, изъ которыхъ, какъ мы видѣли выше, слагается діалектическій методъ Гегеля, могутъ считаться способными пополнить арсеналъ дѣйствительно научныхъ пріемовъ, и какіе подлежатъ сдачѣ въ архивъ?

Относительно нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ не можетъ быть никакого разногласія, никакихъ сомнѣній для всѣхъ, кто стоитъ на почвѣ опытнаго знанія. Сюда относятся прежде всего основной мотивъ творчества Гегеля, по которому все

сущее есть лишь формы развитія абсолютной идеи, или, иначе, дѣйствительный міръ есть лишь отраженіе идеальнаго міра; напротивъ, для всякаго эмпирика идея есть лишь образъ, отпечатокъ, снимокъ, описаніе, схема, изображеніе и т. д. реальнаго. Всѣ остальные элементы гегелевской діалектики относятся къ принципу саморазвитія понятій и къ формамъ этого движенія. Можемъ ли мы вслѣдъ за Марксомъ и отчасти Энгельсомъ сказать, что мы принимаемъ законъ движенія и его формы, но признаемъ подчиненнымъ этимъ законамъ движенія непосредственно не идею, а вещи, реальное, идею же только посредственно, т. е. только какъ отраженіе движенія вещей. Или же, вслѣдъ за І. Дицгеномъ, мы усвоимъ изъ діалектики Гегеля единственно модифицированный и расширенный принципъ текучести и непрерывности вещей и понятій, какъ продуктовъ описанія дѣйствительнаго міра, а вопросъ о формахъ проявленія этого принципа оставимъ открытымъ, какъ подлежащій изслѣдованію на основаніи синтеза данныхъ точныхъ наукъ. Намъ кажется, что рѣшеніе Дицгена гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ точка зрѣнія Маркса. Намъ кажется, что, если возможно изъ той комбинаціи элементовъ діалектики, въ которой они даны у Гегеля, выдѣлить общій принципъ движенія, то остальные настолько неразрывно связаны между собой, что съ паденіемъ или отрицаніемъ одного лишаются всякаго значенія и связанные съ нимъ другіе. Точнѣе говоря, мы думаемъ, что гегелевскій синтезъ противоположностей возможенъ только на почвѣ полнаго упраздненія формальной логики. Такъ, повидимому, думаетъ и Дицгенъ, не отрицающій вовсе значенія и цѣлесообразности аристотелевской логики, а

ограничивающій только область ея примѣненія домашнимъ обиходомъ и наукой.

Но Дицгенъ старается представить дѣло такъ, какъ будто бы и самъ Гегель вовсе не думалъ уничтожать старую логику, а только указалъ ей предѣлы ея компетенціи и дополнилъ ее *новыми* пріемами, которые должны служить орудіемъ изслѣдованія въ *новыхъ* областяхъ знанія.

Если бы это такъ было, то не стоило бы и стулья ломать изъ-за діалектическаго метода: разъ вопросъ объ области его примѣненія рѣшается въ этомъ смыслѣ, то онъ получилъ бы совершенно спеціальный интересъ, именно интересъ чисто философскій. Въ этомъ случаѣ вопросъ о діалектикѣ, представляя конечно огромный теоретическій интересъ, почти совершенно былъ бы лишенъ всякаго практическаго значенія. Дѣло въ томъ, что діалектическій методъ интересовалъ Маркса и Энгельса почти исключительно со стороны значенія его, какъ особаго отличнаго отъ господствующаго метода изслѣдованія общественно-экономическихъ явленій, т.-е. вопросовъ, составляющихъ область вѣдѣнія, хотя и очень важной, но, несомнѣнно, все-таки спеціальной области науки, а не философіи. Недаромъ Марксъ и Энгельсъ называли его лучшимъ оружіемъ своимъ въ той неустанной борьбѣ, которую пришлось вести научному соціализму, какъ съ чисто буржуазными экономическими ученіями, такъ и утопическимъ соціализмомъ. Поэтому, они не могли думать, вслѣдъ за Дицгеномъ, что діалектическій методъ дѣйствителенъ и цѣлесообразенъ только въ области *онтологическихъ* задачъ, какъ не думалъ этого и Гегель. А что относительно Гегеля это дѣйствительно было такъ, что Гегель

презрительно трактовалъ формальную логику, какъ „einen überwundenen Standpunkt“, это видно хотя бы изъ извѣстнаго его замѣчанія (VI, 23, Z. 4—5 ff), гдѣ онъ утверждаетъ, что „основываясь на правилахъ формальной логики, мы никоимъ образомъ не можемъ достигнуть истины“. Изъ предисловія Гегеля къ его „Логикѣ“ видно, что логика для Гегеля есть нѣчто большее, чѣмъ спеціальная наука о пріемахъ научнаго мышленія; она есть квинтэссенція науки, она тождественна съ метафизикой; да и самое представленіе о строгомъ разграниченіи области науки и философіи было совершенно чуждо міровоззрѣнію Гегеля. Поэтому, для него вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ: *или* формальная *или* діалектическая логика, ибо „логика есть чистое знаніе во всемъ объемѣ своего развитія, а необходимыя *формы* и опредѣленія мышленія *тождественны* съ его *содержаніемъ* и высшей правдой“. Конечно, это не должно значить, что Гегель отрицаетъ совершенно необходимость и закономѣрность спеціальнаго научнаго изслѣдованія. Гегель признавалъ даже, что спеціальныя науки имѣютъ дѣло съ болѣе реальными сущностями (Wesenheit), чѣмъ логика, или, болѣе точно, съ болѣе реальными формами той же самой идеи, которая въ логикѣ является логическая въ болѣе очищенномъ, болѣе ясномъ видѣ, но идея эта отнюдь не есть простая форма, а реальность. Итакъ, діалектическая логика должна быть поставлена на *мѣсто* формальной. Въ чемъ же различіе между діалектической и формальной логикой, и гдѣ источникъ такого различія? Почему Гегель вынужденъ былъ предать анафемѣ формальную логику? Мы указали уже выше, что главнымъ мотивомъ, лейтмотивомъ гегелевской философіи служитъ *самодвиженіе* (Selbs bewe-

gung) понятія, идеи. Творческая идея — вотъ „der Weisheit letzter Sinn“. Поэтому, система гегелевскихъ категорій не есть рядъ расположенныхъ извѣстнымъ порядкомъ опредѣленій, не есть простая таблица категорій, какъ у Канта; нѣтъ, категоріи эти слѣдуютъ одна за другой въ силу внутренней, присущей имъ, какъ таковымъ, имманентной необходимости, а не въ силу дѣйствующей извнѣ силы рефлексіи, разсудка. Онѣ сами располагаются въ извѣстномъ порядкѣ именно такимъ образомъ, что каждая послѣдующая рождается изъ предыдущей, какъ плодъ изъ цвѣтка, и, при томъ, не просто путемъ совершеннаго уничтоженія первой, а въ такой формѣ, что первая „возвышается“ (wird aufgehoben) во вторую, т.-е. первая, такъ сказать, считается превзойденной (überschritten) и въ то же время сохраненной во второй.

Такъ какъ, съ другой стороны, такое движеніе понятія должно считаться самостоятельнымъ, независящимъ отъ посторонней силы, то движеніе это должно быть непрерывнымъ, ни на одинъ моментъ не останавливающимся и безконечнымъ. Другими словами, понятіе никогда не можетъ быть равнымъ себѣ, такъ какъ, въ то же время, своимъ движеніемъ оно должно создавать все сущее. Отсюда отрицаніе принципа тождества понятія, какъ основного закона мышленія. Если же мы признаемъ принципъ тождества упраздненнымъ, то тѣмъ самымъ мы должны признать лишеннымъ силы принципъ противорѣчія въ той его формѣ, въ которой онъ принятъ всѣми логиками, ибо судьба его тѣсно связана съ судьбой принципа тождества. На мѣсто упраздненнаго закона противорѣчія Гегель долженъ поставить принципъ синтеза противорѣчій. Для того, чтобы

доказать это положеніе мы должны обратиться къ тому, что подразумѣвается въ до-гегелевской и послѣ-гегелевской логикѣ (за исключеніемъ такимъ образомъ немногихъ послѣдователей гегелевской логики), подъ терминами „тождества“, „противорѣчія“, „отрицанія“, „противоположности“ и „синтеза“. Такая работа тѣмъ болѣе необходима, что Гегель и его подражатели употребляютъ эти термины чрезвычайно неразборчиво и совершенно некритически. Ни у Гегеля, ни въ особенности у нѣкоторыхъ учениковъ его мы не найдемъ точныхъ и ясныхъ опредѣленій того, какъ нужно понимать тотъ или другой изъ этихъ терминовъ; это, конечно, была бы еще не большая бѣда, если бы термины эти примѣнялись ими всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ, до котораго поэтому нетрудно было бы добраться при нѣкоторомъ усиліи. Между тѣмъ каждый изъ этихъ терминовъ имѣетъ у Гегеля нѣсколько значеній и получаетъ такимъ образомъ крайне растяжимый и часто неожиданный смыслъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что это не простая случайность, а находится въ тѣсной связи съ задачами и принципами гегелевской діалектики, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Гегель предпринялъ реформу логики; для пониманія и оцѣнки его реформаторской дѣятельности, намъ прежде всего необходимо установить, каковы были тѣ логическіе принципы, которые Гегель призналъ ошибочными.

Если мы отбросимъ въ сторону всѣ индивидуальныя различія мнѣній въ вопросѣ о томъ, что такое законъ тождества и возьмемъ только то, въ чемъ всѣ логическія ученія о тождествѣ совпадали, то увидимъ, что сущность его сведется къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) каждое понятіе то-

ждественно лишь само съ собой, что находитъ свое выраженіе въ формулѣ А = А, 2) такъ какъ каждое понятіе тождественно лишь само съ собой, то оно отлично отъ всѣхъ другихъ; если мы обозначимъ рядъ понятій посредствомъ А, В, С, Д... то получимъ новую формулу: А отлично отъ В, С, Д... Такъ какъ, далѣе, въ данномъ случаѣ отличіе А отъ В, С, Д,... выражено въ неопредѣленной формѣ и важенъ только самый фактъ различія, то мы можемъ выразить тоже положеніе въ другой формѣ А—отлично отъ non — А (своего отрицанія), или А не есть non А. 3) Изъ двухъ сужденій,[1]) изъ которыхъ одно утверждаетъ наличность предикаціонной связи между двумя объектами мышленія, а другое отвергаетъ ее, истиннымъ можетъ быть только одно изъ этихъ противорѣчащихъ другъ другу сужденій, ибо въ каждый данный моментъ, при опредѣленныхъ точно условіяхъ, содержаніе каждаго объекта мышленія мы должны представлять себѣ тождественнымъ, себѣ самому или, иначе, какъ точно опредѣленную величину, т.-е. лишь какъ совокупность извѣстныхъ, опредѣленныхъ признаковъ (Merkmal). 4) Кромѣ предикаціоннаго отношенія объектовъ мышленія, закрѣпляемаго въ формѣ сужденія, тождество сходство и различіе объектовъ мышленія между собой выражается также и въ другихъ формахъ. Эти формы связаны уже не съ *содержаніемъ* (complexus), а съ такъ называемымъ *объемомъ* объектовъ мышленія (ambitus, extensio, Umfang). Объемомъ объекта

[1]) Подъ сужденіемъ (propositio, judicium, Urteil) формальная логика понимаетъ такое соединеніе двухъ понятій, когда одно—субъектъ (subjectum)—содержитъ въ себѣ другое—предикатъ—(praedicatum), какъ часть своего содержанія (complexus comprehensio) какъ признакъ (nota, denominatio); такое соединеніе понятій называется предикаціоннымъ.

мышленія, какъ родового объекта (genus), въ традиціонной логикѣ называютъ сумму видовъ, входящихъ въ составъ родового объекта. а) Первой въ ряду этихъ формъ должны считаться формы отношенія одного изъ видовъ даннаго родового понятія къ совокупности остальныхъ, напр. понятія окружности къ остальнымъ видамъ коническихъ сѣченій; понятія protozoa къ остальнымъ животнымъ организмамъ и т. д. Если мы обозначимъ какой-нибудь родовой объектъ мышленія (genus) посредствомъ G, а совокупность остальныхъ при помощи символа non — G (это обозначеніе должно указывать, что входящіе въ составъ его члены берутся *только со стороны различія отъ G*) тогда отношеніе G къ non G характеризуется въ логикѣ какъ различіе по противоположности (oppositio contradictoria). Смыслъ термина non — G въ этомъ случаѣ сводится къ тому, что онъ обозначаетъ вовсе не хаотическую сумму всѣхъ возможныхъ объектовъ мышленія, отличныхъ отъ G но совокупность всѣхъ соподчиненныхъ G, видовъ рода G; поэтому въ взятомъ нами примѣрѣ non — G будетъ представлять собой вовсе не сумму всѣхъ отличныхъ отъ окружности объектовъ, напр. животныхъ, растеній и т. д. и даже не совокупность всѣхъ геометрическихъ формъ, а совокупность всѣхъ остальныхъ за вычетомъ окружности, формъ коническихъ сѣченій; б) когда данный родовой объектъ (genus) заключаетъ въ себѣ лишь два вида, какъ, напр. прямая и кривая линія, какъ виды линіи вообще и т. д., то мы имѣемъ дѣло съ случаемъ такъ называемаго „Kontradictorisher Gegensatz“; в) когда всѣ виды даннаго родового понятія могутъ быть расположены въ такого рода рядъ, въ которомъ каждый слѣдующій членъ болѣе отличенъ или менѣе сходенъ

съ первымъ, чѣмъ предыдущій, то, въ этомъ случаѣ первый и послѣдній члены ряда находятся другъ съ другомъ въ отношеніи такъ называемой полной противоположности (oppositio contraria). Образчикомъ такого рода рядовъ можетъ служить, напр., рядъ, первымъ членомъ котораго является понятіе теплаго, а послѣдній—холоднаго, первымъ—понятіе чернаго цвѣта, а послѣднимъ бѣлаго, какъ видовъ родовъ понятія цвѣта вообще и т. д. Другимъ важнымъ отличительнымъ признакомъ полной противоположности служитъ то, что первый и послѣдній члены ряда, взятые вмѣстѣ, взаимно уничтожаютъ другъ друга, т.-е. даютъ въ суммѣ ноль.

Различіе между этими тремя видами противоположности объектовъ мышленія, само по себѣ не представляющее особаго интереса, получаетъ весьма важное значеніе при оцѣнкѣ Гегелевскаго ученія о синтезѣ противоположностей, въ виду того это ученіе основано на полномъ *смѣшеніи* описанныхъ формъ.

Что же Гегель противопоставилъ этимъ формамъ и принципамъ традиціонной логики? Главное и основное разногласіе между традиціонной логикой и гегелевской, составляющее ключъ ко всѣмъ остальнымъ, есть различный взглядъ назначеніе противорѣчія. До—гегелевская логика, какъ мы видѣли, понимала подъ противорѣчіемъ тотъ случай, когда изъ двухъ сужденій, опредѣляющихъ предикаціонную связь двухъ объектовъ мышленія, одно утверждаетъ наличность связи, а другое отрицаетъ ее; единственнымъ выходомъ изъ такого конфликта двухъ сужденій, логика всегда считала признаніе истиннымъ лишь одного изъ этихъ сужденій. У Гегеля терминъ противорѣчія имѣетъ шесть различныхъ значеній

причемъ постоянно противорѣчіе смѣшивается съ различными видами противоположности; но, если бы даже Гегель и не расходился въ пониманіи сущности противорѣчія со своими предшественниками, то, онъ кореннымъ образомъ расходится въ оцѣнкѣ значенія противорѣчія; для сторонниковъ аристотелевской логики противорѣчіе указываетъ лишь на ошибочность одного изъ двухъ сужденій, разрѣшающихъ вопросъ о возможности предикаціонной связи между двумя мыслимыми объектами; если это противорѣчіе относится къ двумъ сужденіямъ, изъ которыхъ одно есть признанная уже нами за истину, то противорѣчащее ей сужденіе является заблужденіемъ. Такимъ образомъ, противорѣчіе служитъ для логиковъ (какъ и для всѣхъ мыслящихъ людей, незнакомыхъ съ дѣлектикой) прочнымъ камнемъ истинности сужденій. Въ сущности, всякая критика, всякое разсужденіе сводится къ разрѣшенію вопроса, не противорѣчатъ ли другъ другу или установленнымъ истинамъ извѣстная цѣпь сужденій.

Въ глазахъ же Гегеля признаніе одного изъ противоположныхъ сужденій ошибочнымъ, а другого истиннымъ, есть предразсудокъ; напротивъ, съ точки зрѣнія Гегеля, оба признаются истинными. Для Гегеля все одинаково истинно и одинаково ошибочно, истина и заблужденіе имѣютъ совершенно одинаковое право на существованіе [1]).

Второе разногласіе въ пониманіи противорѣчія между Гегелевской точкой зрѣнія и общепринятой заключается въ томъ, что тогда какъ до Гегеля противорѣчіе могло существовать только въ области *отношеній* сужденій между собой, для Гегеля противорѣчіе можетъ существовать также

---

[1]) Hegels Werke VI, 159, 128—9, I, 188.

не только внутри отдѣльныхъ понятій и отдѣльнаго сужденія, но и *внутри отдѣльныхъ вещей*; такимъ образомъ, противорѣчіе возводится на степень *онтологическаго* начала, начала, проникающаго все сущее.

Такъ какъ именно въ этомъ пунктѣ яснѣе всего связь между предпосылками Гегеля и отношеніемъ его къ формальной логикѣ, то мы должны немного подробнѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ. Выше мы уже указывали на то, что гегелевская идея есть творческая, она должна создать собственнымъ движеніемъ все сущее, т.-е. природу и духъ; такъ какъ это движеніе собственное, то оно должно быть непрерывнымъ; такъ какъ оно творческое, то оставаясь независимымъ отъ всякаго посторонняго вліянія, оно должно непрерывно продолжаться, и, слѣдовательно, не можетъ оставаться ни на одинъ моментъ тождественнымъ, равнымъ себѣ. Такъ какъ, далѣе, это движеніе самостоятельное, то источникъ движенія, движущая причина должна лежать внутри идеи; такой причиной является для Гегеля внутреннее противорѣчіе, присущее (имманентное) идеѣ. Такъ какъ, наконецъ, идея должна сотворить все изъ себя, т.-е. сначала внѣшній міръ, природу, которая есть только инобытіе идеи, а затѣмъ духъ, (который она можетъ создать лишь возвратившись къ себѣ), то движеніе это должно имѣть характеръ кругообразный, возвращающійся постоянно къ себѣ. Поэтому, движеніе саморазвивающейся идеи въ концѣ концовъ совершается по слѣдующей схемѣ: исходной точкой является извѣстная идея, понятіе (Begriff), напр., А. Для того, чтобы движеніе могло получить начало, въ силу указанныхъ выше соображеній, необходимо, чтобы оно было въ тоже время не А, иначе оно никогда

не могло бы само (т.-е. безъ вмѣшательства постороннихъ силъ) превратиться въ В. Тоже самое на каждой слѣдующей ступени: В есть въ одно и тоже время В и non В и т. д. Но, если мы утверждаемъ, что А есть А и въ тоже время non А, то, конечно, мы впадаемъ въ противорѣчіе; съ точки зрѣнія обыкновенной логики, это значило бы, что А можетъ быть или А или non — А и противорѣчіе было бы устранено; Гегель же долженъ, если онъ остается вѣренъ своимъ предпосылкамъ, превозгласить, что противорѣчіе не только возникаетъ при извѣстныхъ условіяхъ, но есть неразлучный спутникъ всего сущаго, т.-е. что „всѣ вещи противорѣчатъ самимъ себѣ“ (IV, 67), что „антиномія (противорѣчіе) заключается во всѣхъ вещахъ всѣхъ родовъ, во всѣхъ представленіяхъ, понятіяхъ и идеяхъ“ (VI, 103), „что противорѣчіе составляетъ существенный и необходимый признакъ всего сущаго“ (VI, 102).

Слѣдующій этапъ движенія гегелевскаго понятія—это переходъ понятія въ его противоположность: въ этомъ пунктѣ Гегель, какъ было показано выше, слѣдуетъ лишь по стопамъ своихъ предшественниковъ Фихте и Шеллинга; въ то же время это вытекаетъ изъ его предпосылки, въ силу которой творческая идея должна создать сначала свою противуположность — природу, космосъ, а затѣмъ, возвратившись въ себя, свое подобіе—духъ. Но что такое для Гегеля противоположность? Традиціонная логика знаетъ, какъ мы видѣли нѣсколько видовъ противоположенія; какой же изъ этихъ видовъ имѣетъ въ виду Гегель, говоря о переходѣ понятія въ его противоположность; на это Гегель не даетъ прямого отвѣта; правда, въ его „Логикѣ“ (III, стр. 83) мы находимъ одно замѣчаніе относительно термина про-

тивоположность; смыслъ этого замѣчанія таковъ, что ошибка обыкновенной логики заключается въ томъ, что ею придается слишкомъ большое значеніе отрицательному характеру той формы различенія понятій, которая (совершенно неправильно) называется oppositio contradictoria (А и non — А); при этомъ, по его мнѣнію, логика упускаетъ изъ вида, что non—А имѣетъ въ томъ случаѣ не только отрицательный характеръ, но и положительный, поскольку подъ non—А разумѣется не все, что отлично отъ А, т.-е. не все сущее, кромѣ А, а лишь извѣстная категорія сущаго; такъ, напримѣръ, если А будетъ понятіемъ „великороссъ“, то non—А не будетъ всѣмъ чѣмъ угодно, кромѣ А, напр. животнымъ, растеніемъ, а понятіемъ „малоросса“, „бѣлоросса“ и т. д. Но отсюда еще не видно, считалъ ли онъ это различіе между А и non—А единственной формой противоположности и различалъ ли онъ между oppositio contradictoria и oppositio contraria, которыя ничего общаго между собой не имѣютъ, кромѣ названія. Анализъ же понятій, приводимыхъ Гегелемъ въ видѣ примѣровъ противоположныхъ другъ другу понятій, показываетъ, что Гегель смѣшивалъ эти формы, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ, взятыхъ Гегелемъ, мы имѣемъ дѣло съ oppositio contradictoria (которая, въ сущности, не создаетъ никакой противоположности между понятіями) и только въ немногихъ случаяхъ съ oppositio contraria, которое не есть только отрицаніе, но и нѣчто положительное; т.-е. напримѣръ въ противоположеніи „красный цвѣтъ“—„не красный цвѣтъ“, послѣдній членъ есть все-таки извѣстный цвѣтъ, а не нѣчто совсѣмъ неопредѣленное, характеризуемое только съ отрицательной стороны. Отсюда мы должны заключить, что Гегель не видѣлъ принципіальной

разницы между этимъ видомъ противоположенія и противоположеніемъ исключающимъ (oppositio contraria). Для него противоположеніе A—non—A было лишь извѣстной ступенью въ той лѣстницѣ понятій, которая образуется между двумя взаимно исключающими понятіями. Въ этомъ заключается вторая поправка, которую Гегель считаетъ нужнымъ внести въ формулу традиціонной логики. Забѣгая немножко впередъ, мы должны сказать, что ошибка, въ которую впалъ здѣсь Гегель, настолько очевидна, что можетъ быть объяснена лишь крайнимъ увлеченіемъ Гегеля своими принципами саморазвивающейся идеи. Въ самомъ дѣлѣ, очень легко показать, что вовсе не всѣ видовыя понятія (species), соподчиненные одному родовому (genus), могутъ быть расположены въ такіе ряды, чтобы крайніе ихъ члены представляли полную, исключающую противоположность. Возьмемъ, напр., тотъ же примѣръ, который былъ взятъ нами выше, т.-е. родовое понятіе коническаго сѣченія; можемъ ли мы сказать, что какой-либо изъ видовъ коническихъ сѣченій представляетъ полную исключительную противоположность другому виду? Конечно, нѣтъ. Отсюда слѣдуетъ, что не всѣ понятія могутъ переходить въ свою противоположность (въ смыслѣ oppositio contraria) по той простой причинѣ, что такой противоположности для многихъ понятій не существуетъ. Но даже не всѣ тѣ изъ числа основныхъ понятій, которые образуютъ такъ называемыя категоріи нашего мышленія, имѣютъ свою противоположность. А между тѣмъ, въ Гегелевскомъ процессѣ саморазвитія идеи переходъ данной идеи въ ея противоположность могъ осуществиться только въ томъ случаѣ, если эта противоположность имѣла характеръ и с к л ю ч а ю щ е й противоположности (opposi-

tio contraria), иначе то противоположное понятіе, въ которое переходитъ первое, будетъ имѣть до извѣстной степени неопредѣленный характеръ (какъ въ oppositio contradictoria), т.-е. мы будемъ имѣть тотъ случай, когда А точно такъ же противополагается non—А, какъ к а ж д о м у изъ всѣхъ остальныхъ за вычетомъ А, видовъ того же рода; въ приведенномъ нами примѣрѣ non—А можетъ быть каждымъ *изъ цѣлаго ряда* понятій; очевидно, что для цѣлей Гегеля, которому нужно было о д н о опредѣленное понятіе, этотъ видъ различія между понятіями совершенно не пригоденъ. На практикѣ Гегель обыкновенно избѣгалъ этого затрудненія только такимъ способомъ, что изъ упомянутаго ряда видовыхъ понятій, объединенныхъ въ формѣ non—А, совершенно произвольно выбиралъ о д н о какое-нибудь, обыкновенно такое, которое въ дѣйствительности, т.-е. на опытѣ, почему-либо больше связано съ А, чѣмъ остальные. Совершенно понятно, п о ч е м у онъ это вынужденъ дѣлать; вѣдь діалектическое движеніе, по собственному опредѣленію Гегеля, есть „das eigene Sich-aufheben solcher endlichen Bestimmungen und ihr Uebergehen in ihre entgegensetzte“ (VI, 151, § 81). Поэтому діалектика не можетъ удовольствоваться однимъ отрицаніемъ первоначальнаго положенія (Sich Aufheben), но требуетъ, с в е р х ъ того, дальнѣйшаго движенія по направленію къ противоположности. Но пойдемъ дальше и допустимъ, что А перешло въ свою противоположность non—А, которая въ рукахъ искуснаго философа получила вмѣсто своего неопредѣленнаго въ дѣйствительности характера, характеръ опредѣленный; но тутъ возникало другое затрудненіе: переходъ этотъ долженъ быть непрерывнымъ, т.-е. между А и его противоположностью долженъ существовать цѣлый рядъ переходныхъ

формъ, которыя отличались бы другъ отъ друга на совершенно незамѣтную величину какъ это мы видимъ въ области математики. Этой непрерывности въ движеніи понятій Гегель достигалъ предположеніемъ, что всѣ противоположныя понятія соединены между собой рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, какъ напр., теплое и холодное и т. д. Между тѣмъ, въ такомъ порядкѣ могутъ быть расположены только нѣкоторыя координированныя понятія; такимъ образомъ, Гегель и здѣсь совершенно произвольно отступаетъ отъ вполнѣ установленныхъ положеній.

Дальнѣйшее движеніе понятія заключается въ переходѣ второго понятія къ третьему, которое составляетъ полную противоположность второму; въ тоже время третье понятіе должно было объединять противоположность первыхъ двухъ понятій въ одномъ высшемъ единствѣ или тождествѣ противорѣчій. Весь этотъ процессъ представляется во многихъ отношеніяхъ невозможнымъ съ точки зрѣнія формальной логики. Прежде всего, что такое это новое третье понятіе? Если даже, вмѣстѣ съ Гегелемъ, предположить, что оно всегда и во всѣхъ разбираемыхъ имъ случаяхъ представляетъ прямую (contraria) противоположность первому, то простой переходъ отъ перваго ко второму члену процесса еще не создаетъ въ результатѣ никакого (какъ полагаетъ Гегель), противорѣчія; противорѣчіе создается только тогда, когда сверхъ перехода понятія въ его противоположность еще ставится требованіе, чтобы во второмъ понятіи, противоположномъ первому, сохранилось и первое, чтобы, напримѣръ, въ понятіи зеленаго цвѣта, въ которое переходитъ, какъ въ свою противоположность, понятіе краснаго цвѣта, сохранилось и понятіе краснаго цвѣта. Если бы это со-

единеніе было возможно не только на словахъ (на словахъ все возможно), а и въ дѣйствительности, то такое соединеніе прямо противоположныхъ (conträr) величинъ (а такими только и оперируетъ Гегель) дало бы въ результатѣ не противорѣчіе, а ноль, какъ изъ соединенія краснаго съ зеленымъ цвѣтомъ получается не новый цвѣтъ, а безцвѣтный свѣтъ, изъ соединенія понятій высокаго и глубокаго получаетъ О вертикальнаго измѣренія, изъ соединеній операцій умноженія и дѣленія получается О ариѳметическихъ операцій и т. д. Я не могу сказать напр. „этотъ лучъ свѣта краснаго цвѣта и въ тоже время зеленаго цвѣта“, ибо онъ можетъ быть или краснаго или зеленаго цвѣта или безцвѣтенъ, т.-е. ни краснаго, ни зеленаго цвѣта. Единственное отношеніе (но отнюдь не соединеніе) которое мыслимо между двумя прямыми (conträr) противоположностями это то, что оба они *относятся* къ одному роду (genus), котораго видами они являются; но еще никто никогда не утверждалъ, что изъ соединенія двухъ спеціальныхъ понятій (species) получается одно общее (genus). Но, прежде всего, соподчиненіе спеціальныхъ понятій одному общему непригодно для цѣлей Гегели, ибо изъ такого отношенія никоимъ образомъ нельзя выкроить синтеза, примиренія противоположностей; а если бы даже и можно было, то въ результатѣ получилась бы таже система понятій, которая уже давно извѣстна логикѣ въ видѣ т. н. лѣстницы понятій. Затѣмъ не выдерживаетъ никакой критики съ точки зрѣнія господствовавшихъ до Гегеля логическихъ ученій и утвержденіе, что это новое третье понятіе, которое должно объединить первые два, получается путемъ отрицанія вто-

рого подобно тому, какъ второе получается путемъ отрицанія перваго, или, иначе, что третье понятіе есть продуктъ двойнаго отрицанія перваго. Если второе понятіе есть дѣйствительно отрицаніе перваго, то *его* отрицаніе для традиціонной логики можетъ дать въ результатѣ лишь опять первое понятіе (duplex negatio affirmat), а не новое. Въ самомъ дѣлѣ, если мы припомнимъ, что отрицаніе есть лишь констатированіе того факта, что содержаніе понятія, которое служитъ предикатомъ — въ отрицательномъ сужденіи отлично отъ содержанія понятія субъекта, то процессъ отрицанія отрицанія, значитъ, сведется къ констатированію того факта, что содержаніе двухъ понятій совпадаетъ въ извѣстномъ отношеніи, т.-е. возвращенію къ исходному пункту. Лучше всего это видно на примѣрѣ; начнемъ съ положительнаго утвержденія такого рода: „всякое правило допускаетъ исключеніе“; отрицаніе его даетъ такое сужденіе: „всякое правило безъ исключеній (не допускаетъ исключеній“; новое отрицаніе можетъ быть мыслимо въ такой формѣ: „нѣтъ правила безъ исключеній“, которое по содержанію своему вполнѣ тождественно съ первоначальнымъ сужденіемъ, хотя и выражено въ отрицательной формѣ. Другой примѣръ: „наказаніе преступника возможно только въ томъ случаѣ, если за дѣяніе, имъ совершенное, полагается наказаніе по закону“ или, другими словами, „наказаніе возможно только по закону“; первое отрицаніе: „наказаніе возможно и безъ закона“, второе отрицаніе или отрицаніе отрицанія: „никакое наказаніе не возможно безъ закона“-„наказаніе возможно только по закону“. Третій примѣръ: „всѣ сочиненія Гегеля интересны“; отрицаніе: „всѣ сочиненія Гегеля лишены интереса“; двойное отрицаніе: „ни одно сочиненіе Гегеля не лишено интереса-всѣ сочиненія Гегеля интересны.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію приведенныхъ у Гегеля трехчленныхъ рядовъ (образчики которыхъ были даны выше), то увидимъ, что тамъ двойное отрицаніе не приводитъ обратно къ исходному пункту потому, что у Гегеля процессъ отрицанія имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ въ формальной логикѣ: отрицаніе у него почти никогда не является простымъ актомъ, процессомъ мышленія, не есть актъ констатированія извѣстнаго отношенія между двумя понятіями, какъ въ логикѣ, для него отрицаніе есть лишь одна изъ категорій понятій, идей, противополагаемая другой категоріи понятій, имѣющихъ значеніе утвержденія. Если мы возьмемъ за исходный пунктъ какое-нибудьпонятіе, напр. А, то мыслимо множество понятій, которыя съ А не состоятъ въ придикаціонной связи, т.-е. содержаніе которыхъ не совпадаетъ въ извѣстномъ отношеніи съ содержаніемъ А; продуктовъ отрицанія А можетъ быть мыслимо также множество, которое обнимается символомъ (а не опредѣленнымъ понятіемъ) non.—А. Если даже мы ограничимъ объемъ non—А извѣстными рамками и будемъ, согласно указанію Гегеля, подъ non—А разумѣть не всѣ остальныя, кромѣ А, понятія, а только всѣ остальные виды того же рода, къ которому относится понятіе А, то и тогда мы будемъ имѣть не одно отрицаніе А, а нѣсколько. Только въ одномъ единственномъ случаѣ отрицаніе А будетъ вполнѣ опредѣленной величиной; это въ томъ случаѣ, когда А есть родовое понятіе такого рода, въ которомъ существуетъ лишь всего два вида; напр., А есть понятіе „мужскій полъ“; въ этомъ случаѣ отрицаніе А есть только „женскій полъ“, „tertium non datur“. Но за то въ этихъ случаяхъ уже не можетъ быть никакого сомнѣнія, что двойное отрицаніе при-

ведетъ опять къ исходному пункту. На практикѣ у Гегеля или уже само А насколько неопредѣленно, настолько смутно, что мы не можемъ спорить противъ правильности опредѣленія Гегелемъ содержанія non—А, или же при опредѣленности А данное значеніе non—Авыбирается совершенно произвольно изъ нѣсколькихъ возможныхъ его значеній.

Въ тѣсной связи съ взглядами Гегеля на природу закона противорѣчія находится и отношеніе его къ вопросу о значеніи принципа тождества. Такъ какъ всякое понятіе мыслится Гегелемъ находящимся въ постоянномъ, непрерывномъ движеніи, то содержаніе его должно также постоянно и непрерывно измѣняться, ибо и самое движеніе понятія только и можетъ заключаться въ измѣненіи его содержанія. Естественно, поэтому, что правило логики, въ силу котораго мы должны содержаніе всѣхъ объектовъ, при помощи которыхъ оперируетъ наше мышленіе, постоянно представлять себѣ неизмѣннымъ, согласно формулѣ А=А или А есть А, Гегелю представляется крайне отсталымъ, схоластическимъ. Этому правилу онъ противопоставляетъ принципъ текучести, неопредѣленности содержанія понятія, выражающійся въ формулѣ А=В=non—А. Выраженіе „А есть А“ или „А не можетъ быть одновременно А и не А“, Гегелю кажется смѣшной и не имѣющей никакой цѣны тавтологіей, а законъ тождества вмѣсто того, чтобы быть истиннымъ закономъ мышленія, представляется, на самомъ дѣлѣ, лишь закономъ абстрактнаго разсудка (который Гегель, какъ извѣстно, противопоставляетъ разуму). Уже самая форма, въ которой выраженъ этотъ мнимый законъ мышленія, находится, по мнѣнію Гегеля, въ противорѣчіи съ его содержаніемъ, такъ какъ всякое

сужденіе должно служить выраженіемъ какого-нибудь различія между субъектомъ и предикатомъ, что данная формула (А=А) не можетъ сдѣлать, ибо субъектъ въ немъ тождественъ съ предикатомъ.

Если утверждаютъ, что, хотя положеніе это (т.-е. принципъ тождества) не можетъ быть доказано, но что сознаніе каждаго исходитъ въ своей дѣятельности изъ закона тождества, то этому мнимому школьному опыту можно противопоставить, по мнѣнію Гегеля, всеобщій опытъ, что никакое сознаніе не мыслитъ по этому закону, не строитъ на его основаніи своего представленія, и т. д. и не подчиняетъ этому закону выраженіе своихъ мыслей на словахъ и что, вообще, никакое существованіе, какого бы рода оно ни было, не подчинено этому закону. „Если бы кто-нибудь вздумалъ говорить, руководствуясь этимъ мнимымъ закономъ (напр. планета—есть пламета), то его съ полнымъ правомъ принимали бы за идіота (albern)“ [1]).

Таковы, въ общихъ чертахъ, пункты, въ которыхъ Гегель разошелся съ аристотелевской логикой.

Вліяніе Гегеля на современную ему философскую мысль было, какъ извѣстно, громадно и, хотя оно вскорѣ послѣ смерти Гегеля смѣнилось почти полнымъ забвеніемъ, оно, конечно, не могло остаться совершенно безслѣднымъ. Несмотря на высокомѣрно пренебрежительное отношеніе, усвоенное въ отношеніи къ Гегелю послѣ—гегелевской философіей, которая, по выраженію Маркса, трактовала Гегеля, какъ „мертваго пса“ (als einen todten Hund), многія идеи Гегеля въ той или иной формѣ продолжали оказывать свое вліяніе на дальнѣйшее развитіе не только чисто философ-

---

[1]) Hegel, Encyklopädie 2 Aufl. § 116. Werke.—VI, 229.

скихъ дисциплинъ, но и спеціальныхъ научныхъ областей. Въ особенности это справедливо по отношенію къ тѣмъ элементамъ гегелевской спекуляціи, которые связаны съ его діалектикой. Послѣдняя, какъ мы видимъ, сводится къ отрицанію старыхъ методовъ познанія въ той формѣ, какъ они вылились въ опредѣленіяхъ формальной логики, и въ выработкѣ новыхъ пріемовъ изслѣдованія. Въ настоящее время, почти ни одинъ изъ серьезныхъ историковъ философіи не отрицаетъ громаднаго значенія предпринятаго Гегелемъ пересмотра основныхъ положеній старой логики, никто не разсматриваетъ Гегелевскую спекуляцію, какъ, хотя и чрезвычайно стройную, цѣльную и красивую, но лишенную всякаго научнаго значенія систему, какъ родъ Wolkenkukusheim'a. Въ видѣ примѣра достаточно привести оцѣнку философіи Гегеля, данную однимъ изъ новѣйшихъ историковъ философіи—Гёффдингомъ въ его „Исторіи новѣйшей философіи“ (Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. СПБ. 1900).

„Но кто окажется въ состояніи проникнуть сквозь эту внѣшнюю оболочку (обиліе техническихъ терминовъ), тому становится яснымъ другой отличительный признакъ, который выступаетъ на первый планъ и который, дѣйствительно, долженъ занять это мѣсто, если хотятъ чтобы физіономія Гегеля, какъ мыслителя, сохранила свои историческія правдивыя черты. Вопреки своему спекулятивному методу и обструкціонной формѣ своего изложенія, Гегель все-таки былъ реалистической натурой. Его мышленіе стремилось исчерпать всю полноту жизни, переводя ее въ форму мысли (стр. 145). „Стало быть то, что Гегель хотѣлъ выразить своимъ ученіемъ о

діалектикѣ, какъ міровомъ процессѣ, есть его убѣжденіе въ сохраненіи силъ и цѣнностей въ бытіи... „По истинѣ никогда еще не было сдѣлано такой грандіозной попытки провести идею сохраненія силы и цѣнностей въ области духа... Стало быть въ діалектическомъ методѣ скрыты идеи, имѣющіе глубокое содержаніе“ (стр. 150).

Отношеніе къ Гегелю, которое нашло себѣ выраженіе въ этихъ словахъ Гёффдинга, можно считать типичнымъ для современной философской критики. Подобно Гёфдингу, громадное большинство представителей современной цеховой философіи, отдавая должную дань основной тенденціи гегелевской діалектики — стремленію мысли „исчерпать всю полноту“ жизни, переведя ее въ форму мысли, въ то же время относится отрицательно къ средствамъ, рекомендуемымъ Гегелемъ для достиженія этой цѣли. Но въ одномъ всѣ согласны съ Гегелемъ, а именно въ томъ, что старыя средства, которыми располагала наука до Гегеля, совершенно недостаточны. Съ другой стороны, философы не могли не остановить своего вниманія и на томъ, что новѣйшія завоеванія, сдѣланныя человѣческой мыслью въ области точнаго, спеціальнаго знанія, по истинѣ громадны; слѣдовательно, отвѣта на вопросъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать разрѣшенія вопроса о наиболѣе дѣйствительныхъ, наиболѣе цѣлесообразныхъ методахъ мышленія, нужно искать въ анализѣ тѣхъ пріемовъ, при помощи которыхъ столь успѣшно оперируютъ спеціальныя науки. И дѣйствительно, даже для поверхностнаго наблюдателя новѣйшихъ теченій въ области философіи должно быть совершенно ясно, что наиболѣе характерной чертой всѣхъ попытокъ влить новую кровь въ одряхлѣвшій организмъ философіи яв-

ляется стремленіе перенести въ область отвлеченной мысли тѣ самые методы, которые оказались столь плодотворными въ дѣлѣ изученія природы. Но для этого нужно было предварительно выяснить, каковы эти методы. Эта послѣдняя задача, на самомъ дѣлѣ, оказывается совсѣмъ не столь простой и легкой, какъ она представляется на первый взглядъ и далеко не исчерпывается тѣми опредѣленіями, которыя завѣщаны намъ формальной логикой. Поэтому философы, поставившіе во главу угла своего ученія единство методовъ научнаго и философскаго мышленія, сосредоточили свои усилія на разработкѣ методологіи, какъ отдѣльныхъ отраслей знанія, такъ и, вообще, всей системы знанія. Нельзя сказать, чтобы эта цѣль въ настоящее время была уже достигнута въ полномъ объемѣ, но, во всякомъ случаѣ, совокупныя усилія философовъ и естествоиспытателей не оказались безплодными и мы имѣемъ въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, по основнымъ вопросамъ методологіи, достаточное количество выводовъ, признаваемыхъ значительнымъ большинствомъ изслѣдователей.

Въ общемъ можно сказать, что такого рода изслѣдованія произвели полный переворотъ въ нашихъ взглядахъ, какъ на взаимныя отношенія мышленія и знанія, съ одной стороны, такъ и на роль мышленія въ общемъ механизмѣ душевной жизни,—съ другой; такой переворотъ, несомнѣнно, долженъ былъ повлечь за собой и повлекъ полную реформу спеціальныхъ ученій психологіи, теоріи познанія и логики.

По отношеніи къ занимающему насъ вопросу о предѣлахъ примѣнимости діалектическаго метода, измѣнившаяся точка зрѣнія философіи обязываетъ насъ поставить вопросъ, въ какой мѣрѣ возможно

примиреніе между результатами новыхъ изслѣдованій и тѣми идеями Гегеля, совокупность которыхъ составляетъ его діалектическій методъ. Послѣдній, какъ мы видѣли, не можетъ считаться случайнымъ придаткомъ къ философскому міровоззрѣнію Гегеля, онъ составляетъ необходимый выводъ изъ предпосылокъ его философіи. Мы не можемъ поэтому разсматривать діалектическій методъ внѣ или независимо отъ его философскихъ корней; для того, чтобы оцѣнить значеніе его съ точки зрѣнія такъ называемой научной философіи, намъ необходимо сличить исходные пункты гегелевской и современной философіи.

III.

Исходные пункты гегелевской и современной философіи.

Узломъ всякой философіи является вопросъ объ отношеніи мышленія къ бытію. Какъ рѣшалъ эту проблему, Гегель, мы уже видѣли; намъ нужно, поэтому, обратиться къ рѣшенію, предлагаемому по этому вопросу опытной философіей. Что такое мышленіе и какова его роль въ жизни человѣческаго организма съ точки зрѣнія современной науки?

Какъ ни разнообразны мнѣнія біологовъ о сущности жизненныхъ процессовъ, всѣ они сходятся въ томъ, что явленія, происходящія въ организмахъ, отличаются отъ простыхъ физико-химическихъ процессовъ (съ которыми онѣ вполнѣ однородны) главнымъ образомъ тѣмъ, что эти процессы имѣютъ тенденцію *сохраняться, снова и снова воспроизводиться и распространяться*, т.-е. захватывать въ сферу своего вліянія все большее и большее количество „матеріи“, тогда какъ громадное большинство простыхъ физико-химическихъ процессовъ, если только теченіе ихъ не поддерживается какими-нибудь извнѣ дѣйствующими факторами, стремится къ переходу къ покою. Съ этой точки зрѣнія животные и человѣческіе организмы отличаются отъ простыхъ механизмовъ, автоматовъ, тѣмъ что 1) происходящіе

въ нихъ процессы не протекаютъ безслѣдно, а оставляютъ по себѣ извѣстные слѣды, которые, суммируясь, оказываютъ вліяніе на теченіе вновь возникающихъ процессовъ, что 2) организмы находятся въ состояніи непрерывнаго измѣненія и что 3) они возникаютъ изъ другихъ подобныхъ имъ организмовъ и обладаютъ способностью воспроизводить новые организмы. Эти характерныя черты органической жизни обыкновенно соединяютъ въ одно цѣлое утвержденіемъ, что организмы обладаютъ стремленіемъ къ самосохраненію и размноженію. Первый терминъ едва ли можно считать удачнымъ, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ представленіе какого-то волевого, телеологическаго начала, которое управляетъ жизнью организма. Если же подъ „стремленіемъ къ самосохраненію“ понимать лишь объективный фактъ относительной устойчивости организмовъ, какъ динамической системы процессовъ, въ сравненіи съ физико-химическими тѣлами, то терминъ этотъ можетъ быть сохраненъ безъ особаго ущерба для дѣла. Такъ какъ каждый организмъ, далѣе, можетъ быть разсматриваемъ какъ извѣстный видъ симбіоза отдѣльныхъ органовъ, входящихъ въ составъ его, (consensus général Кл. Бернара), то мы должны предположить, что эти функціи отдѣльныхъ органовъ могутъ быть поняты только изъ ихъ отношенія къ сохраненію организма, какъ цѣлаго. Съ этой точки зрѣнія мы должны разсматривать и психическія явленія, какъ явленія, совершающіяся въ тѣсной зависимости отъ процессовъ, протекающихъ въ одномъ изъ органовъ человѣческаго тѣла, а именно нервной системѣ. Психика есть, подобно всѣмъ процессамъ, связаннымъ съ организмомъ, одно изъ орудій или средствъ сохраненія организма. Только при такомъ толкованіи психичес-

кихъ процессовъ, мы можемъ понять взаимную связь и зависимость отдѣльныхъ формъ душевной жизни, внести въ нихъ единство и закономѣрность. Біологическая точка зрѣнія въ психологіи не можетъ считаться совершенной новостью или открытіемъ послѣднихъ дней. Уже знаменитымъ основателемъ современной біологіи были сдѣланы нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи; вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые его послѣдователи пытались дать объясненіе психической жизни организмовъ съ точки зрѣнія основныхъ законовъ біологіи. Изъ нихъ важнѣйшими нужно считать „Очерки психологіи“ Спенсера и труды знаменитаго русскаго физіолога Сѣченова, въ особенности его „Рефлексы головнаго мозга“ и статьи „Элементы мысли“ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ за 1878 г.[1]); но дальше самаго о б щ а г о очерка душевныхъ явленій эти попытки не пошли; затѣмъ, почти вплоть до конца восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія мы не встрѣчаемъ въ психологической литературѣ попытки систематическаго проведенія біологической точки зрѣнія въ дѣлѣ описанія механизма душевной жизни. Первымъ опытомъ въ этомъ родѣ нужно считать „Критику чистаго опыта“ Авенаріуса, первый томъ котораго вышелъ въ 1888 г. Дальнѣйшее развитіе этотъ методъ психологическаго изслѣдованія получилъ въ трудахъ Маха, Петцольтда и Сѣченова. Выводы этихъ изслѣдователей, отличаясь во многихъ частностяхъ, совпадаютъ почти во всемъ существенномъ. Каковы же основныя формы и законы душевной жизни съ точки зрѣнія этихъ выводовъ? Не касаясь вопросовъ о происхожденіи психиче-

---

[1]) Впослѣдствіи „Элементы мысли“ были изданы въ видѣ отдѣльной книги.

скихъ функцій изъ чисто физическихъ, они исходятъ изъ предположенія, что между психическими явленіями и физіологическими не только нѣтъ никакой пропасти, но, наоборотъ полагаютъ, что нельзя между ними провести никакой рѣзкой грани. Это предположеніе явилось результатомъ сравнительно-генетическаго изслѣдованія различныхъ формъ, въ которыя облекается стремленіе къ сохраненію въ организмахъ растительныхъ, животныхъ и наконецъ человѣческихъ. Всякій организмъ есть динамическая система физикохимическихъ процессовъ, т.-е. такая система, въ которой отдѣльные процессы поддерживаютъ другъ друга въ состояніи равновѣсія. Все различіе между различными видами организмовъ можетъ быть сведено, поэтому, къ различію формъ, въ которыхъ осуществляется эта динамика равновѣсія при различныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи всѣ организмы могутъ быть раздѣлены на двѣ обширныя группы: группу растительныхъ и группу животныхъ организмовъ. Тогда какъ всѣ особенности строенія и жизненныхъ отправленій растительныхъ организмовъ обусловливаются тѣмъ, что всѣ необходимыя для поддержанія ихъ существованія условія находятся въ непосредственной къ нимъ пространственной близости, главныя свойства животныхъ организмовъ коренятся въ томъ, что не всѣ тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ ихъ сохраненіе, находятся въ сосѣдствѣ съ ними. Жизненный процессъ въ растеніяхъ, какъ извѣстно, зависитъ отъ солнечнаго свѣта и присутствія въ атмосферѣ достаточнаго количества CO_2 и O, съ одной стороны, и различныхъ солей и H_2O въ почвѣ—съ другой. Сообразно этому, мы наблюдаемъ двѣ основныхъ жизненныхъ реакціи: установленіе оси растенія по направленію солнеч-

ныхъ лучей и по направленію земного притяженія (геліотропизмъ и геотропизмъ). Поэтому, всѣ растенія состоятъ изъ двухъ главныхъ органовъ: органа, ростъ котораго происходитъ въ направленіи, діаметрально противоположномъ направленію солнечныхъ лучей, и корня, который растетъ по направленію, совпадающему съ направленіемъ земного притяженія. Другая группа біологическихъ системъ — животныя — для поддержанія своихъ жизненныхъ процессовъ нуждаются, кромѣ атмосфернаго кислорода и свѣта, также еще и въ различныхъ органическихъ веществахъ. Но, послѣднія распредѣлены въ пространствѣ не равномѣрно (болѣе или менѣе), а въ различныхъ мѣстахъ и въ различные моменты времени. Поэтому, существованіе животныхъ лишь постольку можетъ считаться обезпеченнымъ, поскольку организмы ихъ вырабатываютъ приспособленія для оріентированія и передвиженія въ пространствѣ. Сообразно этому динамическія системы, называемыя животными организмами, должны состоять по крайней мѣрѣ изъ трехъ частичныхъ системъ: одной, которая превращаетъ вырабатываемую организмомъ энергію въ движеніе всего организма или его членовъ (мускулы), другой, которая перерабатываетъ поступающія въ организмъ вещества такимъ образомъ, чтобы пополнить затраченую организмомъ въ формѣ движенія энергію, и третьей, которая координируетъ движенія и функціи остальныхъ системъ (нервная система). Такимъ образомъ, физіологическая сущность животнаго организма заключена въ его способности къ цѣлесообразному оріентированію среди окружающихъ условій, (понимая подъ оріентированіемъ совокупность всѣхъ движеній организма, имѣющихъ цѣлью приближеніе организма къ тѣмъ ве-

ществамъ, которыя необходимы для его питанія, и охраненіе организма отъ угрожающихъ его сохраненію со стороны среди опасности). Отсюда понятно, что развитіе животныхъ организмовъ совершалось въ направленіи постепеннаго усовершенствованія формъ этого оріентированія. Въ своихъ первоначальныхъ стадіяхъ акты оріентированія совершаются въ формѣ т.-н. рефлексовъ. Какъ показали извѣстные опыты надъ лягушками, нѣкоторыя изъ движеній, направленныхъ къ сохраненію животнаго организма, совершаются безъ всякаго участія головнаго мозга, т.-е. исключительно при помощи координированнаго дѣйствія другихъ органовъ. По существу эти движенія ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя для насъ немыслимы безъ участія сознанія, хотя бы и очень ограниченнаго. Болѣе сложныя изъ рефлекторныхъ движеній, т.-е. такъ называемыя инстинктивныя движенія, мы должны разсматривать какъ извѣстную комбинацію рефлекторныхъ движеній, въ которой каждое послѣдующее звено обусловливается предъидущимъ. Наблюденія надъ психической жизнью новорожденныхъ показали, что переходъ отъ чисто инстинктивныхъ движеній къ такъ называемымъ произвольнымъ движеніямъ происходитъ совершенно незамѣтно и постепенно, и что главную роль при этомъ играетъ память, т.-е. способность запоминанія и припоминанія. Это яснѣе всего видно на примѣрѣ: ребенокъ въ возрастѣ нѣсколько мѣсяцевъ хватаетъ и тащитъ въ ротъ все, что такъ или иначе дѣйствуетъ на его органы чувства. Допустимъ, что такой ребенокъ, въ одномъ случаѣ схватилъ и отправилъ въ ротъ кусокъ сахара, а въ другомъ хотѣлъ схватить пламя свѣчи, но, обжегшись, совершено рефлекторно отдернулъ руку. Когда тотъ же ребенокъ въ слѣ-

дующій разъ увидитъ сахаръ или пламя, то поведеніе его, благодаря дѣйствію памяти, будетъ различно: а именно, въ первомъ случаѣ движеніе схватыванія сахара будетъ выполнено съ большей увѣренностью, а во второмъ, движеніе будетъ парализовано воспоминаніемъ о причиненной обжогомъ боли. Такимъ образомъ, произвольное движеніе есть рефлекторное движеніе, модифицированное вслѣдствіи воздѣйствія памяти. Что это дѣйствительно такъ, вполнѣ доказывается также и тѣмъ фактомъ, что мы не можемъ выполнить ни одного движенія, носящаго характеръ произвольнаго, которое не было бы раньше въ полномъ ли объемѣ или въ части неоднократно выполняемо, какъ рефлекторное или инстинктивное движеніе. Съ этой точки зрѣнія, тѣ процессы, которые въ психологіи извѣстны подъ именемъ воли, волевыхъ процессовъ, суть не что иное какъ извѣстная дифференціація рефлекторныхъ процессовъ, обусловленая существованіемъ въ нашемъ организмѣ слѣдовъ прежнихъ ощущеній, которые осложняютъ рефлексъ, вдвигаясь въ него, какъ средній членъ; это видоизмѣненіе, конечно, имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если инстинктивныя движенія оказываются недостаточными для сохраненія индивида. Все преимущество человѣка предъ животными, культурнаго человѣка передъ некультурнымъ, сводится только къ большей или меньшей сложности и обширности тѣхъ промежуточныхъ членовъ, которыя раздѣляютъ начальную стадію (т.-е. чувственное раздраженіе) отъ заключительныхъ рефлекса—двигательной реакціи организма. Вотъ эти то промежуточные члены въ своей совокупности и образуютъ то, что называютъ сознаніемъ. Поэтому психику мы можемъ опредѣлить, какъ совокупность среднихъ членовъ

ряда, открывающагося чувственнымъ раздраженіемъ и заканчивающагося движеніемъ. Мы видѣли, что главнымъ элементомъ этой средней части является воспоминаніе, какъ воспроизведеніе прежняго раздраженія, сходнаго съ новымъ. Отсюда слѣдуетъ, что краеугольными камнями психическаго развитія мы должны считать п а м я т ь, какъ способность организма сохранять слѣды раздраженія, и а с с о с і а ц і ю, какъ способность организма при новомъ раздраженіи вызывать изъ числа накопленныхъ слѣдовъ ощущеній именно тѣ, которые такъ или иначе связаны съ новымъ раздраженіемъ. Все дальнѣйшее психическое развитіе совершается въ формѣ комбинированія и совершенствованія этихъ основныхъ функцій психофизической жизни. Для нашихъ цѣлей нѣтъ надобности подробно останавливаться на историко-генетическомъ анализѣ в с ѣ х ъ формъ душевной жизни. Изъ всѣхъ производныхъ формъ, въ которыя постепенно укладывается человѣческая психика, насъ интересуютъ главнымъ образомъ тѣ, которыя такъ или иначе связаны съ самымъ важнымъ продуктомъ психическаго развитія, именно мышленіемъ. М ы ш л е н і е, какъ одна изъ формъ психической дѣятельности, есть, конечно, такое же орудіе сохраненія организма, какъ и всѣ остальныя свойства организмовъ, только несравненно болѣе совершенное и сложное. Сохраненіе организмовъ достигается путемъ приспособленія организма къ измѣняющимся условіямъ окружающей ихъ среды; приспособленіе это на низшихъ ступеняхъ органической жизни осуществляется при помощи механизма рефлекторной дѣятельности, который оказывается вполнѣ достаточнымъ для сохраненія индивида при несложныхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ и благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

При болѣе сложныхъ, запутанныхъ и измѣнчивыхъ условіяхъ внѣшней обстановки успѣшная борьба за существованіе возможна для индивида только при условіи, если онъ съумѣетъ выработатхъ способность приспособляться ко всему разнообразію и непрерывной измѣнчивости явленій окружающей его среды. Цѣль эта достигается двоякимъ путемъ: усовершенствованіемъ органовъ чувства и дальнѣйшимъ развитіемъ механизма памяти. Благодаря послѣдней, индивидъ можетъ знать о существованіи и такихъ частей обстановки, которыя не дѣйствуютъ въ данный моментъ на его органы чувствъ; при помощи способности запоминанія и воспроизведеній прежнихъ ощущеній индивидъ научается, такъ сказать, мысленно дополнять непосредственныя данныя опыта. Охотникъ, напримѣръ, при помощи памяти можетъ себѣ представить мысленно привычки того животнаго, за которымъ онъ охотится, и сообразоваться съ этимъ представленіемъ и свой образъ дѣйствій. Эта способность мысленнаго завершенія факта по данной его части есть та черта, которая является наиболѣе характерной для всѣхъ видовъ умственной дѣятельности, начиная отъ самаго элементарнаго мышленія, и кончая самыми сложными формами научнаго изслѣдованія. Различіе заключается лишь въ томъ, что элементарное мышленіе служитъ преимущественно практическимъ цѣлямъ, т.-е. удовлетворенію насущныхъ потребностей, а научное, эмансипировавшись отъ вліянія преходящихъ потребностей, само создаетъ себѣ самостоятельную цѣль, а именно возможно полное и всестороннее оріентированіе, сначала въ отдѣльныхъ областяхъ фактовъ дѣйствительности, а затѣмъ по всей совокупности нашего опыта. Но какъ то, такъ и другое, имѣетъ

своей задачей приспособленіе нашихъ мыслей (представленій) къ фактамъ, отраженіе фактовъ, описаніе дѣйствительности. Результаты такого приспособленія сначала, конечно, чрезвычайно несовершенны и часто противорѣчатъ другъ другу, но постепенно расширяющіяся рамки опыта позволяютъ вносить все больше и больше порядка въ продукты приспобленія мыслей къ фактамъ; этотъ порядокъ осуществляется, главнымъ образомъ, путемъ приспособленія мыслей другъ къ другу. Такимъ процессомъ двойнаго приспособленія—мыслей къ фактамъ и мыслей другъ къ другу—и исчерпывается въ сущности все содержаніе мыслительной дѣятельности. Главнымъ средствомъ для достиженія цѣлей оріентированія служитъ, какъ вывы было указано усовершенствованіе механизма памяти. Дѣло въ томъ, что первоначально этотъ механизмъ функціонируетъ совершенно слѣпо; дѣйствіе его основано вначалѣ исключительно на законѣ одновременности: каждое новое раздраженіе вызываетъ наружу не только одно представленіе о прежнихъ ощущеніяхъ, сходныхъ съ новымъ, но и всѣ тѣ слѣды ощущеній, которыя были даны одновременно съ ними (ассоціація по смежности). Такимъ образомъ первоначально связь между представленіями, какъ воспроизведеніями прежнихъ переживаній, носила совершенно случайный характеръ. Если, поэтому, связь представленій должна служить отраженіемъ не случайной комбинаціи фактовъ, а болѣе или менѣе постоянной ихъ зависимости, то память должна изъ общей массы ассоціированныхъ представленій сохранять лишь тѣ связи представленій, которыя соотвѣтствуютъ наичаще повторяющимся ассоціаціямъ; въ этомъ именно направленіи и развивается дѣятельности ассоціативнаго механизма, но въ

виду сложности и разнообразія связей, которыя намъ даются на опытѣ, не всегда этотъ процессъ выдѣленія болѣе прочныхъ и отметаніе случайныхъ связей совершается одинаково успѣшно. При неблагопріятныхъ въ этомъ смыслѣ условіяхъ вниманіе индивида сосредоточивается часто на несущественномъ и въ результатѣ получаются такія соединенія представленій, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительному отношенію фактовъ; для пониманія этого явленія не слѣдуетъ забывать, что въ основѣ ассоціаціонной дѣятельности лежитъ предположеніе, что все, что связано въ представленіи, связано и въ дѣйствительности. Когда напр. дикарь, желая отомстить своему врагу, уничтожаетъ его изображеніе и потомъ врагъ этотъ случайно заболѣваетъ или умираетъ, то у дикаря складывается убѣжденіе, что причиной смерти врага служило уничтоженіе его изображенія. Отсюда возникновеніе тѣхъ очень распространенныхъ пріемовъ колдовства, которые заключаются въ уничтоженіи изображенія врага, его волосъ, ногтей, слѣдовъ и т. д., какъ средства погубить его.

Изъ того же источника проистекаетъ вѣра въ реальность сновидѣній; дикарь, перенесенный сновидѣніемъ въ какую нибудь совершенно ему незнакомую мѣстность, или бесѣдовавшій во снѣ съ умершимъ родственникомъ, вполнѣ увѣренъ, что все это случилось съ нимъ въ дѣйствительности. Еще не умѣя различать представленій, являющихся въ результатѣ чувственныхъ раздраженій отъ образовъ, являемыхъ ему сновидѣніемъ, онъ, при повтореніи такихъ сновъ, вынужденъ заключить, что въ человѣкѣ живетъ другое существо, другое „я“, которое можетъ отдѣляться отъ тѣла и вновь въ него возвращаться. Отсюда

ученіе о душѣ, ведущей самостоятельное отъ тѣла существованіе. Отсюда также всѣ безчисленныя формы и продукты анимизма и антропоморфизма.

Если бы внѣшнія чувственныя раздраженія слѣдовали другъ за другомъ безъ всякаго порядка, внѣ всякаго постоянства, то мы никогда не могли бы выйти за предѣлы самыхъ элементарныхъ формъ душевной жизни; къ счастью, физическія явленія повторяются въ извѣстной правильной послѣдовательности; благодаря этому, нѣкоторыя изъ случайныхъ ассоціативныхъ связей въ области представленій также повторяются, вслѣдствіе чего и сама ихъ связь дѣлается болѣе прочной и устойчивой. Съ другой стороны, чѣмъ постояннѣе извѣстная связь явленій въ пространствѣ и во времени, чѣмъ быстрѣе и энергичнѣе функціонируетъ аппаратъ ассоціаціи, тѣмъ все болѣе совершенствуется процессъ пополненія данныхъ на опытѣ частей отдѣльныхъ фактовъ. Такимъ образомъ къ прежнимъ уже знакомымъ намъ факторамъ психическаго развитія — способности запоминанія и припоминанія, способности пополненія фактовъ присоединяется еще и вліяніе упражненія, которое въ дальнѣйшемъ развитіи играетъ громадную роль. На почвѣ соединеннаго дѣйствія всѣхъ этихъ факторовъ и возникаютъ всѣ высшія формы теоретической дѣятельности. Произвольное связываніе представленій уступаетъ мѣсто сознательному, намѣренному подмѣчанію наиболѣе важныхъ постоянствъ, отдѣленію случайныхъ признаковъ или свойствъ явленій отъ постоянныхъ. Параллельно усовершенствованію ассоціативнаго механизма идетъ усовершенствованіе органовъ чувствъ, благодаря которому инвидидъ научается подмѣчать такія детали фактовъ и процессовъ, которыя раньше ускользали отъ его на-

блюденій. Въ результатѣ большая дробность и расчлененность чувственныхъ переживаній. Этимъ опредѣляются два главныхъ направленія въ развитіи человѣческой психики: одно ведетъ къ синтезу, т.-е. соединенію представленій, а другое къ анализу ихъ, т.-е. расчлененію. Но никогда бы единичныя усилія отдѣльныхъ индивидумовъ въ этомъ направленіи не привели ихъ къ тѣмъ удивительнымъ результатамъ, которые достигнуты человѣческой мыслью, если бы на помощь имъ не пришла соціальная среда, возможность дополненія личнаго опыта чужимъ опытомъ при посредствѣ языка и письменности. Душевныя движенія у животныхъ и человѣка часто сопровождаются чисто рефлекторными движеніями частей тѣла, въ томъ числѣ органа рѣчи, т.-е. звуковыми реакціями. Если предположить, что извѣстныя душевныя движенія сопровождаются извѣстными же внѣшними проявленіями, то эти послѣднія становятся знаками этихъ движеній, ихъ внѣшнимъ выраженіемъ. На этой почвѣ создается возможность взаимнаго общенія между индивидуумами одного и того же вида. Среди этихъ внѣшнихъ выраженій душевной жизни наиболѣе важными являются, разумѣется, звуковые символы ощущеній. Какъ ни мало спеціализированными представляются звуковыя выраженія ощущеній у животныхъ, несомнѣнно, что человѣческая рѣчь есть только дальнѣйшее развитіе т. н. языка животныхъ. Человѣческая рѣчь создается такъ же, какъ и послѣдній, путемъ модифицированія и спеціализированія звуковыхъ знаковъ ощущенія, распространяется путемъ подраженія и сохраняется благодаря традиціи, т.-е. передачи отъ поколѣнія къ поколѣнію. Другимъ орудіемъ общенія, еще болѣе могущественнымъ, является письменность, фиксирующая

продукты психической дѣятельности при помощи не звуковыхъ, а зрительныхъ знаковъ, которые имѣютъ то преимущество передъ слуховыми, что они сохраняются гораздо дольше. Первоначальныя формы письменности заключаются въ изображеніи дѣйствительныхъ предметовъ или событій; дальнѣйшее ихъ развитіе происходитъ также въ двухъ направленіяхъ: или эти первобытныя изображенія, превращенныя путемъ схематизаціи чертежа въ простые символы, служатъ для обозначенія отдѣльныхъ звуковъ, изъ которыхъ слагается человѣческая рѣчь — (письменность фонетическая, зародышемъ которой является іероглифы египтянъ), или для обозначенія извѣстныхъ отдѣльныхъ представленій и понятій, какъ въ китайской письменности. Существованіе человѣка мало чѣмъ бы отличалось отъ существованія животныхъ, если бы отдѣльный индивидуумъ не имѣлъ возможности при помощи членораздѣльной рѣчи передавать другому индивидууму продукты своего опыта, такъ какъ тогда каждый индивидуумъ долженъ былъ бы начинать всю работу сначала. Точно также человѣкъ никогда бы не вышелъ изъ состоянія варварства, если бы возможность обмѣниваться опытомъ была ограничена предѣлами одного поколѣнія. Въ какія же формы отливается это общеніе людей при помощи языка и письменности и каково вліяніе этихъ формъ на ходъ умственнаго развитія? Несомнѣнно, что если бы не было языка, какъ орудія соціальнаго общенія людей, человѣкъ могъ бы все таки усвоить себѣ простѣйшія умственныя операціи, т. е. могъ бы въ данныхъ, доставляемыхъ ему опытомъ, отличать болѣе важныя отъ менѣе существенныхъ, могъ бы разлагать сложныя впечатлѣнія и представленія на составные элементы, могъ бы слагать отдѣль-

ные признаки ощущеній и представленій въ извѣстныя соединенія, могъ бы, наконецъ, дѣлать нѣкоторыя открытія. Такъ, напр., отдѣльный индивидуумъ, и не пользуясь услугами языка, могъ бы дойти до изобрѣтенія глиняныхъ сосудовъ при помощи, напр., (примѣръ заимствованъ у Маха) такой цѣпи наблюденій: „чаша, сдѣланная изъ пустой тыквы, горитъ въ огнѣ“, „глина не горитъ“, „тыква, покрытая глиной, не горитъ въ огнѣ“. Но всѣ эти процессы совершаются гораздо быстрѣе и точнѣе при помощи языка, рѣчи. Въ особенности велико значеніе языка при образованіи понятій и сужденій. Заставляя насъ разлагать каждое ощущеніе на такія составныя части, которыя могли бы считаться общими для всѣхъ индивидовъ и называть ихъ отдѣльными именами, рѣчь сильно способствуетъ все большей ясности и точности представленій и продуктовъ ихъ обработки, т.-е. понятій. Но если рѣчь оказываетъ большія услуги на первыхъ стадіяхъ развитія мышленія, которое совершается въ болѣе конкретной, болѣе чувственной формѣ, то она становится необходимостью, когда мысль человѣка переходитъ изъ чувственной области въ отвлеченную. На характеристикѣ отвлеченнаго мышленія мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе въ виду непосредственной связи этой темы съ вопросомъ о гегелевской діалектикѣ.

Уже въ самомъ элементарномъ изъ простѣйшихъ актовъ мышленія, а именно въ процессѣ пополненія фактовъ или т. н. узнаванія предметовъ, мы находимъ всѣ существенные элементы мышленія, оперирующаго посредствомъ отвлеченій. Процессъ узнаванія, какъ мы видѣли, заключается въ сочетаніи новаго переживанія съ воспроизведенными слѣдами испытанныхъ ранѣе и сходныхъ въ ка-

комъ-либо отношеніи съ новыми впечатлѣніями. Дальнѣйшимъ шагомъ въ эволюціи сознанія является выработка способности разчлененія въ отдѣльныхъ предметахъ ихъ частей, свойствъ, признаковъ и состояній. На первомъ планѣ въ ряду относящихся сюда психическихъ актовъ стоитъ разчлененіе процессовъ в и д ѣ н і я предметовъ. Этотъ процессъ распадается по Сѣченову, на слѣдующія отдѣльныя звенья: зрительнаго дробленія предмета на части, опредѣленія топографическихъ отношеній между этими частями, воспріятія контуровъ предмета, цвѣта его, положенія относительно наблюдателя, величины, тѣлесности и движенія. Само собой разумѣется, что всѣ эти отдѣльныя операціи разчлененія возможны только благодаря тому, что самое воспріятіе отдѣльныхъ предметовъ есть, въ сущности, не одно впечатлѣніе, а цѣлый рядъ отдѣльныхъ физіологическихъ реакцій органовъ зрѣнія, осязанія и мышечнаго чувства. Впослѣдствіи съ этими реакціями ассоціируются реакціи слухового, обонятельнаго и вкусового аппаратовъ въ одну чувственную группу, составляющую то, что называютъ чувственнымъ образомъ предмета. Всѣхъ отдѣльныхъ основныхъ реакцій такого рода насчитывается, по Сѣченову, 21 и потому наибольшее число отдѣльныхъ признаковъ, какъ продуктовъ этихъ реакцій, не можетъ превышать этой цифры, если не считать оттѣнковъ въ рамкахъ одной и той же реакціи.

Первоначально слово служитъ для обозначенія цѣлыхъ г р у п п ъ или р я д о в ъ чувственныхъ знаковъ, соотвѣтствующихъ прохожденію нервныхъ процессовъ по опредѣленнымъ путямъ, т.-е. для обозначенія предметовъ. По мѣрѣ прогрессирующей способности интеллекта въ дѣлѣ различенія отдѣльныхъ частей или признаковъ въ предметахъ

является потребность обозначеній посредствомъ особыхъ терминовъ вновь открытыхъ элементовъ; когда же главнымъ объектомъ мысли служатъ не предметы и не отдѣльные элементы, а отношенія элементовъ, то являются особые термины для обозначенія и этихъ отношеній.

Такимъ образомъ умственная дѣятельность всегда сводится къ одному изъ двухъ типовъ: диссоціированія, т.-е. отвлеченія, разчлененія цѣлыхъ представленій и ассоціированія, т.-е. соединенія полученныхъ путемъ диссоціаціи элементовъ представленій (термины Т. Рибо [1]). Этимъ путемъ создается для нашего сознанія возможность сопоставленія представленій цѣлыхъ вещей съ отдѣльными признаками или цѣлой ихъ группой. Такое сопоставленіе называется процессомъ сужденія (Urtheil, jugement). Поводомъ къ расширенію нашего опыта путемъ процесса сужденія служитъ обыкновенно появленіе въ полѣ нашего сознанія какой-нибудь новой, неизвѣстной намъ до сихъ поръ вещи или группы вещей. Яснѣе всего это видно будетъ на примѣрѣ (который Махъ наблюдалъ у своего трехлѣтняго сына). Ребенокъ, никогда не выѣзжавшій изъ города, попалъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ впервые въ деревню, на большой лугъ; осмотрѣвшись съ удивленіемъ, ребенокъ выразилъ свои ощущенія въ такой формѣ: „Значитъ мы находимся внутри шара. Свѣтъ (Die Welt)—это голубой шаръ“. Здѣсь мы имѣемъ два сужденія, которыя получились у ребенка такимъ образомъ: готовое чувственное представленіе „мы“

[1]) Первое направленіе умственной дѣйствительности Махъ характеризуетъ какъ „принципъ возможнаго обобщенія или непрерывности“ (Princip der möglichsten Verallgemeinerung oder Continuität,“ а второе—„принципомъ достаточнаго дифференцированія“—Princip der zureichenden Differenzirung.

(т.-е. ребенокъ и его спутники) соединяется съ другимъ такимъ же готовымъ представленіемъ шара въ одинъ новый образъ. Совершенно такимъ же образомъ во второмъ сужденіи образъ „свѣтъ“ (совокупность всѣхъ окружающихъ ребенка вещей) комбинируется съ другимъ образомъ—„голубой шаръ“. Процессъ сужденія съ этой точки зрѣнія является обогащеніемъ, расширеніемъ, пополненіемъ данныхъ чувственныхъ представленій посредствомъ *другихъ* чувственныхъ представленій. Разъ только процессъ этотъ доведенъ до конца и полученное въ результатѣ его новое представленіе сдѣлалось привычнымъ и усвоено нашимъ сознаніемъ, то мы уже имѣемъ дѣло не съ сужденіемъ, но съ простымъ воспоминаніемъ. Далѣе, такъ какъ нѣкоторые изъ элементовъ представленій повторяются чаще другихъ, они прочнѣе другихъ зарегистровываются въ нашей памяти, образуя болѣе сплошныя группы; выдѣляясь особенно ярко на общемъ фонѣ чувственнаго ряда, такія группы именно вслѣдствіе большей своей сплоченности часто замѣняютъ и представляютъ собой этотъ послѣдній. А такъ какъ процессъ воспріятія отдѣльныхъ предметовъ, въ концѣ концовъ, представляетъ собой цѣльный, единый актъ, то такой двоякій способъ зарегистровыванія ряда, т.-е. и цѣликомъ и въ раздробь, выражается въ томъ, что воспроизведеніе предметовъ въ воображеніи обыкновенно состоитъ въ одновременномъ появленіи двухъ моментовъ: цѣльнаго предмета и наиболѣе яркой, наиболѣе сплоченной группы отдѣльныхъ его признаковъ.

Когда въ воспріятіи дается не одинъ предметъ или его признакъ, а два или болѣе отдѣльныхъ предмета, то процессъ связыванія двухъ соотвѣтствующихъ этимъ предметамъ чувственныхъ ря-

довъ протекаетъ совершенно такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда мы сопоставляемъ отдѣльный предметъ съ его признакомъ, съ той лишь разницей, что процессъ сопоставленія здѣсь происходитъ въ болѣе разнообразныхъ и многочисленныхъ направленіяхъ. Продуктъ такого сопоставленія зарегистровывается въ памяти, какъ извѣстная послѣдовательность рядовъ въ пространствѣ или во времени, и можетъ воспроизводиться въ сознаніи, какъ извѣстное цѣлое, состоящее изъ двухъ или болѣе группъ, связанныхъ между собою пространственными или преемственными отношеніями.

Если бы наше сознаніе остановилось на этой фазѣ развитія, то знакомство наше съ постоянными связями между предметами и ихъ признаками или элементами и элементовъ другъ съ другомъ было бы весьма ограничено, ибо количество индивидуальныхъ вещей такъ же громадно, какъ громадно число комбинацій изъ индивидуальныхъ особенностей отдѣльной вещи, какъ громадно множество отношеній, въ которыхъ находится каждая индивидуальная вещь къ другимъ вещамъ. Нѣтъ, очевидно, для возможно точнаго оріентированія среди фактовъ внѣшняго міра, человѣческой мысли необходимо какое-нибудь другое, болѣе совершенное орудіе регистраціи явленій и отношеній окружающей насъ дѣйствительности. Такимъ могучимъ орудіемъ наша психика располагаетъ въ формѣ т. н. отвлеченнаго мышленія или мышленія посредствомъ о т в л е ч е н і й или символовъ (Begriff, concept). До сихъ поръ мышленіе оперировало только представленіями, какъ воспроизведеніями испытанныхъ ощущеній, какъ копіями индивидуальныхъ (конкретныхъ) вещей и индивидуальныхъ отношеній. Переходъ отъ мышленія конкретнаго (т.-е. при помощи представленій) къ мышленію посредствомъ

символовъ совершается не сразу, не въ формѣ какого-то перелома, а постепенно и незамѣтно; между конкретными объектами мысли и объектами развитаго отвлеченнаго мышленія существуетъ масса переходныхъ формъ, различающихся по степенямъ отвлеченія, т.-е. по степени близости къ своему чувственному корню; различаютъ, такимъ образомъ, отвлеченія 1-го, 2-го и т. д. порядка. Первой ступенью въ этой работѣ превращенія чувственныхъ продуктовъ въ менѣе и менѣе чувственные символы являются такъ называемыя общія представленія (Allgemeine Vorstellungen), „генерическіе образы“ (Тэнъ), „recept“—(Романесъ). Эти символы 1-й степени суть не что иное, какъ средніе итоги сходныхъ конкретныхъ впечатлѣній. Такой символъ можетъ образоваться, конечно, благодаря тому, что, (какъ это выше было описано) 1) всякій чувственный рядъ есть совокупность одновременныхъ или послѣдовательныхъ физіологическихъ реакцій, и 2) одинъ и тотъ же признакъ, одно и то же качество входитъ въ составъ различныхъ группъ и рядовъ. Цѣльное впечатлѣніе, элементы котораго никогда бы не встрѣчались намъ на опытѣ отдѣльно другъ отъ друга, не поддавалось бы никакому анализу. Если бы всѣ холодные предметы были сырыми, а сырые холодными, если бы всѣ жидкости были прозрачными и ни одинъ нежидкій предметъ не былъ прозрачнымъ, то намъ было бы очень трудно отличить и отдѣлить посредствомъ различныхъ обозначеній холодное отъ сырого, жидкое состояніе отъ прозрачнаго.

Но качество, которое ассоціируется то съ однимъ, то съ другимъ предметомъ, стремится отдѣлиться отъ обоихъ и сдѣлаться для ума предметомъ отвлеченнаго познаванія. Это—законъ, который мо-

жно было бы назвать закономъ диссоціаціи путемъ комбинированія измѣненій (Т. Рибо. „Эволюція общихъ идей“). Наиболѣе часто повторявшіяся части этихъ процессовъ сливаются въ одну группу. Сначала такая группа въ сознаніи появляется всегда вмѣстѣ со своимъ чувственнымъ рядомъ. Эта группа состоитъ, такимъ образомъ, изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, что и представленіе конкретное, съ той разницей, что одни изъ нихъ усилены, т.-е. обладаютъ болѣе яркимъ характеромъ, а другіе ослаблены, т.-е. болѣе блѣднымъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи между „общимъ представленіемъ“ и конкретнымъ воспріятіемъ и представленіемъ принципіальнаго различія не существуетъ, ибо и въ конкретномъ не всѣ признаки обладаютъ одинаковой степенью яркости и всегда нѣкоторыя качества предмета выступаютъ, такъ сказать, на первый планъ, тогда какъ остальные остаются въ тѣни. Это различіе въ степени яркости будетъ, кромѣ того, различно для различныхъ индивидовъ. Воспріятіе, напримѣръ, одного и того же сапога будетъ различно для сапожника, который шилъ его, и для человѣка, который носитъ этотъ сапогъ. Въ „общихъ представленіяхъ“ этотъ процессъ только выраженъ болѣе рѣзко въ томъ смыслѣ, что различіе въ яркости, напряженности между общимъ фономъ и отдѣльной группой признаковъ несравненно болѣе значительно, чѣмъ въ конкретныхъ воспріятіяхъ. Процессъ постепенной символизаціи и заключается, съ одной стороны, въ томъ, что этотъ общій фонъ, образуемый чувственнымъ рядомъ, все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ, а, съ другой, въ томъ, что выдѣлившаяся изъ чувственнаго ряда группа отдѣльныхъ признаковъ, подвергается процессу извѣстной переработки. Поэтому, общія пред-

ставленія высшихъ степеней отличаются отъ чувственнаго образа предмета въ *нѣсколькихъ* отношеніяхъ. Прежде всего, онѣ не могутъ считаться такими психическими образованіями, которыя возникаютъ въ теченіе сравнительно короткаго времени, подобно простымъ, конкретно-чувственнымъ представленіямъ. Каждый символъ продѣлываетъ свой весьма длинный и сложный процессъ образованія, почему и содержаніе его не можетъ быть выражено въ одномъ моментальномъ актѣ воспріятія. Далѣе, къ типической группѣ признаковъ, составляющей первоначальное ядро общаго представленія, постепенно присоединяются также образные слѣды тѣхъ многочисленныхъ реакцій и отношеній, въ которыхъ находятся соотвѣтствующіе этимъ представленіямъ объекты къ объектамъ другого рода.

Поэтому, каждое такое представленіе является центромъ, какъ бы клубкомъ отдѣльныхъ признаковъ и процессовъ, которые развертываются въ сознаніи не сразу, а постепенно, по мѣрѣ углубленія въ содержаніе представленія. Отсюда ясна ошибочность обычной точки зрѣнія на сущность символа или отвлеченнаго понятія. Вопреки укоренившемуся представленію отвлеченное понятіе не есть тоже конкретное представленіе, только весьма блѣдное и смутное. Такъ, напр., нельзя себѣ представить человѣка вообще, какъ нельзя вызвать въ своемъ воображеніи треугольника вообще, который, слѣдовательно, одновременно былъ бы прямоугольнымъ и равностороннимъ. Правда, обыкновенно, вмѣстѣ съ именемъ понятія всплываетъ въ нашемъ воображеніи и сопровождаетъ всѣ операціи надъ этимъ понятіемъ извѣстный туманный образъ. Но этотъ образъ не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ, появленіе же его объ-

ясняется тѣмъ, что вначалѣ та группа признаковъ, которая впослѣдствіе составляетъ содержаніе понятія, носитъ крайне неопредѣленный, неясно очерченный характеръ. Ребенокъ, знакомый съ животнымъ, которое окружающіе его называли черной собакой, называетъ этимъ же именемъ и большого чернаго жука и черную овцу. Очевидно, что основаніемъ для обозначенія одинаковымъ именемъ различныхъ вещей служитъ ихъ сходство въ какомъ-либо отношеніи, но для примѣненія одного и того же названія къ различнымъ вещамъ вовсе нѣтъ надобности, чтобы сходство относилось къ одному и тому же признаку: въ одномъ случаѣ сходнымъ признакомъ можетъ быть окраска, въ другомъ—форма, въ третьемъ—движенія предмета и т. д. Совершенно иначе дѣло происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мышленіе переходитъ къ болѣе сложнымъ формамъ. Тутъ уже слово служитъ не для обозначенія самыхъ различныхъ предметовъ, сходныхъ между собой въ какомъ-либо отношеніи (даже не общимъ для всѣхъ), а для обозначенія извѣстной схемы, извѣстнаго эскиза, блѣдной копіи конкретныхъ воспріятій, а, на самыхъ высшихъ стадіяхъ умственной дѣятельности, на высотахъ отвлеченія, оно, хотя и сопровождается извѣстнымъ, крайне смутнымъ образомъ, играетъ совершенно иную роль. Оно являестя лишь простымъ толчкомъ, импульсомъ къ совершенію цѣлаго ряда операцій.

Спрашивается, какіе же изъ признаковъ, общихъ извѣстному классу объектовъ, избираются сознаніемъ для соединенія въ формѣ общихъ представленій, ибо, конечно, не всѣ общіе признаки входятъ въ координацію. Выборъ признаковъ обусловливается тремя факторами: 1) біологической важностью даннаго признака или данной реакціи, т.-е.

значеніемъ ихъ съ точки зрѣнія сохраненія индивида, а, затѣмъ, 2) относительной частотой повторенія общихъ признаковъ, способствующихъ укрѣпленію прочности связей внутри группы, и 3) въ позднѣйшей стадіи, при значительности подвинувшагося впередъ общественнаго раздѣленія труда, также значеніемъ признаковъ и реакцій для интересовъ данной профессіи. Ремесленникъ, врачъ, юристъ, техникъ, естествоиспытатель вырабатываютъ свои собственные символы, которые отличаются отъ терминовъ обыденной рѣчи гораздо большей сложностью и, главное, точностью. Послѣдняя достигается болѣе тщательнымъ ограниченіемъ содержанія этихъ символовъ, т.-е. указаніемъ тѣхъ главнѣйшихъ признаковъ или реакцій, которые входятъ въ его составъ. Это описаніе совершается посредствомъ т. наз. опредѣленій. Само собой разумѣется, что признаки или процессы, указываемые въ опредѣленіяхъ, могутъ также представлять собой общія представленія, эти послѣднія, въ свою очередь, могутъ слагаться не изъ конкретныхъ чувственныхъ элементовъ, а также изъ общихъ представленій и т д. но, конечно, низшіе, т. е. ближайшіе къ чувственнымъ первообразамъ, состоятъ только изъ конкретныхъ элементовъ. Послѣдній терминъ (конкретные элементы) нужно понимать весьма условно и относительно, ибо въ настоящее время доказано, что даже самое простое воспроизведеніе въ воображеніи испытаннаго ощущенія есть, уже, въ сущности, нѣкоторая абстракція, ибо т. наз. воспроизведенныя ощущенія, какъ бы непосредственно ни слѣдовали онѣ за испытанными, содержатъ, во-первыхъ, не всѣ признаки, бывшіе на лицо въ ощущеніи. и, во-вторыхъ, самые элементы—признаки, изъ которыхъ состоитъ воспроизведенное ощущеніе, не тождественны съ

признаками испытаннаго ощущенія и не только въ смыслѣ интенсивности, а въ смыслѣ отвлеченія отъ нѣкоторыхъ индивидуальныхъ особенностей элементовъ ощущенія. Какъ бы ни были сходны условія, при которыхъ намъ даны въ разное время два ощущенія одного и того же рода, напр., два различныхъ ощущенія красного цвѣта, никогда эти два ощущенія не будутъ вполнѣ тождественны; всегда между этими двумя ощущеніями будутъ нѣкоторыя индивидуальныя отличія; поэтому, когда мы говоримъ о чувственномъ *представленіи* краснаго цвѣта, то мы имѣемъ въ виду лишь то общее, что свойственно всѣмъ полученнымъ нами ощущеніямъ краснаго цвѣта, независимо отъ ихъ индивидуальной окраски.

Если имѣть въ виду, что символы создавались трудомъ многихъ и многихъ поколѣній, то станетъ яснымъ, что процессъ разложенія символа на составляющіе его элементы можетъ представлять значительныя трудности; для того, чтобы развернуть полностью содержаніе такого символа, нужно извѣстное время. Въ такомъ исчерпывающемъ опредѣленіи содержанія символа, обыкновенно, и не представляется надобности; для обихода совершенно достаточнымъ является описаніе содержанія символа путемъ указанія д в у х ъ или нѣсколькихъ другихъ символовъ, изъ коихъ одинъ устанавливаетъ отношеніе между даннымъ символомъ и символами той же группы чувственныхъ объектовъ, но большей степени отвлеченія, а другой указываетъ одинъ или нѣсколько признаковъ или реакцій, которые отличаютъ данный символъ отъ другихъ, соподчиненныхъ вмѣстѣ съ первымъ высшему символу. Само собой разумѣется, что каждый символъ можетъ быть описанъ при помощи р а з л и ч н ы х ъ символовъ, такъ какъ каждый

символъ можетъ входить въ видѣ члена въ различные, перекрещивающіеся между собой ряды отвлеченій, въ зависимости отъ цѣлей, которыя преслѣдуемъ мы, давая описаніе символа, обыкновенно называемое опредѣленіемъ (definitio).

Такъ, понятіе „окружность“ опредѣляется обыкновенно какъ „кривая на плоскости, всѣ точки которой находятся на равномъ разстояніи отъ одной точки, называемой ея центромъ“; при этомъ мы не перечисляемъ составныхъ признаковъ понятія „окружность“, такъ какъ предполагается, что они тѣсно связаны съ тѣми, при помощи которыхъ мы опредѣляемъ окружность. Но каждый изъ остальныхъ признаковъ также можетъ быть положенъ въ основаніе опредѣленія; мы можемъ, напримѣръ, опредѣлить окружность, какъ такую кривую, каждая точка которой находится отъ двухъ другихъ опредѣленныхъ точекъ, лежащихъ на той же плоскости въ разстояніяхъ, отношеніе которыхъ есть величина постоянная.

Если, такимъ образомъ, каждое понятіе есть не что иное, какъ центръ, въ которомъ сходится цѣлый рядъ нитей, ведущихъ къ фактамъ, то понятно, что содержаніе его нельзя считать величиной разъ навсегда данной, неизмѣнной. Каждый разъ, когда мы открываемъ въ конкретныхъ фактахъ какія-нибудь новыя свойства или констатируемъ новыя, неизвѣстныя дотолѣ намъ отношенія между объектами извѣстнаго класса, мы должны подвергать и символы, служащіе для обозначенія данной группы явленій, соотвѣтствующей переработкѣ и поправкѣ, обогащая или, наоборотъ, съуживая ихъ содержаніе. Положимъ, напр., что намъ данъ извѣстный классъ объектовъ—A, въ которомъ мы констатировали существованіе извѣстныхъ постоянныхъ отношеній или реакцій a,

b, c; если мы открываемъ, что кромѣ этихъ отношеній существуютъ въ этой же области фактовъ еще и отношенія d, e, f, то понятіе A будетъ обнимать уже не только a, b, c, но и d, e, f, при чемъ эти послѣднія становятся въ извѣстную зависимость отъ a, b, c.

Такая сравнительная неустойчивость символовъ, конечно, еще не тождественна съ полной расплывчатостью и неопредѣленностью; пока мы не подвергли данное понятіе переработѣ, до тѣхъ поръ для насъ обязательны всѣ тѣ выводы, которыя вытекаютъ изъ него при развертываніи его содержанія. Въ переводѣ на біологическій языкъ это значитъ, что символы имѣютъ лишь условное значеніе: они служатъ лишь извѣстнымъ орудіемъ, которымъ вооруженъ нашъ организмъ противъ опасности запутаться среди необозримаго разнообразія внѣшнихъ фактовъ; понятія, съ этой точки зрѣнія, служатъ лишь доказательствомъ того, что нашъ организмъ въ интересахъ своего сохраненія реагируетъ одинаково на различныя, но сходныя въ извѣстныхъ отношеніяхъ раздраженія, что организмъ, такъ сказать, абстрагируетъ въ этихъ случаяхъ отъ индивидуальныхъ различій сходныхъ между собой фактовъ, выдѣляя въ этихъ послѣднихъ лишь нѣкоторыя, наиболѣе важныя, въ смыслѣ біологическомъ, стороны и оставляя неотмѣченными другія, не представляющія въ данный моментъ интереса. Отсюда слѣдуетъ, что каждой степени психическаго развитія соотвѣтствуетъ извѣстное содержаніе понятій; чѣмъ дальше подвигается это развитіе, тѣмъ большее количество отдѣльныхъ признаковъ и отношеній между признаками входитъ въ составъ понятій, тѣмъ богаче самый запасъ понятій и символовъ.

Идеальнымъ состояніемъ нашихъ знаній о фактахъ, значитъ, будетъ такое, когда мы, „съ одной стороны, будемъ знать всѣ элементы, изъ которыхъ слагаются отдѣльные факты, а, съ другой, когда мы будемъ знать, какова *взаимная связь* и *зависимость* этихъ элементовъ въ пространствѣ и времени. Только тогда мы можемъ сказать, что организмъ нашъ совершенно приспособился къ окружающей средѣ, такъ какъ только тогда организмъ будетъ вооруженъ способностью реагировать на *каждое* угрожающее его цѣлости раздраженіе. Значитъ, мы тѣмъ болѣе приближаемся къ этому состоянію, чѣмъ 1) большее количество элементовъ окружающей насъ среды охватывается совокупностью нашихъ знаній, 2) чѣмъ точнѣе наше знакомство съ взаимными связями этихъ элементовъ, 3) чѣмъ быстрѣе наша психофизическая органинизація можетъ опредѣлить мѣсто каждаго новаго ощущенія въ общей системѣ этихъ связей.

Послѣднее условіе, очевидно, будетъ выполнено только въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть возможность расположить всѣ наши знанія относительно элементовъ и ихъ связей въ такую систему, которая позволяла бы намъ выполнить задачу оріентированія среди потока фактовъ съ наименьшей затратой силъ и въ возможно короткій срокъ. Эта цѣль достигается путемъ приспособленія нашихъ мыслей уже не къ фактамъ, а другъ къ другу.

Дѣло въ томъ, что приспособленіе нашихъ представленій къ фактамъ совершается, главнымъ образомъ, подъ давленіемъ потребностей и интересовъ минуты и, притомъ, въ различныхъ условіяхъ; поэтому, результаты такого приспособленія представляются очень часто несогласованными. Отсюда

получается нѣкотораго рода треніе между различными представленіями, переходящее часто въ конфликтъ. На первоначальныхъ ступеняхъ психическаго развитія несогласованность выражается въ томъ, что всякое новое ощущеніе вызываетъ не одно, а нѣсколько воспоминаній объ испытанныхъ раньше ощущеніяхъ, связанныхъ съ новымъ ощущеніемъ ассоціативной связью. При этомъ возможно, что всѣ такимъ образомъ выплывающія въ сознаніи представленія заставляютъ организмъ реагировать на раздраженіе въ одномъ направленіи, усиливая тѣмъ эффектъ раздраженія; но можетъ случиться, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ задерживающимъ образомъ на двигательную реакцію, а другія усиливающимъ. Получается конфликтъ между различными представленіями и связанное съ нимъ чувство мучительнаго колебанія. Конфликтъ этотъ разрѣшается тѣмъ, что одно представленіе, какъ болѣе интенсивное, одерживаетъ верхъ надъ противоположными и въ зависимости отъ того, было ли оно задерживающаго или усиливающаго двигательную реакцію характера, послѣдняя совершается или парализуется. Во всякомъ случаѣ, разрѣшеніе конфликта сопровождается чувствомъ освобожденія отъ давленія. Слѣдующая фаза въ развитіи мышленія, какъ мы видѣли, характеризуется тѣмъ, что связь между элементами теряетъ свой случайный характеръ и пріобрѣтаетъ форму расчлененныхъ чувственныхъ рядовъ, координированныхъ другъ съ другомъ и съ двигательными реакціями въ опредѣленныя группы.

Въ этомъ случаѣ конфликтъ между воспроизведенными чувственными рядами разрѣшается тѣмъ, что менѣе прочныя соединенія уступаютъ мѣсто болѣе прочнымъ координаціямъ; допустимъ,

напр., что ребенокъ, переживающій эту фазу развитія, опускаетъ палку, находящуюся у него въ рукахъ, въ воду и замѣчаетъ, что палка, пока она находится въ водѣ, кажется сломанной, но какъ толькоона вытаскивается имъ изъ воды. снова дѣлается цѣлой. Возникаетъ конфликтъ между представленіями такого рода: сломана ли палка въ дѣйствительности или нѣтъ. Вопросъ разрѣшается отрицательно, конечно, потому, что новое ощущеніе (палка, сломанная въ водѣ), вызываетъ нѣсколько рядовъ воспроизведенныхъ ощущеній, въ томъ числѣ два противорѣчащихъ ряда: (опуская подробности) „сломанная палка обыкновенно не выпрямляется сама собой „и“ сломанная палка выпрямилась сама отъ себя“; такъ какъ случай самостоятельнаго выпрямленія палки есть случай единичный, а невыпрямленія, напротивъ, обычиый, то предпочтеніе отдвется болѣе прочному соединенію, а единичный случай объявляется иллюзіей (кажимостью) въ томъ смыслѣ, что „на самомъ дѣлѣ палка не сломана, а только кажется сломанной“.

Конечно, этотъ послѣдній способъ разрѣшенія конфликтовъ между представленіями не есть единственный; мыслимы и другіе способы выхода изъ затрудненій, создаваемыхъ противорѣчіемъ между представленіями. Но каковы бы ни были эти способы, всѣ они отличаются одной общей чертой: то изъ двухъ представленій, которое оказывается менѣе прочно связаннымъ съ другимъ признается правильнымъ, а второе ошибочнымъ и подлежащимъ измѣненію и исправленію. Съ другой стороны, изъ приведеннаго примѣра видно, что самый конфликтъ между двумя представленіями возникаетъ, собственно, не между ними, какъ таковыми, а на почвѣ связи между антагонизирующими

представленіями и тѣми группами, членами которыхъ онѣ являются. Въ приведенномъ примѣрѣ источникомъ антагонизма является связь между представленіемъ „сломанная палка“ и „самостоятельное выпрямленіе“; въ обычныхъ представленіяхъ „сломанная палка не выпрямляется самостоятельно“, другими словами, для того, чтобы сломанная палка могла быть выпрямлена, нужно еще какое-нибудь посредствующее звено, напр. какое-нибудь дѣйствіе человѣка; въ единичномъ случаѣ—представленіе сломанной палки непосредственно сопровождается представленіемъ выпрямленной палки; противорѣчіе получается въ результатѣ отклоненія отъ обычной связи представленій; выходомъ можетъ быть только признаніе одного отношенія между представленіями ошибочнымъ, а другого правильнымъ и соотвѣтственно этому, исправленіе ошибочнаго представленія.

Это относится не только къ связи между послѣдовательными представленіями, но и между одновременными представленіями. И въ этомъ случаѣ возможно возникновеніе противорѣчія между двумя представленіями.

Въ этой послѣдней стадіи развитія продукты мышленія являются чрезвычайно сложными, взаимныя отношенія ихъ крайне запутанными. Поэтому потребность въ согласованіи другъ съ другомъ этихъ продуктовъ должна чувствоваться сильнѣе, и мы, дѣйствительно, видимъ цѣлую систему средствъ, имѣющихъ задачей предупредить возможность конфликта между отдѣльными объектами мышленія и способовъ разрѣшенія такихъ конфликтовъ.

Почва, на которой получается возможность столкновенія символовъ и сужденій, какъ соеди-

неній такихъ символовъ, остается та же, что и раньше, т.-е. отклоненіе отъ обычной связи признаковъ и группъ признаковъ. Это отклоненіе получается тогда, когда новое ощущеніе, какъ извѣстная группа или рядъ чувственныхъ знаковъ, содержитъ въ себѣ такія отношенія между элементами группы или ряда, которые либо никогда не были даны на опытѣ, либы отличны отъ хорошо намъ извѣстныхъ. Вся разница между конкретнымъ мышленіемъ и отвлеченнымъ въ данномъ случаѣ сводится къ тому, что такія отклоненія отъ привычныхъ нормъ гораздо труднѣе констатировать, когда мышленіе оперируетъ символами. На первый взглядъ между двумя сужденіями, въ которыхъ устанавливаются извѣстныя отношенія или внутри извѣстныхъ символовъ или между отдѣльными символами, можетъ и не быть никакого противорѣчія въ указанномъ смыслѣ.

Для того, чтобы обнаружить его, необходимъ цѣлый рядъ операцій, направленныхъ къ раскрытію содержанія символовъ, т.-е. къ перечисленію содержащихся въ немъ конкретныхъ признаковъ и реакцій, и только тогда мы можемъ констатировать наличность конфликта между чувственными первообразами этихъ символовъ; каковы формы такого конфликта, мы уже видѣли. Если мы, продѣлавъ всѣ эти операціи развертыванія содержанія понятія, получимъ представленіе, которое утверждаетъ наличность извѣстной такой связи между двумя признаками или реакціями, которая не наблюдалась въ прежнихъ нашихъ опытахъ, или, наоборотъ, отрицаетъ уже извѣстную намъ изъ прежняго связь, то получается то именно положеніе, которое называется противорѣчіемъ. Противорѣчіе ведетъ къ признанію одного изъ противорѣчащихъ другъ другу сужденій неправильнымъ

и къ исправленію лежащихъ въ основѣ его понятій и сужденій.

Какое изъ двухъ такихъ сужденій мы признаемъ правильнымъ, а какое ошибочнымъ, это зависитъ отъ большого или меньшого знакомства съ данной областью фактовъ, отъ степени развитія умственныхъ способностей, отъ опытности его въ оцѣнкѣ фактовъ и, наконецъ, отъ общаго состоянія знаній въ данную эпоху. Отсюда понятно почему въ различныя эпохи такъ различны представленія объ истинномъ или ошибочномъ; но, какъ разнообразны эти представленія, никогда не было такой эпохи, когда бы противорѣчіе считалось нормальнымъ явленіемъ, т.-е. явленіемъ, не требующимъ никакихъ исправленій въ нашихъ сужденіяхъ; и это относится не только къ житейскому обиходу, но и къ научной работѣ. Всегда и вездѣ въ области точныхъ знаній противорѣчіе между нашимъ знаніемъ считалось пробнымъ камнемъ правильности сужденій; идеаломъ всякой отрасли науки всегда служило такое состояніе знаній въ этой области, при которомъ ни одно положеніе не противорѣчило бы другъ другу; всегда лучшимъ способомъ опредѣленія правильности даннаго положенія служило его или выведеніе изъ другого общаго положенія, признаваемаго правильнымъ, или же т. н. reductio ad absurdum, какъ доказательство того, что предложеніе, обратное тому правильность котораго мы хотимъ доказать, ведетъ въ своихъ слѣдствіяхъ къ противорѣчію между этимъ слѣдствіемъ и положеніемъ, которое мы считаемъ очевиднымъ. Такимъ образомъ, приспособленіе продуктовъ мышленія другъ къ другу въ области отвлеченнаго мышленія выражается, съ одной стороны, въ томъ, что изъ совокупности понятій, устраняются всѣ противорѣчащія другъ

другу понятія, а, съ другой, въ такомъ расположеніи понятій, при которомъ каждое понятіе низшей ступени отвлеченія могло быть выведено изъ понятія высшей степени отвлеченія. Самый процессъ выведенія однихъ понятій изъ другихъ есть то, что въ логикѣ называется умозаключеніемъ. Умозаключенія, какъ учитъ формальная логика еще со времени Аристотеля, могутъ быть двоякаго рода: умозаключенія отъ болѣе общаго сужденія къ частному, совершающіяся въ формѣ силлогизма, и отъ частныхъ сужденій къ общему, извѣстныя подъ именемъ индукціи. Уже отсюда ясно, что умозаключеніе не имѣетъ задачей получить какія-либо новыя сужденія, открыть новые источники знанія, оно даетъ намъ въ руки лишь средство провѣрить *согласованность* между собой знаній, почерпнутыхъ нами изъ другихъ источниковъ и въ случаѣ несогласованности произвести необходимыя исправленія въ нашихъ суждееніяхъ. Дѣйствительно, какъ уже было показано Миллемъ, если мы попробуемъ проанализировать хотя бы одинъ случай силлогистическаго умозаключенія, мы увидимъ, что полученный при помощи его частный выводъ уже содержится implicite въ верхней посылкѣ, т.-е. въ общемъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое въ сущности силлогизмъ? Всякій процессъ силлогистическаго умозаключенія состоитъ въ томъ, что если въ содержаніе какого-нибудь символа (понимая подъ содержаніемъ совокупность признаковъ и реакцій) входитъ какой-нибудь другой символъ, то всякій признакъ или всякая реакція или всякая группа признаковъ или реакцій, входящая въ содержаніе второго символа, должна входить и въ содержаніе перваго символа. Очевидно, что такой процессъ ничего новаго, т.-е. того, что не было бы извѣст-

но раньше, въ общую сумму нашихъ знаній не вноситъ, такъ какъ содержаніе обоихъ символовъ при этомъ предполагается извѣстнымъ; значеніе же всей операціи заключаются въ томъ, что она сокращаетъ лишь процессъ развертыванія содержанія символовъ.

Дѣйствительно, мы могли бы обнаружить въ содержаніе перваго символа присутствіе того или другого признака или группы ихъ простымъ перечисленіемъ всѣхъ признаковъ и реакцій, входящихъ въ его содержаніе. Точно таково же значеніе и индуктивнаго умозаключенія. Индукція есть процессъ, при помощи котораго мы путемъ сопоставленія содержанія символовъ одинаковой степени отвлеченія дѣлаемъ извѣстное заключеніе о содержаніи символовъ слѣдующей высшей степени отвлеченія, т.-е. символовъ, въ которые первые входятъ, какъ часть. Въ основѣ, слѣдовательно, и этой операціи лежатъ уже готовые символы, т.-е. такіе, содержаніе которыхъ намъ извѣстно.

Если въ данной области знаній содержаніе всѣхъ символовъ, которыми оперируетъ эта область знаній, точно установлено и отграничено, если, далѣе, всѣ эти символы мы можемъ расположить въ такомъ порядкѣ, что отъ любого изъ нихъ мы при помощи силлогистическаго или индуктивнаго умозаключенія можемъ перейти ко всѣмъ остальнымъ, то мы можемъ сказать, что достигли въ данной области идеальной степени приспособленія мыслей другъ къ другу. Говоря о взаимности приспособленій нашихъ представленій, мы все время исходили изъ предположенія, что такое приспособленіе уже въ извѣстной степени достигнуто, и слѣдовательно, вся задача сводится къ тому, чтобы опредѣлить тѣ условія, которыми должно отвѣчать приспособившіяся другъ

къ другу представленія. Но гораздо важнѣе вопросъ, какимъ путемъ мы достигаемъ этой цѣли т.-е. какъ образуются исторически новыя понятія и какъ они приспособляются къ старымъ.

Совершенно понятно, что мотивомъ къ образованію новыхъ символовъ можетъ служить только или открытіе въ извѣстныхъ же предметахъ новыхъ, незамѣченныхъ раньше сторонъ, т.-е. открытіе новыхъ признаковъ или отношеній, или открытіе новыхъ предметовъ; такое открытіе, конечно, вызываетъ потребность опредѣлить отношеніе новаго ощущенія къ старымъ представленіямъ и символамъ; въ этомъ, конечно, и заключается процессъ приспособленія новыхъ понятій. Это приспособленіе происходитъ въ нѣсколькихъ формахъ. Исходнымъ пунктомъ служитъ рядъ чувственныхъ знаковъ въ формѣ „общаго представленія“. Этотъ рядъ можетъ получить дальнѣйшее развитіе въ двухъ направленіяхъ. Если нашъ опытъ обогащается новыми ощущеніями, сходными въ какихъ-либо отношеніяхъ съ образованными уже общими представленіями, то тѣ новыя ощущенія, которыя совпадаютъ съ первоначальными въ меньшемъ количествѣ признаковъ, чѣмъ эти послѣднія между собой, образуютъ съ первоначальными новый рядъ, который по сравненію съ первоначальнымъ рядомъ является въ роли „родового понятія высшаго порядка“. Если новые члены ряда имѣютъ съ нѣкоторыми изъ чувственныхъ первообразовъ легшихъ въ основаніе первоначальнаго понятія болѣе общихъ признаковъ, чѣмъ эти послѣднія между собой, то изъ соединенія новыхъ членовъ съ нѣкоторыми изъ старыхъ образуется новое общее представленіе, получающее въ отношеніи исходнаго понятія значеніе „видового

понятія". Объемъ двухъ полученныхъ новыхъ понятій [1]) отличенъ отъ объема исходнаго понятія: въ первомъ случаѣ онъ расширяется, а во второмъ съуживается. Съ этой точки зрѣнія, всякое новое понятіе не есть нѣчто совершенно независимое и выступающее совершенно отдѣльно отъ старыхъ отвлеченій, а видоизмѣненіе стараго, которое при этомъ также претерпѣваетъ соотвѣтствующія измѣненія; на этомъ основывается постепенность и непрерывность развитія научнаго знанія.

Самый процессъ, благодаря которому мы изъ одного понятія получили три новыхъ, называется процессомъ дифференцированія понятія. Само собой разумѣется, что процессъ дифференцированія можетъ начаться только когда новыя ощущенія отличаются отъ старыхъ, послужившихъ матеріаломъ для образованія понятія, въ признакахъ, имѣющихъ значеніе для цѣлей индивида. Пока же новые признаки представляются безразличными съ точки зрѣнія интересовъ индивида, до тѣхъ поръ они не вызываютъ потребности въ измѣненіи старыхъ понятій, новые же признаки просто игнорируются, объявляются „случайными", „безразличными". Этимъ объясняется поразительная разница въ количествѣ понятій, которыми оперируетъ развитое мышленіе въ сравненіи съ неразвитымъ, даже въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ объ одной и той же области фактовъ.

По мѣрѣ прогресса знаній все меньше и меньше остается такихъ сторонъ, доступныхъ нашему чув-

[1]) Подъ объемомъ понятія разумѣется въ узкомъ смыслѣ совокупность входящихъ въ данное понятіе, разсматриваемое какъ родовое, видовыхъ понятій, и, въ широкомъ, совокупность всѣхъ отдѣльныхъ ощущеній, изъ которыхъ образовано понятіе.

ственному воспріятію, которыя бы могли считаться непредставляющими значенія для интересовъ человѣка, а потому, въ концѣ концовъ, наши знанія должны представлять систему символовъ, охватывающихъ весь извѣстный намъ міръ фактовъ и находящихся въ извѣстной взаимной зависимости и подчиненности.

При построеніи такой системы конечной инстанціей является, такимъ образомъ, опытъ, дѣйствительность, факты. Совокупность пріемовъ, при помощи которыхъ мы провѣряемъ согласіе нашихъ представленій, во-первыхъ, съ фактами, и, во-вторыхъ, другъ съ другомъ, называется научной методологіей. Въ согласіи съ указаннымъ различіемъ научная методологія распадается на двѣ части: 1) теорію познанія, которая изслѣдуетъ принципы согласованія представленій съ фактами; 2) логику, изучающую формы соотвѣтствія представленій другъ другу. Обѣ эти науки, такимъ образомъ, носятъ нормативный характеръ, т.-е. изслѣдуютъ, *какъ* мы должны дѣйствовать, чтобы достичь извѣстныхъ, заранѣе намѣченныхъ цѣлей, или, иначе, онѣ указываютъ пути и средства, ведущія къ этимъ цѣлямъ. Обѣ онѣ, какъ и всѣ научныя дисциплины нормативнаго типа, должны опираться на другія, которыя изучаютъ существующія въ дѣйствительности отношенія, т.-е. то, что есть, а не то, что должно быть съ точки зрѣнія извѣстной цѣли. Такой наукой въ отношеніи къ теоріи познанія и логикѣ, очевидно, можетъ быть только наука о томъ, въ какихъ формахъ *обыкновенно* совершается мышленіе, все равно—правильное и ошибочное, т.-е. психологія, или, точнѣе, извѣстный отдѣлъ ея, психологія познаванія, мышленія. Въ основѣ всякой психологіи мышленія лежитъ предположеніе, что, какъ ни разнообразны

объекты и формы мышленія, существуютъ, тѣмъ не менѣе, извѣстные общіе законы и понятія, относящіяся ко всѣмъ формамъ мышленія. Поскольку психологія мышленія желаетъ оставаться наукой опытной, постольку она въ своихъ выводахъ должна исходить изъ изученія всѣхъ конкретныхъ формъ мышленія и знанія, т.-е. должна подвергнуть изученію формы мышленія въ области всѣхъ отдѣльныхъ наукъ и, при томъ, не только господствующія въ данное время формы, но и всѣ предшествовавшія имъ исторически, въ ихъ взаимной связи и послѣдовательности, т.-е. въ ихъ историческомъ происхожденіи. Этими путями и идутъ въ дѣйствительноси всѣ мыслители, задавшіеся цѣлью построить заново теорію познанія и логику, приведя въ согласіе эти дисциплины съ успѣхами спеціальнаго, точнаго знанія.

Развитыя нами выше положенія и представляютъ въ *общихъ* чертахъ результаты предпринятой ими работы, при чемъ мы старались, по возможности, обходить всѣ спорные вопросы.

Но для рѣшенія поставленнаго нами вопроса о значеніи діалектическаго метода вообще и діалектическихъ схемъ въ частности съ точки зрѣнія современной научной методологіи такого общаго очерка, разумѣется, недостаточно. Такъ какъ понятія, которыми оперируетъ въ своей діалектикѣ Гегель, а по его стопамъ и другіе сторонники діалектическаго метода, вродѣ противоположности, отрицанія и т. д., чрезвычайно сложны и отвлеченны, мы должны отъ намѣченныхъ нами общихъ принциповъ теоріи познанія и логики перейти теперь къ анализу нѣкоторыхъ высшихъ формъ мышленія, чтобы на основаніи этого анализа дать оцѣнку гегелевской діалектики въ ея наиболѣе важныхъ формахъ.

Но, прежде чѣмъ перейти къ этому анализу, мы считаемъ нелишнимъ указать сначала нѣкоторыя особенности гегелевской методологіи, сильно затрудняющія вообще правильное пониманіе его идей и ихъ оцѣнку.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ приходиться къ сказанному выше прибавить, въ сущности, очень немногое. Въ самомъ дѣлѣ, судьба гегелевскихъ схемъ всецѣло зависитъ отъ того, насколько содержаніе общихъ терминовъ, которыми оперируетъ Гегель въ построеніи схемъ, именно понятія тождества, противоположности, отрицанія и противорѣчія можетъ быть согласовано съ данными современной эмпиріо-эволюціонистской психологіи, теоріи познанія и логики. Если же мы попробуемъ ближе присмотрѣться къ терминологіи Гегеля, то увидимъ, что нѣтъ никакой возможности не только подвергнуть ихъ критической оцѣнкѣ съ указанной точки зрѣнія, но даже выяснить, какое содержаніе вкладывалъ въ нихъ Гегель, такъ какъ большинство изъ упомянутыхъ понятій у него напоминаетъ тѣхъ бабочекъ, которыя мѣняютъ свой цвѣтъ сообразно мѣняющейся окраскѣ окружающей ихъ обстановки, а искусство, съ которымъ оперируетъ ими Гегель, напоминаетъ искусство фокусника, который на глазахъ удивленной публики изъ носового платка дѣлаетъ яичницу, часы превращаетъ въ голубя, а изъ пустой шляпы вытаскиваетъ розы и ленты. Жонглированіе понятіями, опыты котораго показываетъ намъ Гегель, отличается отъ обыкновеннаго фокусничества только тѣмъ, что въ этомъ случаѣ самъ фокусникъ вѣритъ въ мистическія свойства своего „духа“, изъ нѣдръ котораго возникаетъ идея, обладающая такой таинственной способностью перевоплощаться въ различныя формы. Самая же

возможность чудесныхъ метаморфозъ, которымъ подвергаются у Гегеля на нашихъ глазахъ различныя понятія, могла возникнуть лишь на почвѣ крайней расплывчатости, неопредѣленности и противорѣчивости тогдашней философской терминологіи, вслѣдствіе чего одно и то же слово служило для обозначенія самыхъ различныхъ, очень часто противорѣчащихъ другъ къ другу представленій. Гегель же вмѣсто того, чтобы бороться съ туманностью современныхъ ему философскихъ понятій, возводитъ эту туманность въ принципъ, въ полной увѣренности, что источникъ ея кроется не въ несовершенствѣ философскихъ знаній, а въ самыхъ свойствахъ человѣческаго мышленія. Въ этомъ принципѣ растяжимости смысла понятія заключается, собственно, вся сущность того, что называются гегелевской діалектикой. Отъ того или иного отношенія нашего къ этому принципу зависитъ, можемъ ли мы послѣдовать за Гегелемъ въ его поискахъ формъ саморазвивающейся идеи или же признать всѣ эти переходы отъ тезиса черезъ антитезисъ къ синтезу пустыми побрякушками, игрой въ слова и понятія. Мы должны рѣшиться на что-нибудь одно: или признать, что терминамъ, употребляемымъ Гегелемъ, должны соотвѣтствовать вполнѣ опредѣленныя представленія и символы, или же, напротивъ, вслѣдъ за Гегелемъ, признать, что каждому термину необходимо присуще внутреннее противорѣчіе, т.-е. способность мѣнять свой смыслъ и значеніе.

Если мы останемся вѣрны правилу, въ силу котораго мы должны употреблять символы, къ помощи которыхъ прибѣгаетъ наше мышленіе, только въ *одномъ*, строго опредѣленномъ и ограниченномъ значеніи, то имѣетъ еще нѣкоторый смыслъ присмотрѣться ближе къ выведеннымъ

Гегелемъ законамъ развитія; въ противномъ случаѣ всякая критика становится совершенно безнадежнымъ дѣломъ, ибо всякая критика предполагаетъ, во-первыхъ, извѣстное согласіе относительно смысла употребляемыхъ словъ, и, во-вторыхъ, признаніе того, что конечной инстанціей для рѣшенія всякаго спора служитъ непротиворѣчіе выводовъ и мыслей, какъ другъ къ другу, такъ и фактамъ. Но о противорѣчіи или непротиворѣчіи выводовъ и мыслей, можетъ быть, опять-таки рѣчь только въ томъ случаѣ, если самыя понятія, въ которыхъ выражены эти выводы, имѣютъ опредѣленное значеніе, иначе на всякое возраженіе защитники этихъ выводовъ могли заявить, что они употребляли этотъ терминъ совсѣмъ не въ томъ значеніи, въ которомъ понялъ ихъ критикъ. Однимъ словомъ, въ этомъ случаѣ діалектикъ неуязвимъ и всякій споръ съ нимъ есть потеря времени. Поэтому, всѣ наши дальнѣйшіе выводы имѣютъ значеніе лишь для тѣхъ, кто не считаетъ, подобно Гегелю, требованіе опредѣленности и точности употребляемыхъ терминовъ предразсудкомъ, кто не думаетъ, что идеи должны продолжать свое саморазвитіе *и во время процесса разсужденія*, такъ что на страницѣ 40-й изслѣдованія данное понятіе можетъ означать совсѣмъ не то, что на страницѣ 10-й того же изслѣдованія.

Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о многосмысленности гегелевскихъ терминовъ и предположимъ на минуту, что Гегель понимаетъ подъ выраженіями „тождества“, „противоположности“ и т. д. то же самое, что и мы. Спрашивается, могли ли мы считать гегелевскія формулы развитія *всеобщими*, т.-е. относящимся ко всѣмъ видамъ развитія. Несомнѣнно, нѣтъ, такъ какъ и „тождество“ и „противорѣчіе“ и „отрицаніе“ обозна-

чаютъ лишь процессы, имѣющіе мѣсто только въ области идей, отвлеченія, мышленія, а никакъ не въ вещахъ, какъ это было показано выше. Конечно, это съ нашей точки зрѣнія не значитъ, что эти процессы не имѣютъ никакой связи съ дѣйствительными отношеніями вещей. Напротивъ, мы старались показать, что всѣ формы мышленія имѣютъ конечной цѣлью описаніе дѣйствительности, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы всѣ пріемы и правила, къ услугамъ которыхъ прибѣгаетъ мышленіе для достиженія этой цѣли, были прямымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Содержащіяся въ принципахъ тождества, исключеннаго противорѣчія и отрицанія нормы правильнаго мышленія столь же мало могутъ быть приравнены къ законамъ, опредѣляющимъ отношенія вещей, какъ правила и нормы счетоводнаго искусства, имѣющаго цѣлью дать купцу адэкватное представленіе о состояніи его дѣлъ, могутъ считаться тождественными съ законами торговаго оборота.

Кромѣ того, отождествленіе упомянутыхъ принциповъ съ какими-нибудь эмпирическими закономѣрностями въ области фактовъ уже потому не имѣло бы смысла, что эти принципы вовсе даже и не законы, а нормы, т.-е. они имѣютъ своей задачей не установленіе, подобно научнымъ законамъ, какой-нибудь постоянной послѣдовательности между отдѣльными явленіями, (правильнѣе, сторонами явленій), а опредѣлить тѣ условія, при соблюденіи которыхъ мы можемъ достигнуть опредѣленныхъ цѣлей, т.-е. по своему значенію они гораздо ближе къ законамъ въ смыслѣ юридическомъ; какъ эти послѣдніе содержатъ въ себѣ извѣстное предписаніе, которое можетъ быть исполнено или неисполнено гражданами, при чемъ неис-

полненіе влечетъ за собой извѣстны невыгодныя послѣдствія для нарушителей, такъ и нормы мышленія даютъ лишь извѣстныя указанія мыслящему индивиду, какъ онъ долженъ мыслить, если не хочетъ, чтобы трудъ его пропалъ даромъ. Законы юридическіе основываются на предположеніи, что, съ одной стороны, образъ дѣйствія, предписываемый или запрещаемый ими гражданамъ, возможенъ для нихъ, а, съ другой, что эти дѣйствія поведутъ къ опредѣленнымъ послѣдствіямъ для общества и, слѣдовательно, предполагаютъ извѣстное знакомство съ свойствами и формами поведенія человѣка въ обществѣ. Точно также и нормы мышленія основываются на изученіи свойствъ и формъ мышленія вообще и послѣдствій, съ которыми связаны способы мышленія, имя рекомендуемаго.

Если нормы права имѣютъ своей цѣлью поддержаніе и сохраненіе извѣстнаго общественно-экономическаго строя, то нормы мышленія своей конечной цѣлью должны считать приспособленіе организма къ окружающей его средѣ. Конечно, эти нормы могутъ считаться лишь постольку обязательными, поскольку признается сама цѣль, поставленная мышленію. Такъ какъ Гегель смотритъ совершенно иначе на природу мышленія, то эти аргументы для него и для тѣхъ, кто видитъ въ идеѣ не извѣстное орудіе воспроизведенія дѣйствительности, а единственную форму бытія, не имѣютъ значенія; для нихъ, слѣдовательно, и законы мышленія и нормы его суть законы и нормы, регулирующія отношенія всего сущаго. Но для тѣхъ, кто исходитъ изъ предположенія, что мышленіе есть только способъ прямого или непрямого воспроизведенія фактовъ, для того нормы мышленія не могутъ быть тождественными съ законами бытія.

Что касается до законовъ психическаго развитія и развитія мышленія въ частности, то, конечно, эти законы должны представлять собой частные случаи дѣйствія общихъ законовъ всего сущаго, ибо мышленіе не есть,—для насъ, по крайней мѣрѣ, — нѣчто отличное toto genere отъ бытія, а только иная комбинація, если не тѣхъ же самыхъ элементовъ, то, во всякомъ случаѣ, *однородныхъ* съ физическими; но именно потому, что эта комбинація совершенно оригинальна, мы, если бы даже и знали частные законы ея развитія, не могли бы только на основаніи этихъ законовъ вывести законы развитія вообще. Для формулированія этихъ послѣднихъ законовъ намъ необходимо было бы сравнить эти формы развитія со всѣми видами развитія. Но отчасти эта задача могла быть рѣшена какимъ-нибудь геніальнымъ мыслителемъ, если не въ окончательной формѣ, то въ формѣ догадки, гипотезы.

Гегель также не былъ чуждъ предчувствія истины и въ этомъ вопросѣ. Зерно истины въ его діалектикѣ, какъ намъ кажется, заключается не только въ самой идеѣ развитія, но и въ томъ, что онъ инстинктивно чувствовалъ всю ограниченность старой логики, которая не различала въ достаточной степени теорію познанія и логику, съ одной стороны, и логику и психологію мышленія—съ другой. Но такъ какъ и самъ Гегель не могъ доработаться до яснаго разграниченія этихъ вещей, то онъ, отвергнувъ совершенне значеніе основныхъ принциповъ логики, и полагая въ то же время, что законы, резулирующіе жизнь идей суть всеобщіе законы бытія, вынужденъ быть искать новыя формы для закономѣрности идей и думалъ найти таковые въ принципахъ, обратныхъ господствовавшимъ представленіямъ традиціонной логики.

Принципу тождества онъ противопоставилъ принципъ подвижности, эластичности идей, принципу исключеннаго противорѣчія онъ противопоставилъ принципъ закономѣрности и цѣлесообразности противорѣчія и т. д.

Если видѣть въ гегелевскомъ принципѣ движенія и противорѣчія не норму мышленія, а извѣстныя свойства мышленія, то Гегель правъ, но лишь постольку, поскольку дѣйствительно, разнообразіе и неопредѣленность смысла понятій и противорѣчивость многихъ изъ нихъ составляетъ явленіе, столь же обычное и частое, какъ и постоянство значенія символовъ и ихъ согласованность. Ошибка Гегеля, такимъ образомъ, заключалась не въ томъ, что онъ неправильно усматривалъ массу противорѣчій въ наиболѣе ходкихъ для тогдашняго времени философскихъ и даже научныхъ терминахъ, но въ томъ, что онъ чрезмѣрно обобщилъ и возвелъ это противорѣчіе въ принципъ, тогда какъ правильнымъ выводомъ изъ существованія противорѣчій было бы заключеніемъ, что существуетъ, очевидно, какая-нибудь общая для явленій этого рода причина, которая и является истиннымъ закономъ, обнимающимъ всѣ формы мышленія. Что касается процесса перехода каждой идеи въ ея противоположность и процесса отрицанія, то эти процессы отчасти, дѣйствительно, встрѣчаются въ области идей, но, во всякомъ случаѣ, не имѣютъ такого универсальнаго характера, который приписываетъ имъ Гегель; въ большинствѣ же случаевъ констатированіе этихъ процессовъ основано на искусномъ пользованіи эластичностью нѣкоторыхъ философскихъ терминовъ, какъ это будетъ показано въ слѣдующей главѣ.

IV.

Діалектическія схемы.

Вопросъ о значеніи діалектической философіи интересуетъ насъ не со стороны историко-философской, но лишь постольку, поскольку она можетъ считаться однимъ изъ факторовъ современнаго научнаго міросозерцанія. Въ томъ, что гегелевская діалектика въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подготовила и расчистила почву для фундамента современной научной мысли, въ этомъ, повидимому, нѣтъ разногласія между тѣми, кто раздѣляетъ основныя положенія марксистской теоріи. Весь споръ вращается вокругъ вопроса, въ какихъ *предѣлахъ* марксистъ можетъ считать себя наслѣдникомъ великаго діалектика и отъ какой части этого наслѣдства онъ можетъ и долженъ отказаться, если желаетъ, чтобы марксизмъ не былъ застывшей въ своихъ формулахъ догмой, а живой частью живого организма, который называется научнымъ мышленіемъ. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ анализу діалектическихъ схемъ, мы считаемъ необходимымъ *резюмировать* выводы современнаго научнаго мышленія въ тѣхъ областяхъ логики, теоріи познанія и психологіи познанія, которыя тѣсно соприкасаются съ нашей темой.

1) Наша мыслительная дѣятельность, какъ одинъ изъ видовъ психической дѣятельности вообще,

должна считаться, подобно послѣдней, однимъ изъ орудій сохраненія индивида; 2) формой, въ которой осуществляется эта основная функція мышленія, является приспособленіе нашихъ представленій или мыслей къ фактамъ и приспособленіе мыслей другъ къ другу; 3) исходной точкой мышленія являются, такимъ образомъ непосредственно данное, опытъ, факты (Thatsachen), которые служатъ единственнымъ источникомъ познанія, ибо отъ нихъ мышленіе отправляется во время своихъ актахъ и къ нимъ возвращается. Этимъ самымъ мы принципіально исключаемъ всѣ виды метафизики, все сверхъ-чувственное, сверхъ-естественное, всякую примѣсь къ опыту того, что̀ не можетъ быть мыслимо, какъ непосредственно данное, словомъ, все трансцендентное; 4) факты мы можемъ разсматривать съ двоякой стороны; если мы разсматриваемъ ихъ со стороны зависимости отъ состояній нашего организма, мы называемъ ихъ „ощущеніями“ или „элементами ощущеній“; если же при разсмотрѣніи фактовъ мы отвлекаемся отъ состояній нашего организма и разсматриваемъ факты лишь со стороны ихъ зависимости другъ отъ друга, то мы называемъ ихъ „вещами“ или предикатами, признаками, свойствами, качествами тѣла и т. д.; 5) второй факторъ нашего опыта— представленія. Общей чертой ихъ является то, что они суть слѣды, знаки ощущеній, воспроизведенныя ощущенія, другими словами, мы утверждаемъ, что никакая самая пылкая фантазія не можетъ воспроизвести ничего, что не было бы раньше пережито нами, какъ ощущеніе (nihil est in intellectu, quod non fuerit ante in sensu); 6) въ нашемъ сознаніи мы никогда не находимъ отдѣльныхъ, изолированныхъ элементовъ ощущенія, всегда извѣстную совокупность этихъ элементовъ

извѣстную *связь* элементовъ, ибо самое сознаніе предполагаетъ наличность *нѣсколькихъ* ощущеній и представленій. Индивидъ, у котораго было бы *одно* ощущеніе, никогда не достигъ бы сознанія; 7) наличность въ сознаніи нѣсколькихъ ощущеній или представленій предполагаетъ возможность ихъ различенія другъ отъ друга, ибо безъ этой возможности мы имѣли бы опять-таки одно, а не нѣсколько представленій; 8) различеніе, въ свою очередь, предполагаетъ возможность *сравненія*, сопоставленія ощущеній и представленій; 9) результаты сравненія могутъ выразиться въ установленіи сходства ощущеній и представленій или ихъ различія; 10) сообразно біологической функціи мышленія (оріентированіе среди фактовъ), наша умственная дѣятельность направлена на приведеніе хаоса ощущеній и представленій въ извѣстный порядокъ; 11) первичной формой такого упорядоченія опыта является процессъ *узнаванія* ощущеній; узнаваніе основано, съ одной стороны, на фактѣ воспроизведенія ощущеній, а, съ другой, на способности устанавливать сходства и различія ощущеній; 12) дальнѣйшей стадіей въ дѣлѣ упорядоченія опыта является соединеніе ощущеній въ одновременныя группы или послѣдовательные ряды; это соединеніе коренится въ тѣхъ же свойствахъ нашей психики, способности воспроизведенія и различенія ощущеній въ связи съ вліяніемъ повторенія и упражненія; вначалѣ такое соединеніе психическихъ элементовъ носитъ совершенно случайный характеръ, характеръ ассоціаціи по мѣсту и времени; самый процессъ узнаванія заключается въ *пополненіи* данныхъ на опытѣ чувственныхъ элементовъ слѣдами бывшихъ ощущеній, связанныхъ съ первыми въ прежнихъ опытахъ; совокуп-

ность процессовъ сочетанія элементовъ называется мышленіемъ и имѣетъ ту же цѣль, что и узнаваніе, а именно возможность по даннымъ опытомъ признакамъ или реакціямъ реконструировать извѣстныя области опыта; 13) результатомъ соединенія элементовъ въ группы и ряды является образованіе, такъ называемыхъ, общихъ представленій и символовъ, соотвѣтствующихъ двумъ стадіямъ мышленія, мышленія при помощи конкретовъ и мышленія при помощи отвлеченій; 14) различіе между представленіями и символами есть различіе въ степени, а не въ качествѣ, такъ какъ оно выражается, съ одной стороны, въ степени близости къ чувственнымъ первообразамъ, прототипамъ знаковъ, а, съ другой, въ большей дробности, опредѣленности и точности символовъ въ сравненіи съ представленіями; 15) этому процессу внутренней символизаціи представленій соотвѣтствуетъ процессъ внѣшней символизаціи ихъ при посредствѣ слова, языка и письменъ; слово служитъ вначалѣ для обозначенія конкретныхъ предметовъ или ихъ признаковъ, а затѣмъ только представленій и символовъ; слова соединяются въ предложенія, соотвѣтствующія сужденіямъ, т.-е. соединеніямъ символовъ, фиксирующимъ либо существующія между элементами *одного* символа, либо между *различными* символами, отношенія и связи, какъ въ пространствѣ, такъ во времени, т.-е., какъ одновременныя связи, такъ и послѣдовательныя; 16) самыя отношенія между символами (поскольку идетъ рѣчь о наиболѣе общей ихъ формѣ) могутъ заключаться или: а) въ отношеніи родовыхъ символовъ къ видовымъ (genus et species), при чемъ родовымъ называется одинъ символъ по отношенію къ другому—видовому—тогда, когда послѣдній входитъ въ первый, какъ часть его содержанія. Поэтому

низшими въ этомъ смыслѣ будутъ тѣ символы, которые наиболѣе близки къ чувственнымъ первообразамъ и, слѣдовательно, обладаютъ наибольшимъ количествомъ признаковъ или реакцій, общихъ для извѣстной группы чувственныхъ первообразовъ; слѣдовательно, низшіе символы объединяютъ наименьшую по численности группу этихъ первообразовъ; высшими символами, наоборотъ, будутъ такіе наиболѣе отвлеченные символы, которые обладаютъ наименьшимъ количествомъ признаковъ и объединяютъ наиболѣе обширныя группы чувственныхъ элементовъ; 17) приспособленіе символовъ другъ къ другу преслѣдуетъ цѣль созданія такой системы символовъ, при которой была бы устранена возможность конфликта между символами; возможность же конфликтовъ создается въ тѣхъ случаяхъ, когда новое, подсказываемое новыми рядами ощущеній или дѣятельностью фантазіи, соединеніе элементовъ ощущеній въ группы отклоняется отъ обычнаго; такой конфликтъ символовъ называется противорѣчіемъ символовъ и ведетъ неизбѣжно къ признанію несостоятельной либо новой формы соединенія, либо старой, если новыя соединенія оказываются болѣе соотвѣтствующими соединеніямъ фактовъ. Благодаря устраненію или исправленію противорѣчащихъ другъ другу соединеній получается система согласныхъ между собою символовъ, которая даетъ возможность: а) отъ каждаго даннаго символа перейти путемъ силлогистическаго или индуктивнаго умозаключенія къ любому изъ другихъ символовъ; б) раскрыть содержаніе каждаго символа, не прибѣгая къ дѣйствительной провѣркѣ его. Изъ этихъ основныхъ операцій складываются всѣ, даже самыя высшія, формы развитаго научнаго мышленія. Для нашей цѣли нѣтъ надобности вхо-

дить въ описаніе всѣхъ отдѣльныхъ формъ, относящихся сюда, но нѣкоторыхъ мы должны коснуться въ интересахъ дальнѣйшаго, т.-е. оцѣнки идей Гегеля.

Прежде всего, нами указано главное свойство всякаго символа—соединять въ одно цѣлое извѣстное количество признаковъ;—мы должны отмѣтить, какъ характерную его черту, пожалуй, не менѣе важную, чѣмъ первая—то, что объединенные въ символѣ признаки и реакціи связаны особенными, для каждаго даннаго символа отличными, отношеніями, другими словами, символъ не есть простая сумма признаковъ. Понятіе животнаго содержитъ въ себѣ не только признаки: кости, мясо, кожа и т. д., но предполагаетъ, что эти признаки соединены въ одно цѣлое извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ. Символически, поэтому, всякое понятіе можетъ быть изображено слѣдующей [формулой: A=Y (a, b, c, d...), гдѣ A есть понятіе, какъ цѣлое, a, b, c, d, суть отдѣльные признаки или реакціи или же понятія низшаго порядка; совокупность ихъ, обозначаемая скобками, есть содержаніе понятія, а Y обозначаетъ, что признаки a, b, c, d.., находятся въ отношеніяхъ извѣстной зависимости другъ отъ друга; въ отличіе отъ содержанія понятія символъ A называется обыкновенно его формулой. Если присмотрѣться ближе къ этой формулѣ, то мы увидимъ, что всѣ выраженныя въ ней общія свойства символовъ покоятся на одномъ предположеніи, а именно, что нашъ интеллектъ обладаетъ способностью различенія и сопоставленія отдѣльныхъ ощущеній; въ самомъ дѣлѣ, если бы мы не могли различать ощущеній, то мы имѣли бы только одно ощущеніе, а это значило бы, что у насъ не было ощущеній, что еще было подмѣчено Гоббсомъ, кото-

рый формулировалъ эту особенность нашего психическаго уклада такимъ образомъ: „Чувствовать всегда одно и то же — все равно, что ничего не чувствовать“ (Hobbes, Phisica, IV, 25); если же, далѣе, мы можемъ различать отдѣльныя ощущенія, то мы должны умѣть ихъ отожествлять, ибо, когда мы говоримъ, что одно ощущеніе отлично отъ другого, то, значитъ, мы знаемъ другое ощущеніе которое *не* отлично отъ перваго или одинаково съ нимъ. Въ своемъ сознаніи мы никогда не находимъ какой-нибудь *одинъ* психическій элементъ, а всегда два или цѣлый комплексъ ихъ, и, притомъ, каждый изъ нихъ будетъ тѣмъ болѣе сознаваться нами, какъ таковой, чѣмъ болѣе онъ контрастируетъ съ другими. Это—основное свойство нашей психической жизни, и даже болѣе, чѣмъ свойство,—условіе нашей психической жизни, условіе сознанія, ибо сознаніе не есть какое-нибудь особое свойство или качество, которое должно присоединиться къ безсознательному, чтобы оно превратилось въ сознательное; оно есть извѣстная связь элементовъ; возможность же связыванія двухъ или нѣсколькихъ, конечно, предполагаетъ возможность различенія. Со стороны біологической это свойство соотвѣтствуетъ основной функціи психики—служитъ извѣстнымъ дополненіемъ къ рефлекторному механизму живыхъ существъ, именно такимъ дополненіемъ, которое давало бы возможность организмамъ ограждать свое сохраненіе при все усложняющихся и разнообразныхъ условіяхъ окружающей его обстановки. Для достиженіи этой цѣли организмы должны *приспособлять* свои реакціи, происходящія въ формѣ рефлексовъ, къ измѣняющимся условіямъ, а это приспособленіе предполагаетъ прежде всего возможность констатированія *измѣненій*, происхо-

дящихъ во внѣшней средѣ; констатировать же измѣненія значитъ *различать*. Способность различенія не есть, конечно, величина постоянная: она развивается такъ же, какъ и всѣ остальныя способности, по мѣрѣ развитія органической жизни, переходя отъ менѣе совершенныхъ къ болѣе совершеннымъ формамъ. Самой примитивной формой различенія является тотъ случай, когда мы не можемъ точно указать, въ чемъ заключается источникъ того, что извѣстный предметъ, извѣстная личность и т. д. кажется намъ инымъ, когда, напр., въ нашей комнатѣ кто-нибудь произведетъ настолько незначительную перестановку мебели, что мы не можемъ дать себѣ отчета, въ *чемъ заключается* перемѣна, хотя и *чувствуемъ* ее. Точно такимъ же неопредѣленнымъ характеромъ отличается и то чувство, которое мы высказываемъ, когда устраняется произведенная въ нашей обстановкѣ перемѣна; происшедшее возвращеніе къ прежнему, обычному, мы констатируемъ въ формѣ заявленія, что „это— то же самое, что и раньше“. Если, напримѣръ, мы встрѣчаемъ стараго друга послѣ долгой разлуки и, если мы ожидали, что онъ за это время долженъ былъ сильно измѣниться, то при неоправдавшемся ожиданіи мы говоримъ: „но онъ все тотъ же“. Путемъ комбинаціи этихъ основныхъ психическихъ величинъ получается представленіе „сходнаго“ и „различнаго“, какъ такихъ случаевъ, когда одна часть извѣстнаго цѣлаго сходна съ частью другого цѣлаго; въ такомъ случаѣ остальныя части будутъ „несходными“ и т. д. Съ другой стороны, самое чувство „одинаковости“ и „различія“ подвергается также процессу дифференцированія, въ результатѣ котораго получается масса оттѣнковъ, степеней „одинаковости“ и „неодинаковости“, отъ различенія ощущеній по от-

дѣльнымъ чувственнымъ группамъ, т.-е. отъ различенія зрительныхъ, звуковыхъ и т. д. ощущеній мы переходимъ къ различенію ощущеній отдѣльныхъ группъ, т.-е. различаемъ, напр., среди зрительныхъ—сначала отдѣльныя ощущенія цвѣта, величины, удаленія и т. д., а отъ этого послѣдняго различенія къ различенію оттѣнковъ одного цвѣта и т. д.

Благодаря тому, что мы не можемъ указать никакой опредѣленной границы этого процесса дифференцированія ощущенія, мы приходимъ къ заключенію, что не можетъ быть *двухъ совершенно тожественныхъ* психическихъ состояній. Отсюда вытекаютъ съ необходимостью два вывода: полное тождество ощущеній, какъ комплексовъ элементовъ, есть понятіе совершенно фиктивное, а ощущенія суть комбинаціи сходныхъ и несходныхъ элементовъ. А такъ какъ элементы ощущеній намъ никогда на опытѣ *отдѣльно* не даются, то тождество элементовъ возможно только въ *отвлеченіи*. Отвлеченіе есть, слѣдовательно, такой процессъ мышленія, при помощи котораго мы въ двухъ различныхъ комплексахъ элементовъ выдѣляемъ мысленно, т.-е. въ воображеніи, извѣстныя части сложнаго цѣлаго, которыя мы признаемъ тождественными, а несходные элементы игнорируемъ. Затѣмъ, эти выдѣленныя части мы также подвергаемъ дальнѣйшей переработкѣ въ смыслѣ выдѣленія изъ нихъ отдѣльныхъ частей, признаваемыхъ сходными и т. д.

Параллельно развлеченію чувственныхъ рядовъ идетъ разчлененіе представленій. Самый процессъ воспроизведенія ощущеній въ воображеніи предполагаетъ нѣкоторую дробность чувственныхъ первообразовъ, такъ какъ воспроизведенныя ощущенія суть лишь *слѣды* ощущеній, при чемъ слѣды отдѣльныхъ ощущеній, несомнѣнно, извѣстнымъ

образомъ суммируются. И въ области представленій не существуетъ совершенно изолированныхъ элементарныхъ частей представленій, такъ какъ то, что мы называемъ элементарными представленіями, напр., представленіе краснаго цвѣта есть, строго говоря, цѣлый комплексъ представленій, въ которомъ одинъ элементъ — красный цвѣтъ— настолько доминируетъ надъ остальными, что присутствіе остальныхъ еле сознается. Поэтому, и здѣсь не можетъ быть совершенно тождественныхъ комплексовъ, и тождество можетъ относиться только къ элементамъ, вполнѣ выдѣляемымъ только въ отвлеченіи. Тѣмъ не менѣе, самый фактъ возможности суммированія отдѣльныхъ представленій сначала въ общія представленія, а затѣмъ въ понятія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ комплексахъ представленій есть нѣкоторые общіе элементы, которые признаются нами тождественными.

Какъ извѣстно, на нѣкоторой ступени развитія мышленія на помощь процессу суммированія общихъ признаковъ въ группы и ряды приходитъ также языкъ; если общія представленія и понятія мы должны считать схемами ощущеній и ихъ связей, то слово является извѣстнымъ знакомъ, символизирующимъ извѣстную группу признаковъ, т.-е. символы; иначе говоря, слова суть символы символовъ, знаки знаковъ, но знаки эти не совершенно произвольны, а построены изъ тѣхъ же элементовъ, что и ихъ чувственные прототипы.

При помощи понятій мы разбиваемъ все многообразіе переживаній на извѣстныя группы для того, чтобы оперировать уже надъ этими группами, соединяя эти группы въ высшія группы или же, напротивъ, разчленяя ихъ на болѣе мелкія группы.

При этихъ операціяхъ надъ символами мы должны *предполагать*, что каждый отдѣльный символъ

въ теченіе операціи долженъ сохранять постоянно одно и то же значеніе, одну и ту же величину, ибо въ этомъ весь смыслъ знаковъ, какъ извѣстныхъ элементовъ, *представляющихъ* группы другихъ элементовъ. Если бы извѣстному символу, извѣстному знаку, соотвѣтствовала каждый разъ другая группа элементовъ, то никакихъ операцій мы съ помощью этихъ знаковъ производить не могли бы, какъ не могли бы производить математическихъ выкладокъ, если бы каждому числу или каждому математическому символу не соотвѣтствовали вполнѣ опредѣленныя группы представленій. Въ этомъ и заключается смыслъ того закона тождества, который считается верховнымъ закономъ мышленія. Поэтому, законъ этотъ можетъ быть формулированъ такъ: во всѣхъ актахъ мышленія, которые сводятся къ приспособленію нашихъ представленій или—поскольку рѣчь идетъ о научномъ мышленіи—къ приспособленію нашихъ символовъ къ фактамъ и символовъ другъ къ другу, мы должны, если мы желаемъ достичь этой цѣли, употреблять символы въ одномъ и томъ же значеніи, т.-е. принимать, что каждый данный символъ есть совокупность извѣстныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ признаковъ, находящихся во вполнѣ опредѣленныхъ отношеніяхъ другъ къ другу; иначе говоря, въ формулѣ A=Y (a, b, c, d...), какъ элементы a, b, c, d... должны представлять постоянную величину, такъ и Y, т.-е. всѣ отношенія a, b, c, d... другъ къ другу. Отсюда важный выводъ: законъ тождества не есть какой-нибудь эмпирическій законъ дѣйствительности, а *норма, постулатъ*, т.-е. то требованіе, которому должно удовлетворять мышленіе, разъ оно желаетъ достичь своей цѣли; фактически мышленіе очень часто отступаетъ отъ этого правила и, поскольку

оно отступаетъ отъ него, оно сопряжено съ ошибками, заблужденіями; вполнѣ осуществимо это правило только въ области научнаго мышленія, которое кладетъ въ основу своихъ операцій вполнѣ точно опредѣленныя понятія. На это обыкновенно возражаютъ указаніемъ на процессъ измѣненій, которыя постоянно претерпѣваютъ научныя понятія въ зависимости отъ успѣховъ знанія. Но это доказываетъ только, что въ различныя историческія эпохи наука оперируетъ различными элементами, но вовсе не доказываетъ, что въ *данный* историческій моментъ нельзя было-бы оперировать вполнѣ опредѣленными символами. Съ другой стороны, вовсе не *всѣ* понятія, которыми располагаетъ наука, подвергаются переработкѣ, а, главнымъ образомъ, болѣе отвлеченныя, такъ сказать, понятія высшаго порядка.

Если развитіе мышленія отъ примитивныхъ его формъ къ научнымъ привело насъ къ установленію принципа тождества, то то же развитіе вноситъ значительныя модификаціи и въ формы различенія ощущеній, представленій и символовъ. Это развитіе происходитъ въ нѣсколькихъ направленіяхъ, но для насъ сейчасъ важно только то, которое связано съ идеями отрицанія, противоположности и противорѣчія, которыя всѣ представляютъ собою лишь извѣстныя варіаціи идеи различенія. Всякій, даже самый элементарный, актъ различенія предполагаетъ наличность, по крайней мѣрѣ, двухъ психическихъ величинъ, ибо *отличать что-нибудь* можно только отъ чего-нибудь. Сначала (именно въ самомъ неразвитомъ видѣ) актъ различенія можетъ и не сопровождаться яснымъ сознаніемъ того, въ чемъ заключается различіе; только при извѣстномъ расширеніи опыта различеніе отливается въ болѣе или менѣе опредѣленную фор-

му, т.-е. оно не ограничивается простымъ констатированіемъ различія, но при помощи *сравненія* двухъ величинъ приходитъ къ заключенію о существованіи въ сравниваемыхъ величинахъ сходства въ извѣстныхъ частяхъ и несходства въ другихъ. Но развитіе въ этой области происходитъ также и въ другомъ направленіи, именно въ постепенномъ расширеніи *круга* сравниваемыхъ величинъ; вопреки ходячимъ представленіямъ, положеннымъ въ основу аристотелевской логики, сначала процессу сравненія подвергаются вовсе не самыя несходныя ощущенія, а, наоборотъ, самыя близкія другъ къ другу или, даже правильнѣе, одинъ и тотъ же предметъ въ различные моменты.

Здѣсь сравненіе двухъ состояній происходитъ въ *опредѣленномъ направленіи*; такъ какъ вполнѣ тождественныхъ состояній быть не можетъ, то когда говорится о сходствѣ или даже равенствѣ состояній, то имѣется въ виду совпаденіе ихъ въ томъ или другомъ отношеніи. Такъ, напр., въ элементарной геометріи подъ равенствомъ фигуръ разумѣется равенство угловъ и сторонъ. Въ *какихъ* же направленіяхъ происходитъ обыкновенно сопоставленіе, *какія* стороны или элементы сравниваются? Въ громадномъ большинствѣ случаевъ сопоставляются такія стороны цѣльнаго ощущенія, которыя относятся къ одному классу ощущеній, т.-е. зрительныя, слуховыя и т. д. Такимъ путемъ получается въ области ощущеній даннаго класса извѣстная *система* ощущеній, въ которой каждая ступень противопоставляется остальнымъ. Если мы будемъ сопоставлять между собой отдѣльныя *системы* ощущеній, то увидимъ, что между элементами ихъ невозможны никакія качественныя отношенія; поэтому, такія ощущенія называются несоизмѣримыми (disparat), а каждая система пред-

ставляется замкнутой по той причинѣ, что отъ элемента одной системы мы не можемъ перейти къ элементамъ другой путемъ постепенныхъ переходовъ.

Если мы будемъ оставаться въ предѣлахъ *одной* системы психическихъ элементовъ, то увидимъ, что здѣсь отношенія крайне разнообразны. Всѣ элементы въ предѣлахъ одной системы могутъ быть сравниваемы другъ съ другомъ въ двухъ отношеніяхъ: въ отношеніи качества и въ отношеніи интенсивности. Каждый элементъ обладаетъ опредѣленнымъ качествомъ, отличающимъ его отъ всѣхъ другихъ ощущеній, но это качество бываетъ въ же время всегда опредѣленной силы, которая называется степенью интенсивности; каждая степень интенсивности можетъ быть переведена путемъ постепенныхъ переходовъ на какую угодно другую степень интенсивности; такіе переходы возможны въ двухъ направленіяхъ, изъ которыхъ одно мы называемъ приростомъ, а другое — убылью интенсивности. Конечныя точки такихъ переходовъ мы обозначаемъ, какъ максимальныя и минимальныя степени интенсивности элементовъ. По качеству элементы каждой системы могутъ быть также расположены въ одинъ или нѣсколько рядовъ, въ которыхъ также возможны постепенные переходы отъ одного члена къ другому. Хотя различія между членами этихъ рядовъ и не удалось свести къ различіямъ въ степени, однако различія между отдѣльными членами неодинаковы въ томъ смыслѣ, что между нѣкоторыми изъ нихъ контрастъ больше, чѣмъ между другими, достигая извѣстной величины, которую мы можемъ разсматривать, какъ максимальную. Такъ, напр., между ощущеніями краснаго и желтаго цвѣтовъ различіе меньше, чѣмъ между ощущеніями краснаго и зеленаго цвѣтовъ,

которое въ этомъ ряду есть максимальное. Если же мы возьмемъ чувствованія, которыя постоянно связаны съ элементами ощущенія, то увидимъ, что чувствованія, относящіяся къ одной и той же системѣ ощущеній, напр., къ зрительнымъ ощущеніямъ, отличаются друга отъ друга не только качествомъ и степенью интенсивности, но еще и *противоположностью*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ какой-нибудь рядъ ощущеній и связанныхъ съ ними чувствованій; мы замѣтимъ, что, тогда какъ для ощущеній связь между отдѣльными рядами выражается въ формѣ перехода отъ минимальнаго къ максимальному различію, въ сопутствующихъ ощущеніямъ чувствованіяхъ измѣненія имѣютъ такой характеръ, что чувствованія переходятъ не только отъ минимальныхъ къ максимальнымъ степенямъ различія, но и отъ чувствованія даннаго качества къ чувствованію другого качества, находящагося, однако, съ первымъ въ такомъ отношеніи, что между ними лежитъ извѣстный пунктъ, гдѣ величина интенсивности равняется нулю, или, т. н., пунктъ безразличія; чувствованія, расположенныя на одинаковомъ разстояніи по ту или другую сторону отъ пункта безразличія, должны считаться нейтрализующими другъ друга, т.-е., будучи даны вмѣстѣ, даютъ въ итогѣ нуль чувствованія, т. е. тотъ же пунктъ безразличія. Сходныя явленія мы наблюдаемъ и въ области *нѣкоторыхъ* видовъ ощущеній, а именно въ области, т. н. ощущеній общаго чувства (ощущенія тепла и холода), ощущеній вкуса (сладкое и соленое), отчасти ощущеній свѣта. Мы не будемъ здѣсь касаться спорнаго вопроса, насколько ощущенія могутъ считаться состоящими между собой въ отношеніяхъ противоположности сами по себѣ или же только благодаря перенесенію на нихъ свойствъ чувствованій на

почвѣ тѣснаго сліянія ихъ съ ощущеніями; для насъ важно только констатировать тотъ фактъ, что, если существуютъ психическіе элементы, которые вовсе не могутъ быть сравниваемы другъ съ другомъ, какъ звенья отдѣльныхъ *системъ* ощущеній и чувствованій, если, далѣе, данныя ощущенія и чувствованія въ предѣлахъ одной системы могутъ быть сравниваемы другъ съ другомъ (при чемъ въ результатѣ сравненія всѣ ощущенія и чувствованія могутъ быть расположены въ ряды по качеству и интенсивности), то только внутри *нѣкоторыхъ* отдѣльныхъ системъ нѣкоторыя ощущенія могутъ быть поставлены между собой въ отношеніи противоположности или, другими словами, способность противополагаться другъ другу въ описанномъ выше смыслѣ вовсе не есть *общее* свойство *всѣхъ видовъ* психическихъ элементовъ.

Но оставимъ въ сторонѣ конкретныя писихическія состоянія, а перейдемъ къ объектамъ мышленія. Намъ извѣстны три главныхъ вида ихъ: представленія, общія представленія и символы. Что касается представленій, какъ воспроизведеній конкретныхъ элементовъ или образованій, то къ нимъ, конечно, должно быть примѣнено все, что сказано о первыхъ. Что касается общихъ представленій и символовъ, то они представляютъ собой соединенія признаковъ или процессовъ, связанныхъ извѣстными отношеніями зависимости другъ отъ друга, и могутъ быть выражены формулой: A=У (a, b, c, d...).

Какъ и всякій психическій актъ, фиксированіе символа А немыслимо, какъ *изолированный* актъ; напротивъ, въ основѣ его лежитъ уже извѣстное различеніе этого символа А отъ другихъ символовъ; другими словами, фиксируя символъ А, мы *тѣмъ самымъ* (а не отдѣльнымъ и самостоятель-

нымъ актомъ) различаемъ его отъ всѣхъ остальныхъ символовъ. Это, какъ мы знаемъ, самая элементарная форма различенія. Для полученія болѣе сложныхъ формъ различенія символовъ, мы должны сопоставить символъ А съ однимъ или нѣсколькими символами въ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Въ результатѣ сопоставленія получимъ различныя отношенія сходства или несходства въ извѣстныхъ направленіяхъ. Изъ всѣхъ возможныхъ видовъ такихъ отношеній для насъ представляютъ интересъ только двѣ модификаціи отношеній различія между символами. Первый случай будетъ имѣть мѣсто, когда данное родовое понятіе обнимаетъ только *два* видовыхъ символа. Такъ, если цѣлое число будетъ такимъ родовымъ понятіемъ, то видовыми могутъ быть только понятія четнаго и нечетнаго числа, если родовымъ является понятіе линіи, то видовымъ только понятіе прямой и кривой линіи; если родовое будетъ полъ, то видовыми—мужскій и женскій полъ. Отношеніе видовыхъ символовъ другъ къ другу въ этомъ случаѣ называется въ формальной логикѣ *исключающей противоположностью*. На самомъ дѣлѣ, этотъ видъ различія символовъ ничего общаго съ противоположностью не имѣетъ; въ основѣ сближенія этого вида различія съ чистой противоположностью лежитъ весьма поверхностная аналогія.

Вторую разновидность различія символовъ образуютъ тѣ случаи, когда родовое понятіе обнимаетъ нѣсколько видовыхъ, причемъ видовын понятія могутъ быть расположены въ ряды, въ которыхъ каждый слѣдующій членъ менѣе сходенъ съ первымъ, чѣмъ предыдущій. Отсюда слѣдуетъ, что крайніе члены этихъ рядовъ представляютъ собой максимумъ различія и минимумъ сходства, при чемъ сумма ихъ равна нулю. Эти крайніе члены

въ традиціонной логикѣ обыкновенно оказываются находящимися въ отношеніи *полной противоположности* (oppositio contraria). Примѣры: 1) родовое понятіе—ощущеніе температуры, видовыя — различныя ощущенія тепла и холода, крайніе члены, максимальное ощущеніе тепла и максимальное ощущеніе холода; 2) родовое—положеніе въ пространствѣ, видовыя: — вверху-внизу, направо-налѣво, спереди-сзади, внутри-внѣ и т. д.

Анализъ этихъ группъ символовъ показываетъ, что въ содержаніе такихъ символовъ всегда входитъ одинъ или группа элементарныхъ ощущеній или чувственныхъ признаковъ, которые могутъ быть расположены въ тѣ ряды, отдѣльные члены которыхъ находятся другъ къ другу въ отношеніи противоположности. Самыя видовыя понятія располагаются въ ряды сообразно отношеніямъ такихъ признаковъ. Такъ, въ первомъ изъ избранныхъ нами примѣровъ такимъ признакомъ являются различныя ощущенія холода и тепла; во второмъ—извѣстныя зрительныя или осязательныя ощущенія и т. д. Крайніе члены такихъ рядовъ съ полнымъ основаніемъ могутъ быть подведены подъ понятіе противоположности, ибо онѣ удовлетворяютъ двумъ главнымъ признакамъ этого понятія: извѣстному разстоянію отъ одного средняго состоянія и взаимной нейтрализаціи. Такъ какъ не во всѣ абстракты входятъ, какъ признаки, ощущенія, обладающія способностью противоположенія, то *не всякій символъ* можетъ быть включенъ въ рядъ, крайніе члены котораго противоположны.

Третій родъ различія, который стоитъ отмѣтить, называется въ учебникѣ логики—*исключающимъ различеніемъ* (oppositio contradictoria). Съ этимъ видомъ различій мы имѣемъ дѣло въ томъ случаѣ, когда изъ всѣхъ видовыхъ символовъ, соподчиненныхъ одному

родовому, мы выдѣляемъ одинъ, противопоставляя его остальнымъ. Такъ, напр., изъ всѣхъ организмовъ выдѣлимъ группу protozoa. Смыслъ этого выдѣленія заключается въ томъ, что мы подчеркиваемъ не столько наличность въ выдѣленномъ символѣ ABC..., извѣстныхъ, общихъ ему съ другими соподчиненными символами, признаковъ, сколько отсутствіе тѣхъ признаковъ, которые отличаютъ отъ него остальные символы ABD, ABE, ABF и т. д. При этомъ мы соединяемъ символы ABD, ABE и ABF въ одну группу, которую мы обозначаемъ какъ non-ABC... Это простѣйшій случай отрицанія. Смыслъ его съ этой стороны таковъ: въ данное соединеніе ABC не входятъ признаки D, E, F... или эти признаки отсутствуютъ въ данномъ соединеніи. Поэтому, отрицаніе въ этой его формѣ можетъ быть сведено къ констатированію различія между двумя величинами; оно не есть ни выводъ изъ различія, ни толкованіе его, а только иное *словесное* выраженіе для того же самаго факта, который констатированъ въ формѣ различія; ибо сказать, что въ двухъ сравниваемыхъ величинахъ такіе-то элементы сходны, а такіе различны, это, значитъ, сказать, что первые присутствуютъ въ обѣихъ величинахъ, а такіе-то присутствуютъ только въ одной изъ нихъ, а въ другой, значитъ, отсутствуютъ. Отсюда видно, что отрицаніе такъ же, какъ и констатированіе сходства и несходства, предполагаетъ только способность нашего интеллекта къ *различенію и сравненію*.

Точно такой же характеръ носитъ отрицаніе и въ томъ случаѣ, когда сравниваемыми величинами являются не два различныхъ комплекса элементовъ, а одинъ и тотъ же комплексъ элементовъ въ различные моменты времени. Если въ теченіе извѣстнаго времени въ комплексѣ всѣ элементы

остались на лицо кромѣ одного, то констатированіе этого различія между двумя послѣдовательными состояніями одной и той же психической величины, также можетъ выразиться въ формѣ: „въ данномъ комплексѣ *нѣтъ* такого-то признака".

Тѣ же самые результаты получаются и при сравненіи двухъ символовъ съ той только разницей, что констатированіе различія выразится въ болѣе категорической формѣ: „въ данное понятіе такой то признакъ не входитъ". Предѣльной формой отрицанія, въ этомъ отношеніи, очевидно, будетъ тотъ случай, когда при измѣненіи состоянія извѣстной вещи исчезаетъ не одинъ признакъ, а всѣ, т. е. когда самая вещь исчезнетъ. Тогда мы говоримъ, что данная вещь не существуетъ, или въ положительной же формѣ: вмѣсто данной вещи мы имѣемъ „*ничто*"; совершенно ясно, что „ничто" есть только положительная форма, несоотвѣтствующая какому-нибудь реальному существованію, т. е., значитъ, „ничто" есть слово для обозначенія того случая, когда данное соединеніе признаковъ, данная комбинація распалась, ибо отдѣльные элементы исчезнуть не могутъ, а могутъ только войти въ новыя комбинаціи съ другими элементами.

Изъ всего этого анализа вытекаетъ, что, вообще, *отрицаніе есть понятіе, соотвѣтствующее не реальному процессу, а извѣстной умственной операціи, представляющей только извѣстную модификацію процессовъ различенія и сравненія.* Отрицать можетъ только наше мышленіе, отрицать же другъ друга реальныя явленія и процессы могутъ только въ *переносномъ* смыслѣ. Такъ, напр., когда говорятъ, что два ощущенія отрицаютъ другъ друга, то это значитъ или, что они не могутъ существовать вмѣстѣ, или же, что существуя вмѣстѣ, они въ соединеніи даютъ нуль. Почему же мы говоримъ въ этихъ

случаяхъ, что эти ощущенія отрицаютъ другъ друга? Потому что мы переносимъ результатъ ихъ соединенія на самыя ощущенія, а именно, въ первомъ случаѣ мы пробуемъ ихъ соединять мысленно и убѣждаемся, что они *вмѣстѣ* существовать не могутъ, и что можетъ существовать отдѣльно либо одно, либо другое; значитъ, тутъ *мы* отрицаемъ существованіе одного изъ нихъ, но говоримъ, что одно ощущеніе отрицаетъ другое, а во второмъ мы имѣемъ дѣло съ противоположными элементами и въ результатѣ оба соединенныя ощущенія перестаютъ существовать, т. е. *мы* должны отрицать ихъ существованіе. Точно также, если мы говоримъ, что одно *понятіе* отрицаетъ другое, то это значитъ либо, что они вмѣстѣ, т. е. одновременно, существовать не могутъ, либо, что они противоположны, т. е. въ результатѣ сложенія даютъ нуль. Къ числу такихъ противоположныхъ понятій, очевидно, принадлежатъ и сами понятія „отрицать“ и „утверждать“. Отрицаніе и утвержденіе суть умственныя операціи, имѣющія въ своемъ основаніи операціи различенія. Актъ различенія можетъ быть, согласно предыдущему, выраженъ также и въ такой общей формулѣ: „А не есть non—А“, гдѣ подъ non—А, разумѣется или *все* другое, отличное отъ А, или же, въ частности, *извѣстныя* категоріи явленій. Если мы подъ А будемъ разумѣть какой-нибудь символъ, то тогда подъ non-А мы будемъ разумѣть всякое другое понятіе, отличное отъ перваго. Для того, чтобы изъ А получить отличное отъ него понятіе, достаточно, чтобы въ содержаніе его вошелъ хотя бы одинъ признакъ, который не входитъ въ содержаніе А. Поэтому, если содержаніе А составляютъ признаки a, b, c, d, то процессъ отрицанія сводится констатаціи того, что въ содержаніе понятія А не входятъ признаки e,

f, g, h, что выразится въ формулѣ: А не есть (e, f, g, h,...), которая совершенно тождественна по смыслу съ формулой: А=У (a, в, c, d...).

Если же мы говоримъ, что признаки e, f, g, h *входятъ* въ содержаніе А, т.-е. *утверждаемъ* этотъ фактъ, то, очевидно, операція эта прямо противоположна отрицанію этого факта; потому что, если мы сначала включимъ въ содержаніе А признаки e, f, g, h..., а потомъ ихъ исключимъ, то въ результатѣ получимъ нуль. Въ самомъ дѣлѣ, сложеніе формулъ А=non У (e, f, g, h,) и А=У (e, f, g, h) даетъ въ итогѣ 0. Это значитъ, что въ *дѣйствительности* признаки e, f, g, h не могутъ и *входить и не входить* въ содержаніе А, ибо 0 есть ничто, а „ничто“ равно „несуществованію“.

Точно также мы не можемъ себѣ и *представить* въ воображеніи такого случая, когда въ наше конкретное представленіе *одновременно* входили бы и не входили одни и тѣ же признаки. Поэтому всякая попытка представить это сопровождается особымъ чувствомъ, которое называется чувствомъ противорѣчія. Но точно такое же чувство, хотя и въ болѣе слабой степени, вызываетъ въ насъ и всякая попытка представить себѣ данное ощущеніе въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно дано, т.-е. въ тѣхъ же условіяхъ времени и пространства, даннымъ вмѣстѣ съ другимъ отличнымъ отъ него ощущеніемъ той же системы; или, другими словами, въ данномъ комплексѣ каждый изъ простыхъ, составляющихъ его, элементовъ не можетъ быть данъ *въ одно время* и *въ одномъ мѣстѣ* съ другимъ. Такъ мы можемъ представить себѣ какое-нибудь физическое тѣло, различныя части котораго окрашены въ различные, хотя бы даже наиболѣе контрастирующіе между собой, цвѣта, но мы не можемъ себѣ

представить тѣло, отдѣльныя части котораго были бы *одновременно* окрашены въ *два* различные цвѣта, т.-е. такъ, чтобы та часть его, которая окрашена въ красный цвѣтъ, была бы въ то же время голубого цвѣта или, что то же самое, тѣло одновременно могло имѣть круглую и четыреугольную форму. Это явленіе въ области конкретнаго представляетъ собой лишь выводъ изъ той же основной способности различенія, которая является исходнымъ пунктомъ всякой психической дѣятельности. Всякое данное намъ ощущеніе отлично отъ всѣхъ другихъ, т.-е. намъ *не* дано въ *тѣхъ же самыхъ условіяхъ* другое ощущеніе; поэтому утверждать, что въ то же самое время и въ томъ же самомъ мѣстѣ намъ дано другое ощущеніе, значитъ утверждать, что данное ощущеніе существуетъ и не существуетъ одновременно. Такимъ образомъ, и этотъ случай сводится къ предыдущему.

Третій случай возникновенія чувства противорѣчія, хотя въ еще болѣе слабой степени, чѣмъ во второмъ, имѣетъ мѣсто тогда, когда на опытѣ намъ встрѣтится такое соединеніе двухъ элементовъ, которое, не будучи немыслимо само по себѣ, въ то же время отличается отъ обычнаго, *привычнаго* для насъ соединенія, т.-е. такого соединенія, которое отлилось уже въ форму общаго представленія или символа. Чувство противорѣчія это выражено въ большей или меньшей степени, смотря по тому, насколько часто встрѣчаются вмѣстѣ въ дѣйствительности соединенные въ одинъ символъ элементы; напримѣръ, представленіе говорящей человѣческимъ языкомъ рыбы (сказка о рыбакѣ и рыбкѣ) не такъ противорѣчиво, какъ ворота, которыя лаютъ, какъ собака. Поэтому, если въ сказкахъ рыба говоритъ человѣческимъ голосомъ, то это не кажется намъ такимъ абсурдомъ, какъ

лающія ворота въ извѣстныхъ шуточныхъ стихахъ („ѣхала деревня мимо мужика, вдругъ изъ-подъ собаки лаютъ ворота“); но ни въ шутку, ни въ сказкѣ, ни въ воображеніи никто еще не получалъ такихъ соединеній, какъ ножъ безъ ручки и клинка или четыреугольная окружность.

Изложеннымъ доказывается, что чувство противорѣчія коренится, въ концѣ концовъ, въ томъ, что мы одновременно утверждаемъ и отрицаемъ существованіе въ данномъ комплексѣ одного и того же элемента; это чувство, очевидно, есть чувство разлада съ дѣйствительностью, въ которой данный элементъ въ данномъ комплексѣ можетъ въ одно и то же время *или* существовать, *или* не существовать. Другими словами, это есть конфликтъ между нашими представленіями и дѣйствительностью. Очевидно, что, пока мы остаемся вѣрными положенію, что мышленіе есть приспособленіе нашихъ представленій къ фактамъ, рѣшеніе должно быть въ пользу дѣйствительности, т.-е. мы должны изъ двухъ противорѣчащихъ комбинацій выбрать одну. Въ этомъ и заключается всякое разрѣшеніе противорѣчія, которое, такимъ образомъ, является главнымъ показателемъ, что въ нашихъ представленіяхъ что нибудь не ладно, есть гдѣ-нибудь ошибка, которую нужно исправить. Какое изъ двухъ противорѣчащихъ представленій должно быть устранено, это разрѣшается только опытомъ.

Другой выводъ, вытекающій изъ нашего анализа, заключается въ томъ, что въ *самихъ фактахъ* противорѣчія не можетъ быть. Это вполнѣ совпадаетъ съ первоначальнымъ смысломъ слова „противорѣчіе“. „Противорѣчіе“, очевидно, это такое разногласіе съ высказываніяхъ (реченіяхъ) двухъ индивидовъ, когда сужденія ихъ исклю-

чаютъ другъ друга, ибо входящій въ составъ слова терминъ „противъ“ указываетъ на элементъ борьбы между друмя „реченіями“, который основывается на предположеніи, что борьба должна окончиться побѣдой, торжествомъ одного изъ конкурирующихъ элементовъ. Замѣчательно, что такой же этимологическій характеръ носятъ термины, обозначающіе „противорѣчіе“ почти на всѣхъ языкахъ (Widerspruch, contradiction и т. д.). Отсюда слѣдуетъ, что, если мы говоримъ о противорѣчіяхъ въ фактахъ, то говоримъ *метафорически*, перенося на отношенія *вещей* наблюдаемыя въ области сужденій отношенія, какъ это будетъ показано ниже при разборѣ приводимыхъ Гегелемъ и Энгельсонъ образчиковъ противорѣчій въ фактахъ.

Провозглашеніе противорѣчія основнымъ принципомъ мышленія, столь же законнымъ, какъ и противоположный ему принципъ, равняется, поэтому, акту духовнаго самоубійства, отказу отъ мышленія; а такъ какъ мышленіе имѣетъ задачей оріентированіесреди фактовъ дѣйствительности, то, отказываясь отъ мышленія, мы лишаемся единственнаго критерія, при помощи котораго мы можемъ отличить иллюзію отъ дѣйствнтельности. *Если* существуетъ правильное мышленіе и *пока* оно существуетъ, его регулятивнымъ принципомъ должно быть не противорѣчіе, а *исключеніе* противорѣчія, какъ оборотная сторона принципа тождества. Съ принципомъ тождества, согласно которому объектъ мышленія, величина, надъ которой оперируетъ мышленіе, должна оставаться во все время операціи одинаковой, долженъ быть поставленъ на одну доску принципъ исключеннаго противорѣчія, согласно которому ни одинъ объектъ мышленія не можетъ быть *одновременно* и этимъ объектомъ и

другимъ. Конечно, мышленіе, совершенно свободное отъ противорѣчія, есть только идеалъ, къ которому мы должны по возможности приближаться; но изъ того, что мы очень далеки отъ него, какъ въ прошломъ мысли, такъ и въ настоящемъ, отнюдь не слѣдуетъ, что мы должны отказаться отъ борьбы съ противорѣчіемъ; вѣдь изъ того факта, что ни одинъ человѣкъ не можетъ считаться идеально здоровымъ, и что болѣзнь есть явленіе обычное, не вытекаетъ, что надо смотрѣть на болѣзнь, какъ на явленіе, съ которымъ не стоитъ бороться.

Но въ то же время отсюда вытекаетъ, что принципъ исключенія противорѣчія не есть законъ нашего мышленія, а только норма, постулатъ, т.-е. правило, требованіе, которое мы должны соблюдать, *если* желаемъ достигнуть намѣченныхъ цѣлей. Поэтому, этотъ принципъ обязателенъ лишь для того, кто признаетъ, что мышленіе имѣетъ характеръ утилитарный, а не есть дѣятельность самодовлѣющая.

Но именно этого то и не признаетъ Гегель. Въ противоположность Канту, который исходитъ изъ противопоставленія міра субъективнаго міру объективному и ограничиваетъ роль субъекта способностью приводить въ извѣстную систему или упорядочивать матеріалъ, доставляемый объектами, Гегель исходнымъ пунктомъ своей философіи избралъ утвержденіе о полномъ единствѣ всего существующаго, т.-е. объективнаго и субъективнаго. Какъ чувственный міръ, такъ и сознаніе въ его глазахъ суть лишь реализаціи или манифестаціи *третьяго* начала, стоящаго *надъ* субъектомъ и объектомъ. Это третье начало, которое одно дѣйствительно существуетъ, есть „общее“ (das Allgemeine). Бытіе и мышленіе съ этой точки зрѣнія

тождественны (identisch), ибо, если только „общее“ обладаетъ истиннымъ и дѣйствительнымъ бытіемъ, и если въ то же время это „общее“, какъ таковое, можетъ получить свое осуществленіе только черезъ мышленіе, въ мышленіи, то мышленіе и бытіе суть одно и то же. Но это тождество мышленія и бытія недоступно простому разсудку (Verstand), ибо этотъ послѣдній не можетъ итти дальше фиксированія противоположности между субъектомъ и объектомъ, разумъ же (Vernunft) выходитъ за предѣлы этого противоположенія, преодолѣваетъ его и достигаетъ сознанія тождества обоихъ членовъ противопоставленія. Далѣе, „общее“, какъ таковое, можетъ мыслиться только, какъ *понятіе* (Begriff), а, съ другой стороны, понятіе есть единственная и необходимая *форма*, въ которой можетъ проявиться мышленіе. Слѣдовательно, абсолютное тождество бытія и мышленія можетъ осуществиться также только въ понятіи и какъ понятіе; для Гегеля, поэтому, логическое понятіе—это все; кромѣ понятія—нѣтъ ничего; понятіе есть и субстанція и субъектъ; дѣйствительный міръ не содержитъ ничего, кромѣ логическаго понятія; нелогическое такъ же невозможно, какъ и бытіе, которое существовало бы *до* понятія, *до* мышленія; логическимъ мышленіемъ исчерпывается все; если бы *рядомъ* съ мышленіемъ мы предположили еще нѣчто, что мыслитъ, то этимъ самымъ мы допустили бы, что существуетъ еще нѣчто сверхъ и помимо мышленія, ибо тогда мышленіе было бы только дѣятельностью этого „нѣчто“. Отсюда новое положеніе, какъ слѣдствіе: мышленіе должно *мыслить само себя*, т.-е. понятіе само есть тотъ субъектъ, который творитъ мышленіе; этимъ устраненіемъ субъекта изъ процесса мышленія или,

что то же, этимъ провозглашеніемъ понятія, какъ мыслящаго субъекта, постулируется самостоятельное, спонтанное движеніе понятія, а такъ какъ понятіе въ процессѣ своего движенія слѣдуетъ только присущей *ему* природѣ, то въ самостоятельномъ движеніи и выражается *природа* понятія. Въ виду же того, что при такихъ условіяхъ понятіе одновременно и двигатель и движимое, движеніе понятія должно быть *непрерывно* и *безконечно*; если бы мы предположили, что движеніе понятія можетъ пріостановиться хотя бы на одинъ моментъ, то мы должны были бы предположить, что для возобновленія процесса движенія идеи нужна движущая сила, лежащая внѣ понятія. Но текучесть понятія, находящагося въ состояніи непрерывнаго движенія, равносильна упраздненію принципа тождества, ибо принципъ тождества предполагаетъ опредѣленность, отдѣльность, раздѣленіе моментовъ развитія; упраздненіе принципа тождества, въ свою очередь, неизбѣжно ведетъ къ упраздненію принципа противорѣчія, какъ тѣсно съ нимъ связаннаго; а такъ какъ принципъ противорѣчія заключается въ томъ, что одной и той же вещи (субъекту) не могутъ быть приписаны въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же направленіи два различныхъ признака (предиката), то вмѣсто принципа исключенія противорѣчія Гегель провозглашаетъ противоположный принципъ—принципъ полной законности и раціональности противорѣчія; эту раціональность противорѣчія Гегель представляетъ себѣ въ видѣ противорѣчивости каждаго понятія (идеи), какъ его необходимаго и неизбѣжнаго свойства, не позволяющаго понятію оставаться въ покоѣ и вынуждающаго его искать новыхъ формъ своего существованія, которыя бы положили конецъ его

состоянію раздвоенія, обусловеннаго его противорѣчивой природой. Поэтому, нормальнымъ состояніемъ понятія является его постоянный переходъ отъ даннаго состоянія къ его противоположности, отъ этой послѣдней къ новому понятію, которое объединяетъ противоположныя состоянія въ высшее и болѣе богатое содержаніемъ, въ которомъ противорѣчіе было бы не устранено, а примирено. Вопросъ, почему процессъ движенія понятія подчиняется именно такому тріадическому ритму, а не другому, у Гегеля прямого разрѣшенія не находитъ, да и не можетъ найти, ибо *формы* движенія понятія, съ точки зрѣнія Гегеля, такъ же апріорны, какъ и самый принципъ. Этотъ вѣчный и постоянно возобновляющійся ритмическій процессъ перехода отъ тезиса къ антитезису и отъ послѣдняго къ синтезу дѣйствуетъ всегда и всюду, а, слѣдовательно, также и въ области нашего сознанія; это послѣднее, поэтому, есть лишь одинъ изъ моментовъ того же процесса развитія понятія, который развертывается передъ нашимъ умственнымъ взоромъ совершенно объективно, безъ всякаго участія нашего сознанія. *Этотъ имманентный понятію процессъ саморазвитія и есть то, что называютъ діалектическимъ методомъ Гегеля.* Въ представленіи Гегеля этотъ процессъ саморазвитія принимаетъ такія конкретныя формы.

Обыденный умъ, разсудокъ оперируетъ при помощи твердыхъ, односторонніхъ понятій, руководствуясь формальными законами мышленія, т.-е. законами тождества и противорѣчія. Если мы возьмемъ любое изъ такихъ понятій разсудка и станемъ разсматривать его ближе, то увидимъ, что оно не можетъ постоянно оставаться и никогда не остается равнымъ себѣ, но прорываетъ указанныя ему разсудкомъ границы вслѣдствіе

заключеннаго въ немъ противорѣчія; выйдя за свои предѣлы, понятіе, конечно, должно уничтожить, упразднить само себя и продолжать начатое такимъ образомъ отрицательное движеніе до его естественнаго предѣла, т.-е. до тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ понятіе, составляющее полную противоположность перваго. Но и это послѣднее, подобно первому, своей противорѣчивой природой побуждается къ поискамъ новыхъ формъ, поэтому съ нимъ происходитъ то же, что и съ первымъ; оно также и точно такимъ же образомъ уничтожаетъ само себя и превращается въ новую свою противоположность. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что, если разсудку на время удержать первоначальное, одностороннее значеніе понятія, то это только благодаря тому, что онъ *насильственно* отстраняетъ отъ себя его противоположность [1]) и при помощи такого субъективно-произвольнаго акта парализуетъ понятіе въ свойственномъ его природѣ стремленіи къ объективному движенію.

Отсюда вытекаетъ далѣе, что истинная природа, сущность понятія заключается не въ односторонних опредѣленіяхъ разсудка, но въ присущемъ ему свойствѣ быть столько же самимъ собой, сколько и своей противоположностью. Такимъ образомъ, постоянная непрерывная измѣнчивость, безконечное движеніе понятія есть только *вторичное* свойство идеи, продуктъ первичнаго его свойства— внутренней раздвоенности или противорѣчивости. „Der Widerspruch ist das Fortleitende". „Не противорѣчіе возникаетъ изъ движенія, а движеніе изъ противорѣчія [2]); противорѣчіе содержится уже

---

[1]) Hegels Werke, VI, S. 178, Z. 7—9.

[2]) Т. ж. стр. 68 Z. 13—16.

въ каждомъ изъ односторонних̀ъ опредѣленій, одинаково безсильное успокоиться и найти свое единство; это единство оно находитъ *лишь въ движеніи*, т. к. оно въ своей противоположности соединяется, въ сущности, только съ самимъ собой, хотя и въ новой формѣ; эта новая *форма*, такимъ образомъ, знаменуетъ въ то же время тождество содержанія. Тождество это, однако, не есть то жалкое абстрактное разсудочное тождество, которое свойственно *разсудочному* понятію въ навязанной ему *разсудкомъ* неизмѣнности, но конкретное тождество разума (Vernünftidentität), которое заключаетъ въ себѣ все разнообразіе устраненнаго противорѣчія, т.-е. въ одно и то же время уничтоженнаго и сохраненнаго. Тождество понятія съ его противоположностью нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что понятія, противоположныя въ одномъ отношеніи, могутъ быть тождественны въ другомъ; нѣтъ, понятія тождественны въ *томъ самомъ* отношеніи, къ которомъ они противополагаются другъ другу; именно потому, что они противоположны и противоположны абсолютно, они идентичны и идентичны также абсолютно. Однимъ словомъ, абсолютное противорѣчіе есть абсолютное тождество, и истина заключается въ одновременности тождества и противорѣчія, почему всѣ усилія разсудка охватить истину въ формѣ одного *сужденія* или положенія осуждены неизбѣжно оставаться тщетными. Но достиженіемъ разумнаго тождества противорѣчивыхъ понятій не исчерпывается и не заканчивается процессъ саморазвитія понятія, такъ какъ конкретное единство противоположностей образуетъ своимъ сочетаніемъ новое понятіе, которое, какъ таковое, должно заключать въ себѣ свое *новое* противорѣчіе и, такимъ образомъ, вынуждено повторить описанный процессъ движенія

до полученія завершающаго этотъ циклъ высшаго понятія и т. д. Словомъ, ученіе о саморазвитіи идеи есть своеобразная реставрація ученія переселенія душъ (метемпсихозъ) съ той разницей, что прохожденіе душей ступеней воплощенія въ разныя формы подчинено извѣстному трехтактному ритму и что процессъ переселенія не имѣетъ конца. Абсолютный принципъ философіи — логическое понятіе — не можетъ, по Гегелю, быть полученъ путемъ непосредственнаго интеллектуальнаго созерцанія, какъ это ошибочно полагали Шеллингъ и Фихте; добраться до него мы можемъ, только предварительно пройдя ступень анализа непосредственно намъ даннаго. Это послѣднее мы должны растворить мысленно въ понятія; только тогда, когда *все* непосредственно намъ данное мы претворили въ понятія, мы можемъ считать предварительную *аналитическую* работу оконченной и приступить къ *систематической*, которая и составляетъ истинную задачу философіи. Систематическая обработка данныхъ эмпирическихъ наукъ заключается въ томъ, чтобы построить все сущее изъ полученныхъ ранѣе понятій *апріорнымъ* путемъ имманентнаго саморазвитія, имманентной діалектикой логическаго понятія и постигнуть, такимъ образомъ, всѣ вещи въ ихъ внутренней *необходимости, всеобщности и безконечности.*

Такимъ образомъ, для Гегеля законъ діалектическаго саморазвитія понятій представляетъ въ то же время апріорный универсальный законъ развитія міра.

Для сторонника опытной науки, каковымъ, прежде всего, является марксистъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что законы развитія природы и человѣческихъ обществъ не могутъ быть выведены путемъ апріорныхъ построеній, но что они

могутъ быть добыты только опытнымъ, апостеріорнымъ путемъ, т.-е. путемъ обработки и обобщенія опытныхъ данныхъ. Если въ нѣкоторыхъ областяхъ человѣческаго знанія, какъ въ біологіи, и теперь уже представляется возможнымъ формулировать нѣкоторыя общія формы развитія, то въ другихъ мы не имѣемъ ничего, кромѣ самыхъ робкихъ попытокъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что не можетъ быть и рѣчи о возможности вполнѣ научно формулировать общіе законы и формы развитія, т.-е. такіе законы и формы, которые общи для всѣхъ *видовъ* развитія. Это не значитъ, конечно, что не было сдѣлано попытокъ построить такія общія схемы развитія. Однѣ изъ нихъ носятъ совершенно апріорный характеръ, какъ гегелевская діалектика; другія, какъ спенсеровская теорія развитія, исходя изъ принципіальнаго осужденія апріорныхъ методовъ изслѣдованія, стремятся оставаться на почвѣ фактовъ, но вносятъ въ свои построенія, незамѣтно для ихъ авторовъ, не мало метафизическихъ элементовъ, не говоря о произвольномъ обращеніи съ фактами и всевозможныхъ натяжкахъ. Разумѣется, тотъ фактъ, что данная гипотеза всеобщаго развитія имѣетъ апріорное происхожденіе, еще недостаточенъ самъ по себѣ, чтобы признать ее совершенно лишенной всякой научной цѣнности. Въ исторіи мысли мы имѣемъ не мало примѣровъ, когда геніальнымъ мыслителямъ удавалось, несмотря на совершенно спекулятивный характеръ ихъ ученій, предвосхитить нѣкоторыя открытія научной мысли (правда, всегда въ очень смутной и окутанной въ туманъ метафизической дымки формѣ). Въ чемъ заключается секретъ такой геніальной прозорливости, для насъ не важно, а важенъ вытекающій отсюда выводъ, что мы но

можемъ отбросить въ сторону, какъ совершенно фантастическое произведеніе ума, данную гипотезу только потому, что она получена не эмпирическимъ путемъ. Какъ же должны мы съ этой точки зрѣнія оцѣнивать Гегелевскія схемы діалектическаго развитія?

Энгельсъ, какъ извѣстно, видѣлъ въ нихъ „широко дѣйствующій и важный законъ развитія природы, исторіи и мышленія". Въ XI гл. „Анти-Дюринга" онъ пишетъ: „О полной недостаточности пониманія природы діалектики свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что г. Дюрингъ считаетъ ее орудіемъ простого доказательства подобно тому, какъ при ограниченномъ воззрѣніи можно представить себѣ формальную логику или элементарную математику. Даже формальная логика представляетъ, прежде всего, методъ для отыскиванія новыхъ результатовъ, для перехода отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и то же самое, только въ гораздо болѣе высокомъ смыслѣ, представляетъ діалектика, которая къ тому же содержитъ въ себѣ зародышъ болѣе широкаго мировоззрѣнія, такъ какъ она прорываетъ тѣсный горизонтъ формальной логики. Въ математикѣ существуетъ такое же отношеніе. „...." Но что такое, все-таки, это ужасное отрицаніе отрицанія, которое такъ отравляетъ жизнь г. Дюринга, которое у него играетъ ту же роль неискупимаго преступленія, какую у христіанъ играетъ прегрѣшеніе противъ Духа святаго. Это очень простая, повсюду ежедневно совершающаяся процедура, которую понять можетъ всякій ребенокъ, если только сорвать ту мистическую ветошь, въ которую ее закутывала старая идеалистическая философія, и въ которой оставлять ее въ интересѣ безпомощныхъ метафизиковъ, вродѣ г. Дюринга. „....." Итакъ, что такое отри-

цаніе отрицанія? Весьма общій и, именно потому, весьма широко дѣйствующій и важный законъ развитія природы, исторіи и мышленія; законъ, который, какъ мы видѣли, проявляется въ царствѣ животномъ и растительномъ, въ геологіи, въ математикѣ, въ исторіи, въ философіи. Діалектика же есть не болѣе, какъ наука о всеобщихъ законахъ движенія и развитія природы, человѣческаго общества и мышленія".

Итакъ, діалектика не есть „орудіе простого доказательства", а методъ для отыскиванія новыхъ результатовъ, для перехода отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и „наука о всеобщихъ законахъ движенія и развитія природы, человѣческаго общества и мышленія". Въ качествѣ новаго научнаго метода діалектика противополагается формальной логикѣ, но только до извѣстной степени, такъ какъ „даже формальная логика представляетъ прежде всего методъ для „отыскиванія новыхъ результатовъ".

Въ чемъ заключается этотъ „методъ для отыскиванія новыхъ результатовъ" и „всеобщій законъ движенія и развитія?" Это — приципъ отрицанія отрицанія, который „проявляется въ царствѣ животномъ и растительномъ, въ геологіи, въ математикѣ, въ исторіи, въ философіи".

На примѣрахъ, взятыхъ изъ всѣхъ этихъ областей, Энгельсъ иллюстрируетъ *особенные* способы проявленія процесса отрицанія. Послѣдуемъ за нимъ:

„Возьмемъ, напр., ячменное зерно. Билліоны такихъ зеренъ размалываются, развариваются, идутъ на приготовленіе пива, а затѣмъ потребляются. Но если одно такое ячменное зерно найдетъ нормальныя для себя условія или попадетъ на благопріятную почву, то подъ вліяніемъ теп-

лоты и влажности съ нимъ произойдетъ измѣненіе, оно дастъ ростокъ, зерно, какъ таковое, исчезаетъ, отрицается; на мѣсто его появляется выросшее изъ него растеніе, отрицаніе зерна. Но каковъ нормальный круговоротъ жизни этого растенія? Оно растетъ, цвѣтетъ, оплодотворяется и, наконецъ, производитъ вновь ячменныя зерна, и какъ только послѣднія созрѣютъ, стебель отмираетъ, отрицается въ свою очередь. Какъ результатъ этого отрицанія, мы здѣсь имѣемъ снова первоначальное ячменное зерно, но не одно, а самъ-десять, самъ двадцать или тридцать. Хлѣбные знаки измѣняются крайне медленно, такъ что современный ячмень совершенно подобенъ ячменю прошлаго вѣка. Но возьмемъ какое-нибудь пластическое садовое растеніе, напримѣръ, далію или орхидею; если мы будемъ искусственно воздѣйствовать на сѣмя и развивающееся изъ него растеніе, то, какъ результатъ этого отрицанія, отрицанія мы получимъ не только бо̀льшее количество сѣмянъ, но и качественно улучшенное сѣмя, которое производитъ болѣе красивые цвѣты, и каждое повтореніе этого процесса, каждое новое отрицаніе отрицанія увеличиваетъ это совершенство. Такъ же, какъ и съ ячменнымъ зерномъ, процессъ этотъ совершается и у большинства насѣкомыхъ, какъ, напримѣръ, бабочекъ. Онѣ появляются изъ яичка путемъ отрицанія его, проходятъ черезъ различныя фазы превращенія до половой зрѣлости, совокупляются и вновь отрицаются, умирая, какъ только завершился процессъ продолженія рода, и самки положили множество яицъ. Что у другихъ растеній и животныхъ процессъ разрѣшается не такъ просто, что они не единожды, но много разъ производятъ сѣмена, яйца или дѣтенышей, прежде чѣмъ умрутъ, все это насъ,

здѣсь не касается; намъ только нужно было показать, что отрицаніе отрицанія *дѣйствительно* происходитъ въ обоихъ царствахъ органическаго міра". Итакъ, первый этапъ этого процесса—превращеніе зерна въ растеніе, въ теченіе котораго а) съ зерномъ произойдетъ измѣненіе (оно дастъ ростокъ), б) зерно, какъ таковое, исчезаетъ, отрицается; в) на мѣсто его появляется выросшее изъ него растеніе=отрицанію зерна.

Попробуемъ на минуту отрѣшиться отъ гипноза діалектической схемы и прослѣдимъ шагъ за шагомъ, какъ совершался въ дѣйствительности этотъ процессъ. Зерно, благодаря тому, что попало въ благопріятныя условія, дало ростокъ. При этомъ подвергаются измѣненію не только зерно, но и почва и атмосфера, которыя дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ другъ на друга. Выраженіе „зерно дало ростокъ" означаетъ, что въ комплексѣ „зерно" нѣкоторые элементы выбыли, а оставшіеся соединились съ новыми, вновь вступившими въ этотъ комплексъ, при чемъ, конечно, не остались безъ измѣненія и ихъ взаимныя отношенія; съ другой стороны, нѣкоторые изъ тѣхъ элементовъ, которые входили раньше въ комплексъ зерна, покинувши его, вступили въ новое соединеніе съ нѣкоторыми элементами, которые раньше входили въ составъ комплексовъ „почва" и „воздухъ". Это новое соединеніе и есть ростокъ. Разсматриваемый со стороны механической, весь этотъ процессъ сводится къ тому, что вмѣсто одной системы относительно—устойчиваго равновѣсія (зерно), мы получимъ путемъ постепенныхъ измѣненій этой системы новую систему такого же относительно—устойчиваго равновѣсія.

Если далѣе захотимъ охарактеризовать весь этотъ процессъ съ точки зрѣнія закона превра-

щенія вещества и энергіи, мы должны сказать, что произошла замѣна извѣстныхъ формъ вещества и энергіи другими формами. Такимъ образомъ, ни съ точки зрѣнія особенныхъ формъ всеобщаго движенія, ни съ точки зрѣнія общихъ свойствъ всѣхъ этихъ формъ, мы не видимъ тутъ никакого отрицанія. Поэтому, первая стадія этого закона отрицанія отрицанія — зерно пустило ростокъ — для своего объясненія не нуждается въ понятіи отрицанія, съ какихъ бы точекъ зрѣнія мы не разсматривали этотъ процессъ. Самая общая точка зрѣнія — точка зрѣнія всеобщаго движенія — привела насъ только къ понятію превращеній вещества и энергіи. Поэтому, если всеобщее движеніе и всеобщее развитіе одно и то же то для описанія какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ формъ всеобщаго движенія понятіе отрицанія не только излишне, но и совершенно чуждо извѣстнымъ до сихъ поръ въ наукѣ представленіямъ.

Перейдемъ ко второй стадіи процесса отрицанія отрицанія: изъ ростка развивается растеніе, а зерно исчезаетъ. Если мы будемъ продолжать разсматривать и этотъ процессъ съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, то ничего принципіально новаго, въ сравненіи съ первымъ, не откроемъ, кромѣ развѣ того, что комплексъ „зерно“ измѣнился не только въ томъ смыслѣ, что *нѣкоторые* изъ составлявшихъ его элементовъ выбыли изъ соединенія, но что этой участи подвергались *всѣ* элементы и соединеніе „зерно“, значитъ, распалось совсѣмъ. Куда же эти элементы дѣвались? Очевидно, часть ихъ вошла въ комплексъ „ростокъ растенія“, но только обогащенный новыми элементами и съ измѣнившимися взаимными отношеніями старыхъ и новыхъ элементовъ. Итакъ, значитъ, у насъ есть

новая черта въ процессѣ—это исчезновеніе комплекса „зерно“, но совершенно ясно, что съ нашей точки зрѣнія это новое явленіе—исчезновеніе комплекса—только *количественно*, а не *принципіально* отличается отъ знакомаго уже намъ явленія—выбытія нѣкоторыхъ элементовъ изъ комплекса. У Энгельса же этой формѣ измѣненія придается особое, таинственное значеніе: зерно исчезаетъ—*отрицается* и *отрицаетъ* его новый комплексъ—растеніе. Но что значитъ, что растеніе *отрицаетъ* зерно, и что это обозначеніе можетъ прибавить къ извѣстной уже намъ характеристикѣ отношенія новаго комплекса къ прежнему, Энгельсъ не объясняетъ. Все отношеніе новаго комплекса „растеніе“ къ прежнему „зерно“, съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали его, выражается лишь въ томъ, что 1) первый комплексъ элементовъ распался; 2) нѣкоторые изъ элементовъ, входившіе въ первый комплексъ, вошли также и во вновь образовавшійся—„растеніе“ *Но эти черты свойственны всѣмъ процессамъ измѣненія въ природѣ.* Всякое измѣненіе сводится, въ сущности, къ тому, что элементы, входящіе въ составъ одного комплекса, одной группы, выбываютъ изъ нея и переходятъ въ другую. *Полное распаденіе группы есть только частный случай такого измѣненія, принципіально отъ него ничѣмъ не отличающійся.* Таковы *общія* черты всѣхъ измѣненій въ природѣ. Очевидно, что спеціальныя формы измѣненій могутъ дать основаніе только для вопроса, *какіе* элементы выбываютъ, какъ они входятъ въ новыя соединенія и какія при этомъ происходятъ перемѣны въ зависимости элементовъ другъ отъ друга. Далѣе, очевидно, что, если есть какое-либо различіе между всеобщими законами измѣненія или движенія и закономъ развитія (а, по нашему мнѣнію, оно несо-

мнѣнно существуетъ),—то законъ развитія долженъ быть *частнымъ случаемъ* всеобщаго движенія и, слѣдовательно, онъ долженъ формулировать нѣкоторыя спеціальныя формы измѣненія и соединенія элементовъ. Приблизимся ли мы хотя бы на одну іоту къ пониманію этихъ спеціальныхъ формъ движенія, если мы скажемъ, что въ нашемъ примѣрѣ растеніе „отрицаетъ" зерно. Не совершеннно ли это одинаково по смыслу съ выраженіемъ; „зерно исчезло, а растеніе возникло", если только мы не будемъ понимать термины „отрицаетъ" буквально, т.-е. въ томъ смыслѣ, что растеніе является какимъ то активнымъ существомъ, которое уничтожаетъ, отрицаетъ зерно. Отъ такого пониманія открещивается и самъ Энгельсъ, прекрасно понимая, что такое толкованіе равносильно было бы самому грубому пріему объясненія, именно антропоморфизму. Въ самомъ дѣлѣ, не значило бы это впасть въ самый первобытный анимизмъ,—говорить, что растеніе отрицаетъ зерно въ томъ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ человѣкъ отрицаетъ дѣйствительность какого нибудь событія, отрицаетъ существованіе Бога и т. д. Очевидно, здѣсь терминъ „отрицать" можетъ имѣть только значеніе метафоры, основанной на нѣкоторой поверхностной аналогіи между процессами отрицанія и процессомъ уничтоженія или исчезновенія. Эта аналогія сводится къ тому, что, какъ результатомъ отрицанія является „небытіе" извѣстной вещи или элемента, такъ и результатомъ уничтоженія или исчезновенія вещи или элемента является также ея „небытіе". Но въ то время, какъ уничтоженіе и исчезновеніе вовсе не предполагаютъ наличность какого нибудь дѣйствующаго существа, отрицаніе непремѣнно предполагаетъ существованіе лица, которое отрицаетъ; словомъ, отрицаніе

есть процессъ, не только происходящій въ человѣческомъ индивидѣ, но и имѣющій характеръ идеальный, мысленный, ибо „небытіе“, которое является въ результатѣ отрицанія, есть небытіе только въ мысляхъ, а не реальное прекращеніе существованіе вещей или элементовъ.

Въ то же время это „небытіе“ есть только отрицательная форма выраженія того факта, что сравниваются мысленно двѣ вещи или два послѣдовательныхъ состоянія одной и той же вещи и констатируются различія между ними, которыя сводятся къ тому, что въ каждой изъ сравниваемыхъ вещей или состояній есть признаки или элементы, которыхъ нѣтъ въ другой или въ другомъ. Это констатированіе можетъ быть выражено и въ такой формѣ, что сравнивающій индивидъ *отрицаетъ* въ такой то вещи существованіе такихъ то признаковъ. Что это дѣйствительно такъ, показываютъ и тѣ выраженія, въ которыхъ Энгельсъ описываетъ этотъ процессъ: онъ говоритъ, что „зерно, какъ таковое, исчезаетъ, отрицается“; въ этомъ выраженіи еще болѣе ясно, что терминъ отрицаніе употребленъ *въ переносномъ смыслѣ*, только какъ синонимъ выраженія „исчезаетъ“, ибо, конечно, буквальное отрицаніе самого себя со стороны зерна есть нелѣпость. Итакъ, если самоотрицаніе зерна и отрицаніе растеніемъ зерна понимаются буквально, то такой „методъ“ объясненія явленія есть въ лучшемъ случаѣ одинъ изъ самыхъ грубыхъ формъ анимизма, если же „отрицаніе“ есть образный синонимъ „исчезновенія“, *то это выраженіе ничего не прибавляетъ къ тому, что содержится уже въ понятіи „исчезновенія“*. Съ другой стороны, „отрицаніе“, тождественное съ „исчезновеніемъ“, не исчерпываетъ всего процесса, ибо оно *не заключаетъ* въ себѣ момента возникновенія новаго

комплекса—растенія, такъ какъ, конечно, зерно могло исчезнуть и *не* вызвать появленія растенія.

Тѣ же самыя соображенія относятся и къ третьей фазѣ процесса — растеніе растетъ, цвѣтетъ, оплодотворяется и исчезаетъ, умираетъ, отрицается, произведя въ свою очередь на свѣтъ новыя зерна, тождественныя съ первоначальномъ зерномъ. Какъ и въ первой фазѣ, въ этомъ процессѣ существенны два момента: умираніе растенія и возникновеніе новыхъ зеренъ, тождественныхъ съ первоначальными. Умираніе растенія есть его отрицаніе, а такъ какъ само растеніе есть отрицаніе зерна, то, значитъ, смерть растенія есть отрицаніе отрицанія.

Если отрицаніе въ этомъ случаѣ простой синонимъ исчезновенія, то отрицаніе отрицанія равносильно констатированію того факта, что явленіе, возникшее на мѣсто исчезнувшаго, само исчезаетъ, чтобы снова уступить мѣсто новому явленію. Передъ нами опять лишь самая общая формула всякаго вообще измѣненія. Правда, прибавляется одна новая черта: послѣднее вновь возникшее явленіе тождественно или сходно съ первоначальнымъ. Но именно эта характерная особенность даннаго процесса и не предусматривается формулой „отрицаніе отрицанія“, ибо второе отрицаніе можетъ считаться выполненнымъ съ исчезновеніемъ растенія. Значитъ, тутъ къ отрицанію отрицанія прибавляется еще одинъ моментъ—возникновенія на смѣну исчезнувшему растенію новаго зерна. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, формула „отрицаніе отрицанія“ слишкомъ узка. А между тѣмъ этотъ послѣдній признакъ—воспроизведеніе начальнаго момента—и есть тотъ моментъ, который *могъ* бы служить для отличенія процессовъ развитія отъ процессовъ движенія, ибо онъ, во вся-

комъ случаѣ, не представляетъ собою общаго свойства *всѣхъ* процессовъ движенія.

Дѣйствительно ли въ этомъ моментѣ заключается характерная черта процессовъ развитія, отличающая ихъ отъ процессовъ движенія вообще, этого мы здѣсь не касаемся. Что Энгельсъ, дѣйствительно, *не* этотъ моментъ считалъ характернымъ для закона отрицанія отрицанія, это видно изъ непосредственно слѣдующихъ за примѣромъ превращенія зерна и превращенія насѣкомыхъ (совершенно анологичному съ первымъ) примѣровъ дѣйствія этого закона въ области неорганической природы, въ области образованія геологическихъ пластовъ[1]).

Сущность этого процесса, съ точки зрѣнія Энгельса, заключается въ томъ, что новые геологическіе слои возникаютъ путемъ разрушенія старыхъ и образованія изъ ихъ элементовъ новыхъ, такъ какъ старые, уничтожаясь, служатъ матеріаломъ для образованія новыхъ. Никакого *сходства* между какими-либо изъ промежуточныхъ формъ не констатируется, поэтому тѣ формы, которыя являются на смѣну разрушившихся, могутъ быть совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя предшествовали имъ. Такимъ образомъ, истинный смыслъ Энгельсовской формулы отрицанія отрицанія заключается въ томъ, что данное состояніе исчезаетъ, отрицается, возникшее на мѣсто его опять исчезаетъ, отрицается и т. д., другими словами, сущность закона заключается въ постоянномъ исчезновеніи вещей или ихъ элементовъ и возникновеніи новыхъ комбинацій изъ тѣхъ же и новыхъ элементовъ. Конечно, это не законъ развитія, а опредѣленіе понятія всеобщаго измѣненія. Поэтому, подъ

[1]) См. Анти-Дюрингъ, стр. 139.

формулу отрицанія отрицанія подойдутъ всѣ взаимныя связи вещей и элементовъ во времени, ибо общая черта всѣхъ этихъ отношеній—распаденіе старыхъ и образованіе новыхъ комбинацій изъ тѣхъ же элементовъ. Такъ, если въ первомъ примѣрѣ—превращеніе зерна въ растенія и послѣдняго въ зерно—мы предположили бы, что зерно попало не въ почву, а въ руки крестьянина, который перемололъ бы его въ муку, а затѣмъ изъ муки сдѣлалъ бы хлѣбъ, то и къ этому процессу мы могли съ *равнымъ* правомъ примѣнить схему „отрицаніе отрицанія", ибо зерно исчезло, на мѣсто его изъ тѣхъ же элементовъ (даже въ гораздо большей степени, чѣмъ въ случаѣ полученія растенія изъ зерна) получилась новая комбинація, затѣмъ и эта комбинація исчезла, уступивъ мѣсто третьей комбинаціи изъ тѣхъ же и новыхъ элементовъ.

Если бы защитникъ гегелевскихъ формулъ сталъ оспаривать возможность приложенія ихъ къ взятому нами примѣру превращенія зерна въ муку и муки въ хлѣбъ, то онъ долженъ былъ бы сдѣлать отсюда выводъ, что этотъ послѣдній процессъ *не есть* процессъ развитія; если же этотъ процессъ не есть процессъ развитія, то, *кромѣ* процессовъ развитія существуютъ въ природѣ и *другіе* процесы, и тогда, слѣдовательно, формула процесса развитія, какъ спеціальнаго *вида* процессовъ измѣненія должна содержать указанія на характерную черту, отмежевывающую эти процессы отъ всѣхъ *другихъ* формъ измѣненія. Если, далѣе, такой характерной чертой является частичное воспроизведеніе даннаго состоянія черезъ одну стадію, то тогда несомнѣнно, что подъ это опредѣленіе невозможно никакъ подвести геологическіе процессы, развѣ цѣною большихъ натяжекъ и софистической аргументаціи.

Яркимъ образчикомъ такой аргументаціи представляется и слѣдующій затѣмъ примѣръ дѣйствія закона отрицанія отрицанія въ области математики. Энгельсъ пишетъ:

„Также точно и въ математикѣ. Возьмемъ любую алгебраическую величину a. Если мы отрицаемъ ее: мы получимъ —a. Если же мы подвергнемъ отрицанію это отрицаніе, помноживъ —a на —*a*, то получимъ a^2, т.-е. первоначальную положительную величину, но на высшей ступени, именно во второй степени. И въ этомъ случаѣ для насъ не имѣетъ значенія, что тоже самое a^2 мы можемъ получить умноженіемъ *a* положительнаго на самаго себя. Ибо отрицательное *a* такъ прочно пребываетъ въ a^2, что послѣднее при всякихъ обстоятельствахъ имѣетъ два квадратныхъ корня +a и —a. И эта невозможность обойтись безъ отрицанія отрицанія, безъ содержащагося въ квадратѣ отрицательнаго корня, получаетъ очень осязательное значеніе уже въ квадратныхъ уравненіяхъ“. Намъ кажется, что комментаріи къ *такому* математическому разсужденію излишни даже для гимназистовъ старшихъ классовъ. Въ самомъ дѣлѣ, первая фаза всего процесса или первое отрицаніе заключается въ томъ, что мы изъ a получаемъ —a; не оспаривая правильность утвержденія, что операція эта есть отрицаніе, мы отвѣтимъ только, что съ математической точки зрѣнія эта операція заключалась въ томъ, что мы a помножили на —1. Логически же отрицать что нибудь значитъ утверждать, что это „что нибудь“ исчезло, не существуетъ, равно, слѣдовательно, нулю. Отсюда, ясно, что Энгельсъ въ данномъ случаѣ термину „отрицаніе“ придаетъ совершенно новый смыслъ; тогда какъ *прежде* отрицаніе равнялось полному уничтоженію, что въ математикѣ, оче-

видно, равносильно превращенію данной величины въ 0 и достигается посредствомъ умноженія на 0, *теперь* отрицаніе тождественно съ перемѣной положительнаго знака алгебраической величины на отрицательный (что достигается умноженіемъ на —1). Такъ какъ вторая стадія, по мысли Энгельса, есть отрицаніе отрицанія, то она не можетъ заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ повтореніи надъ величиной —а той же операціи, при помощи которой мы получаемъ изъ а —а. Если же мы надъ —а хотимъ повторить *ту же* операцію, что и надъ исходной величиной (т.-е. а), то мы должны или помножить —а на —1, или же, что тоже, вычесть — а изъ 0. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы получимъ +а, т.-е. *ту же самую величину*, съ которой мы начали. И это будетъ вѣрно не только математически, но и логически, ибо, съ точки зрѣнія логики, операція, которая заключается въ отрицаніи данной величины, а затѣмъ въ отрицаніи полученной величины должна дать въ результатѣ то же положеніе, которое было въ началѣ. Что же мы видимъ у Энгельса. Получивъ изъ а путемъ перваго отрицанія (т.-е. путемъ умноженія на —1) —а, онъ вмѣсто того, чтобы повторить *ту же* операцію (т.-е. операцію умноженія на —1 или вычитаніе изъ 0) надъ —а, умножаетъ —а на —а, полагая, очевидно, что операція отрицанія во второмъ случаѣ должна быть *иной*, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Совершенно ясно, что во второмъ случаѣ процессъ отрицанія уже не только не является повтореніемъ той же математической операціи, что и въ первомъ случаѣ, но примѣняется въ совершенно *другомъ* смыслѣ, *не* математическомъ, какъ въ первомъ случаѣ, ибо математическое отрицаніе величины есть перемѣна *знака* величины на обратный. Если

даже допустить, что Энгельсъ имѣлъ право во второмъ случаѣ понимать отрицаніе въ логическомъ смыслѣ, какъ *уничтоженіе* данной величины, то отрицаніе отрицанія, т.-е. —а дало бы въ результатѣ О; Энгельсъ же отрицаніе —а, считаетъ возможнымъ совершить въ формѣ умноженія —а на —а, причемъ совершенно умалчиваетъ объ основаніяхъ *такого*, уже совершенно отличнаго отъ перваго, пониманія операціи отрицанія. Единственное объясненіе, почему отрицаніе —а должно быть сведено къ умноженію на —а, заключается лишь въ томъ, что Энгельсу нужно было непремѣнно получить въ *результатѣ* второго отрицанія a^2, чтобы доказать, что двоякое отрицаніе не даетъ въ конечномъ итогѣ совершенно ту же самую, тождественную величину, а первоначальную величину, но на высшей ступени, именно во второй степени. Такимъ образомъ, все разсужденіе Энгельса основано на такомъ же жонглированіи терминами, какъ и всѣ діалектическіе фокусы самаго Гегеля. Но Энгельсъ этимъ не довольствуется; не замѣтивъ допущенной имъ ошибки, онъ, все-таки, предвидитъ другое возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ его выводовъ: если даже допустить, что операція второго отрицанія произведена правильно, то полученный конечный результатъ, т.-е. a^2, можетъ быть полученъ изъ первоначальной величины, т. е. а, еще и другимъ путемъ, а именно путемъ простого умноженія положительнаго а на положительное а. Отсюда слѣдуетъ, что процессъ отрицанія отрицанія, если даже онъ существуетъ и дѣйствительно приводитъ къ такому результату, есть во всякомъ случаѣ, *не* единственный процессъ развитія и что существуютъ, *поэтому*, другіе процессы развитія, которые *не* могутъ быть подведены подъ формулу отрицанія

отрицанія, которая, благодаря этому, теряетъ характеръ *универсальной* формулы развитія. Что же отвѣчаетъ Энгельсъ на это безукоризненно правильное возраженіе? Совершенно *мистической*, загадочной фразой: „Отрицательное а такъ прочно пребываетъ въ a^2, что послѣднее при всякихъ обстоятельствахъ имѣетъ два квадратныхъ корня $+$и и $-$а. Не касаясь вопроса о неимѣющемъ никакого математическаго смысла (логическій остается для насъ полнѣйшимъ иксомъ) понятіи „прочнаго пребыванія — а въ a^2“, нужно отмѣтить совершенно неправильное съ точки зрѣнія математики утвержденіе, что „a^2“ при всякихъ обстоятельствахъ *имѣетъ* два квадратныхъ корня $+$а и $-$а. Если подъ послѣднимъ выраженіемъ понимать математическій символъ $a = \pm\sqrt{a^2}$, то, опять-таки, съ математической точки зрѣнія, обозначеніе $\sqrt{a^2}$ одновременно знаками $+$и $-$ имѣетъ единственной цѣлью показать, что a^2 можетъ быть получено *двоякимъ* путемъ, именно посредствомъ умноженія $+$а на $+$а или $-$а на $-$а, причемъ *каждый* изъ этихъ путей совершенно равноправенъ съ математической точки зрѣнія, т. е. что и $+$а, и $-$а *одинаково прочно* „пребываютъ“ въ a^2.

Въ общемъ изъ анализа Энгельсовскаго примѣра и его разсужденій по поводу изложеннаго вытекаетъ лишь одно, что, если бы Энгельсъ разсуждалъ вполнѣ послѣдовательно, то онъ долженъ былъ бы придти къ выводу, какъ разъ обратному тому, который онъ хотѣлъ доказать, а именно, что въ *математикѣ* не всякое развитіе есть отрицаніе отрицанія, а отрицаніе отрицанія даетъ результаты, очень далекіе отъ всякаго развитія, и ведущіе либо къ прекращенію развитія (0), либо возвращенію къ исходной точкѣ, т.-е. *къ путешествію по кругу*. Если же мы признаемъ цѣлесообразнымъ

„методъ“ разсужденія Энгельса, сущность котораго заключается въ употребленіи одного термина въ нѣсколькихъ смыслахъ, смотря по надобности, то мы можемъ „доказать“ что угодно, т.-е. не доказать ничего, согласно правилу qui prouve trop ne prouve rien.

Но примѣръ, взятый Энгельсомъ изъ области математики, важенъ для насъ еще и въ другомъ отношеніи: онъ показываетъ, какъ нельзя болѣе убѣдительно, что Энгельсъ понималъ подъ развитіемъ не то, что теперь понимаютъ въ наукѣ подъ эволюціей, ибо эволюція въ глазахъ современнаго естествоиспытателя есть не просто совокупность всѣхъ процессовъ, происходящихъ во времени; не просто совокупность процессовъ измѣненія, движенія, а измѣненія въ опредѣленномъ *направленіи*. Совершенно ясно, что математика не *есть* одна изъ наукъ о развитіи въ этомъ смыслѣ; математика формулируетъ законы, регулирующіе взаимную связь въ пространствѣ или во времени извѣстныхъ свойствъ, общихъ *всѣмъ* явленіямъ и процессамъ, и уже потому не можетъ быть наукой о процессахъ развитія; нѣкоторыя математическія закономѣрности предполагаютъ, что тѣ математическіе объекты, къ которымъ они относятся, получены при помощи извѣстныхъ операцій, которыя могутъ быть произведены, разумѣется, въ теченіе извѣстнаго времени, но сущность ихъ всегда заключается въ установленіи извѣстнаго постоянства въ *сосуществованіи*, а не временной послѣдовательности, математическихъ величинъ.

Математика не предполагаетъ развитія во времени самихъ объектовъ математики, наоборотъ, она есть чуть ли не единственная наука, которая изучаетъ *неизмѣнныя*, всегда и вездѣ существующія отношенія. *Поэтому, если бы намъ удалось от-*

крыть въ области математическихъ отношеній дѣйствіе закона отрицанія отрицанія, то это доказывало бы, что принципъ этотъ есть не законъ бытія или, правильнѣе, развивающагося событія, а законъ нашего мышленія. Дѣло въ томъ, что, какъ показали новѣйшія теоретико-познавательныя изслѣдованія въ области математики, объекты математики не представляютъ собой какихъ-либо вещей или ихъ реальныхъ признаковъ, а извѣстныя идеальныя построенія, не встрѣчающіяся въ дѣйствительности и представляющія собой лишь отраженіе законовъ и тенденцій нашего мышленія, почему многіе изъ новыхъ мыслителей считаютъ математику лишь частью логики или логику частью математики, смотря по тому, какъ опредѣляются границы логики.

И, дѣйствительно, операціи отрицанія въ собственномъ, а не въ переносномъ, смыслѣ имѣютъ мѣсто *только* въ логикѣ и математикѣ. Разумѣется, этимъ мы не хотимъ сказать, что отрицаніе и двойное отрицаніе представляютъ собой какіе-нибудь принципы или закономѣрности, а не простые *пріемы* изслѣдованія.

Но пойдемъ далѣе и посмотримъ, не представляетъ ли собой исторія экономическая и правовыхъ отношеній болѣе благодарное поприще для дѣйствія закона отрицанія отрицанія. Дѣйствіе этого закона въ области экономико-юридическихъ отношеній Энгельсъ иллюстрируетъ на исторіи института вещныхъ правъ на землю [1]).

Первая стадія разсматриваемаго имъ процесса (тезисъ)—общинная собственность на землю, вторая (антитезисъ)—отмѣна общинной собственности и замѣна ея частной собственностью, третья—от-

---

[1]) Ibid, стр. 141.

мѣна частной собственности и возникновеніе собственности общественной (коллективной). Анализируя этотъ процессъ, мы видимъ, что извѣстный правовой институтъ, т.-е. извѣстная совокупность правовыхъ нормъ, регулирующихъ извѣстныя отношенія между членами общества, упраздняется, исчезаетъ, отрицается, на мѣсто его возникаетъ другой правовой институтъ, *находящійся въ извѣстномъ отношеніи противоположности къ первому*; этотъ послѣдній, въ свою очередь, упраздняется, чтобы уступить мѣсто третьему институту, находящемуся въ такомъ же отношеніи ко второму, какъ этотъ послѣдній къ первому и, въ то же время, представляющему извѣстное сходство съ первымъ. Разница между явленіями, которыя обнимались разобранными нами случаями дѣйствія закона отрицанія отрицанія въ области органической природы (зерно-растеніе), и настоящимъ сводится къ двумъ пунктамъ: 1) измѣненія происходятъ въ области особыхъ комбинацій, не физико-химическихъ элементовъ, а въ области комбинацій *отношеній*, именно отношеній между индивидуальными членами общества; 2) каждая слѣдующая стадія представляетъ не просто новую комбинацію тѣхъ же отношеній, но комбинацію, извѣстнымъ образомъ противополагаемую предыдущимъ.

Первый пунктъ различія самъ по себѣ не имѣетъ значенія, ибо, конечно, процессы всеобщаго движенія и развитія захватываютъ не только формы соединенія элементовъ, но и самыя отношенія элементовъ. Мы хотимъ сказать, что всякій комплексъ элементовъ представляетъ, какъ уже было объяснено выше, не простую сумму элементовъ, а извѣстный синтезъ, т.-е. эти элементы находятся въ извѣстной связи, извѣстной зависимости другъ отъ друга и отъ цѣлаго. Съ измѣ-

неніемъ формы соединенія элементовъ должны мѣняться и ихъ взаимныя отношенія и взаимныя отношенія комплексовъ. Въ данномъ случаѣ отрицаніе института общинной собственности, какъ видно изъ текста Энгельса, означаетъ такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, простое исчезновеніе, прекращеніе тѣхъ формъ отношенія между членами общества, которые были охарактеризованы, какъ институтъ общинной собственности. Такимъ образомъ и тутъ отрицаніе есть описательное выраженіе факта прекращенія существованія, только уже не формъ соединенія элементовъ, а формъ отношенія между соединеніями элементовъ. Но такое прекращеніе существованія данной формы отношеній есть судьба всѣхъ отношеній вообще, если только отношенія эти измѣняются, ибо само измѣненіе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ прекращеніемъ существованія данной формы отношеній и возникновенія на мѣсто ея *новой* формы отношеній. Въ этомъ смыслѣ всякая новая форма есть отрицаніе предыдущей. Поэтому то обстоятельство, что дѣло идетъ объ измѣненіяхъ *отношеній*, ничего не вноситъ новаго въ этотъ случай сравнительно съ первымъ. Но вотъ, несомнѣнно, новая черта, которая отличаетъ этотъ процессъ, это — *противоположеніе* новой комбинаціи старой. Разсмотримъ отношеніе института общинной собственности на землю къ институту частной собственности на нее съ этой послѣдней стороны.

Видовое отличіе общиннаго права собственности отъ другихъ формъ собственности на землю заключается въ томъ ея свойствѣ, что право исключительнаго (относительно, а не абсолютно) пользованія и распоряженія землей принадлежитъ не отдѣльному лицу, а организованной группѣ.

Отсюда слѣдуетъ, конечно, что всякая собствен-

ность, коль скоро она является коллективной, *не есть частная собственность*. Другими словами, собственность можетъ быть *или* частной, *или* коллективной, *или* переходной формой отъ одной къ другой. *Другого* пути въ измѣненіяхъ развитія не только *не можетъ быть*, но мы не можемъ и мысленно представить его, если только остаемся при первоначальномъ опредѣленіи права собственности. Въ чемъ же заключается источникъ того, что всѣ возможныя формы измѣненій права собственности могутъ колебаться только между двумя этими полюсами и что всѣ промежуточныя формы могутъ быть только комбинаціями изъ той и другой формы. *Очевидно, не въ законѣ развитія, а въ самомъ понятіи* права собственности. Если мы будемъ разсматривать понятіе права собственности какъ родовое, то съ точки зрѣнія того дѣленія, о которомъ говоритъ Энгельсъ, т.-е. съ точки зрѣнія признака, который мы кладемъ въ основаніе дѣленія на виды (кругъ лицъ, которымъ принадлежитъ право собственности), видовъ этого понятія можетъ быть *только* два: частная собственность и коллективная. Что касается промежуточныхъ формъ, то всѣ онѣ являются лишь *подвидами* коллективной групповой собственности. Мы хотимъ сказать, что частная собственность можетъ противополагаться только коллективной вообще, а не общинной, общественной, государственной и т. д.

А мы уже видѣли, что въ тѣхъ случаяхъ, когда данное родовое понятіе имѣетъ всего два вида (случай т. н. oppositio contradictoria), развитіе явленій, обнимаемыхъ этимъ понятіемъ, можетъ заключаться *только* въ переходѣ отъ одного вида къ другому. И это по той простой причинѣ, что, если бы мы предположили, что развитіе могло бы привести къ какому-нибудь третьему виду, то тѣмъ

самымъ мы перешли бы въ область совершенно иныхъ отношеній. Такъ, напримѣръ, предположимъ, что мы изслѣдуемъ развитіе формъ брака; если подъ бракомъ мы будемъ понимать болѣе или менѣе продолжительное соединеніе двухъ индивидовъ разнаго пола съ цѣлью удовлетворенія половой потребности и произведенія потомства, то развитіе брака можетъ заключаться въ измѣненіи различныхъ сторонъ брака; можетъ измѣняться и измѣняется въ дѣйствительности: а) количество лицъ, съ которымъ вступаетъ въ бракъ лицо другого пола, т.-е. можетъ принимать или форму единобрачія или многобрачія, а это послѣднее можетъ заключаться или въ полигаміи или въ поліандріи, б) продолжительность брака, в) бытовыя формы брака, г) юридическія формы брака, д) возможность расторженія брака; е) формы заключенія брака и т. д. Мы можемъ классифицировать формы развитія брака по любому изъ этихъ признаковъ и, сообразно выбранному признаку, построить схему развитія этого института. Допустимъ, что мы въ основаніе классификаціи взяли первый изъ указанныхъ признаковъ, т.-е. количество лицъ одного пола, съ которыми индивидъ другого пола вступаетъ въ бракъ; очевидно, что тогда *всѣ* формы брака сведутся къ *двумъ*: *многобрачію или единобрачію* и что всякое возможное развитіе съ этой точки зрѣнія будетъ заключаться въ переходѣ отъ многобрачія къ единобрачію или наоборотъ; и это, конечно, не потому, что законъ развитія заключается въ исчезновеніи данной формы брака и замѣнѣ ея противоположной, а потому, что *третьяго* вида нѣтъ (tertium non datur). Если бы мы попробовали положить въ основаніе классификаціи формъ брака какой-либо другой признакъ, напр. форму заключенія его (соглашеніе, умыканіе, купля-продажа, церковный бракъ,

гражданскій бракъ и т. д.), то мы никакимъ способомъ не могли бы втиснуть это развитіе въ рамки развитія отъ даннаго состоянію къ противоположному и обратно.

Значитъ, если въ разбираемомъ примѣрѣ Энгельса отрицаніе означаетъ не только простой фактъ измѣненія даннаго состоянія, а еще содержитъ въ себѣ указаніе на извѣстное отношеніе между двумя послѣдовательными состояніями одного явленія, то это отношеніе отнюдь не есть продуктъ дѣйствія закона развитія, а должно быть отнесено къ особенностямъ развивающагося явленія.

Такимъ образомъ, ни въ біологической, ни въ космической, ни въ математической, ни въ экономической и правовой области схемы діалектическаго развитія не играютъ той роли, какую приписываетъ имъ Энгельсъ. Развитіе путемъ противорѣчій не выражаетъ собою никакого „закона развитія“. Въ лучшемъ случаѣ—это лишь неточное („образное“) обозначеніе того, что мы называемъ процессомъ измѣненія вообще.

Отсюда не слѣдуетъ, чтобы мы отрицали всякое значеніе за противорѣчіемъ; мы возражаемъ только противъ совершенно неправильной оцѣнки тѣхъ *послѣдствій* для нашего мышленія, которыя связана съ гегелевскимъ пониманіемъ принциповъ противорѣчія, т.-е мы полагаемъ, что мы должны *бороться* съ противорѣчіемъ, устранять его, а не мириться съ нимъ, не возводить его въ принципъ. Что же касается роли противорѣчія въ дѣлѣ прогресса нашихъ знаній, то значеніе его въ этомъ отношеніи опредѣлено Гегелемъ совершенно правильно. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что наиважнѣйшими успѣхами научной мысли мы обязаны противорѣчію, ибо возникновеніе противорѣчія между отдѣльными знаніями служитъ для насъ тѣмъ стимуломъ, который побуждаетъ насъ искать ошибки въ на-

шихъ выводахъ и утвержденіяхъ, и, благодаря опять таки противорѣчію, мы не можемъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не откроемъ источника ошибки.

Чѣмъ разнообразнѣе, чѣмъ сложнѣе система нашихъ знаній, тѣмъ больше, значитъ, поле для конфликта между нашими представленіями. Противорѣчіе, такимъ образомъ, становится постояннымъ спутникомъ развитія нашей мысли, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, что противорѣчіе присуще самимъ вещамъ и что оно неразрѣшимо, а, напротивъ, въ томъ смыслѣ, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ недостатковъ нашего мыслительнаго аппарата всегда возможны ошибочныя наблюденія и ошибочные выводы, которые, приходя въ столкновеніе съ правильными идеями, вызываютъ въ насъ чувство противорѣчія. Но этимъ и ограничивается, въ сущности, роль противорѣчія, ибо въ дѣлѣ открытія *источника* ошибки и исправленія нашихъ представленій противорѣчіе никакого содѣйствія намъ оказать не можетъ, точно такъ же, какъ чувство страданія, причиняемаго намъ разстройствомъ въ дѣятельности какого-нибудь органа нашего тѣла, не заключаетъ само по себѣ никакого указанія на причины разстройства и на *способы ихъ устраненія*. Противорѣчіе всегда чувствуется нами, какъ нѣкоторое неудобство, какъ нѣкоторое отклоненіе отъ нашего душевнаго или, вѣрнѣе, умственнаго равновѣсія, которое должно быть возстановлено. Стремленіе къ психическому равновѣсію или психической устойчивости есть верховный принципъ органической и, въ частности, душевной жизни. Принципъ этотъ выражается въ томъ, что всѣ переживанія организма могутъ быть уложены въ извѣстные ряды, открывающіеся отклоненіемъ отъ устойчиваго состоянія и заканчивающіеся возвращеніемъ къ нему.

V.

Заключеніе.

Итакъ, если существуетъ *всеобщій* законъ развитія, то онъ едва ли можетъ быть уложенъ въ прокрустово ложе „діалектическихъ поворотовъ“ (по крайней мѣрѣ, въ той ихъ формѣ, въ какой они разработаны Гегелемъ и Энгельсомъ), ибо понятія, которыя составляютъ содержаніе этихъ „законовъ“ развитія, какъ это мы старались показать въ предыдущей главѣ, заимствованы изъ весьма узкой, весьма человѣческой сферы опыта. По тѣмъ же причинамъ діалектическія схемы не могутъ играть роли общихъ законовъ развитія формъ человѣческаго *общества*. Поэтому, мы должны пойти въ вопросѣ о значеніи гегелевской діалектики для современнаго знанія дальше Энгельса и признать, что къ „мистическимъ“ элементамъ гегелевской діалектики относится не только его взглядъ на отношеніе идей къ вещамъ, мышленія къ бытію, но и пресловутый тріадическій ритмъ всеобщаго развитія. Если мы, поэтому, въ цѣляхъ осуществленія поставленной Марксомъ задачи отдѣленія въ гегелевской діалектикѣ пшеницы отъ плевелъ, здороваго зерна отъ болѣзненныхъ наростовъ метафизики, зададимся вопросомъ, въ чемъ съ точки зрѣнія современнаго знанія заключается дѣйствительный, прочный вкладъ гегелевской діалектики въ сокровищницу научной

мысли, то мы должны отвѣтить на это: вкладъ этотъ есть *идея всеобщаго развитія*. Этимъ мы, конечно, не хотимъ сказать (въ чемъ справедливо, по нашему мнѣнію, упрекаютъ нѣкоторые философы Маркса и Энгельса), что Гегелю принадлежитъ заслуга *открытія* самого принципа развитія. Нетрудно показать, что уже въ самыхъ младенческихъ попыткахъ человѣческой мысли обнять однимъ взоромъ все сущее мы постоянно встрѣчаемся съ идеей постояннаго, непрерывнаго измѣненія міра, какъ цѣлаго, не говоря уже о философскихъ и научныхъ теоріяхъ позднѣйшаго происхожденія. Но отрицать на этомъ основаніи заслугу Гегеля въ дѣлѣ утвержденія идей развитія, какъ верховнаго, *основного* закона жизни вселенной было бы столь же нелѣпо, какъ оспаривать значеніе переворота, произведеннаго Дарвиномъ въ области біологіи, на томъ основаніи, что (какъ это можно считать вполнѣ доказаннымъ въ настоящее время) ни одна изъ идей, лежащихъ въ основѣ біологической теоріи Дарвина, не можетъ считаться въ буквальномъ смыслѣ открытіемъ Дарвина и что уже Эмпедоклъ говорилъ о превращеніи органическихъ формъ и естественномъ подборѣ. Если еще до Гегеля было немало мыслителей, которые отстаивали въ той или иной формѣ, въ той или иной области опыта идеи развитія, то ни у одного изъ его предшественниковъ идея развитія не получила такого всеобъемлющаго значенія и той законченной формы, какъ у Гегеля. Первенствующее значеніе идеи развитія въ гегелевской философіи ясно опредѣляется уже однимъ тѣмъ, что, по Гегелю, какъ мы видѣли, всѣ формы сущаго суть лишь тѣ или иные этапы развивающейся идеи.

Закону развитія подчинено не только бытіе, но и всѣ проявленія духа, въ томъ числѣ и исто-

рія. Въ этомъ отношеніи Гегель, несомнѣнно, съ прозорливостью генія предугадалъ ту черту, которая отдѣляетъ современное знаніе отъ предшествующихъ ступеней развитія мысли. Эта черта есть принципъ эволюціи, который, проникая постепенно во всѣ области знанія, произвелъ полнѣйшій переворотъ въ нашихъ представленіяхъ о дѣйствительности. Въ области наукъ біологическихъ этотъ принципъ во всей его полнотѣ былъ впервые примѣненъ Дарвинымъ, въ области общественныхъ наукъ — Марксомъ и въ области гносеологіи и психологіи—Авенаріусомъ и Махомъ [1]).

Что касается внутренняго сродства эволюціоннаго метода у Дарвина и Маркса, то теперь, послѣ появленія 3-го тома „Капитала", гдѣ Марксъ самъ призналъ [2]) наличность такого сродства, врядъ ли можно утверждать, какъ это недавно (но, если не ошибаюсь, до появленія 3-го тома „Капитала") вновь настойчиво подчеркивалъ г. Бельтовъ, что діалектическій методъ Маркса ничего общаго не имѣетъ съ принципомъ научнаго эволюціонизма [3]).

Но такъ какъ относительно содержанія и объема принципа эволюціи между отдѣльными изслѣдователями существуютъ довольно существен-

---

[1]) См. напр., статью Ф. Адлера „Friedrich Engels und die Naturwissenschaft" въ журналѣ „Neue Zeit", 1907 г. № 19, въ которой авторъ проводитъ любопытную параллель между Дарвиномъ и Марксомъ, съ одной стороны, и Махомъ и Авенаріусомъ—съ другой.

[2]) См. 3-й томъ „Капитала".

[3]) Г. Бельтовъ былъ бы правъ, если бы, дѣйствительно, діалектическій методъ Маркса, какъ онъ, повидимому, склоненъ думать, исчерпывался діалектическими схемами Гегеля. Мы говоримъ „повидимому", потому что изъ его разсужденій о діалектическомъ методѣ въ книгѣ „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію" совершенно нельзя понять, въ чемъ онъ видитъ сущность діалектическаго метода.)

ныя разногласія, то для полнаго уясненія вопроса объ отношеніи діалектическаго метода къ эволюціонному, намъ необходимо сначала опредѣлить, что понимается подъ эволюціей въ современномъ естествознаніи. Мы видѣли, что въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, затрагивающемъ вопросъ о философскихъ предпосылкахъ марксизма, Энгельсъ пришелъ къ заключенію, что діалектическій методъ въ общественной наукѣ есть тотъ же историческій методъ, который характеризуетъ современное естествознаніе. Подъ естественно-научнымъ историческимъ методомъ Энгельсъ понималъ, какъ это ясно видно изъ данныхъ имъ на страницахъ 40—43 упомянутого изслѣдованія объясненій, совокупность *трехъ* принциповъ: 1) принципа непрерывной *измѣнчивости* всего сущаго („міръ надо понимать не какъ комплексъ готовыхъ *вещей*, но какъ комплексъ *процессовъ*, въ которыхъ вещи, кажущіяся намъ неизмѣнными, равно какъ и ихъ мысленныя отраженія въ нашей головѣ, т.-е. понятія, проходятъ безпрерывную смѣну возникновенія и уничтоженія"), 2) принципъ всеобщей *связи* явленій, всеобщихъ *законовъ* движенія или всеобщей закономѣрности („въ этой области (исторіи общества) предстояло сдѣлать то же, что и въ области пониманія внѣшней природы,— устранить искусственно созданную связь явленій и найти дѣйствительную. Эта задача, въ концѣ концовъ, должна была привести къ открытію *всеобщихъ законовъ движенія* [1]), господствующихъ въ исторіи человѣческаго общества"), 3) принципа *прогрессивнаго* развитія) „эта смѣна (смѣна возникновенія и уничтоженія является *прогрессивнымъ развитіемъ*, *несмотря на кажущіяся случайности и періоды регреса*").

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ—Я. Б.

Если въ этихъ трехъ принципахъ заключается сущность діалектическаго метода, то мы можемъ сказать, что и съ точки зрѣнія современной намъ науки эти три принципа являются руководящими въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія, образуютъ то, что извѣстно подъ именемъ эволюціоннаго или историко-генетическаго метода. Вся разница въ томъ, что современное естествознаніе внесло въ пониманіе этихъ принциповъ болѣе точное и ясное содержаніе. Сдѣлать это оказалось возможнымъ только благодаря тому, что и само *человѣческое знаніе* разсматривается ихъ также *исторически*, т.-е. не какъ *готовая сумма* разъ навсегда установленныхъ пріемовъ, а какъ *процессъ* постепеннаго развитія.

Въ какомъ видѣ представляются эти три принципа въ свѣтѣ теоріи познанія? I. Проблема всеобщей *измѣнчивости* занимаетъ человѣческій умъ уже съ самыхъ первыхъ шаговъ на пути къ созданію міровоззрѣнія, охватывающаго все сущее. Въ ранней греческой философіи, какъ извѣстно, эта проблема составляетъ центръ всѣхъ философскихъ изысканій. Причина такого вниманія къ вопросу о границахъ бытія и измѣненія, становленія (das Werden) лежитъ, какъ это было указано Авенаріусомъ въ его „Пролегоменахъ“ „въ особой, глубоко заложенной въ нашей духовной и даже органической природѣ *потребности*. Потребность эта заключается въ стремленіи нашего мышленія къ выработкѣ конечныхъ, неподлежащихъ измѣненію формъ мышленія или высшихъ устойчивыхъ понятій“. Будемъ ли мы, по примѣру Авенаріуса, называть это стремленіе „принципомъ наименьшей затраты силы“ или, вслѣдъ за I. Петцольдтомъ „тенденціей къ устойчивости“, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что человѣческій интеллектъ тяготѣетъ къ отысканію среди всеобщаго

непостоянства и измѣнчивости такого устоя, на который онъ могъ бы опереться. Съ этимъ стремленіемъ идутъ въ разрѣзъ два свойства дѣйствительности: безграничное, повидимому, разнообразіе сущаго (Mannigfaltigkeit des Wirklichen) и столь же безграничная его измѣнчивость (Veränderlichkeit). Современная мысль справляется съ безконечнымъ разнообразіемъ дѣйствительности при помощи системы понятій, которыя закрѣпляютъ въ одно цѣлое извѣстныя, общія данной группѣ явленій свойства и такимъ образомъ даютъ намъ возможность оріентироваться среди подавляющей насъ массы различныхъ явленій. Но мы не считаемъ эти понятія за реальности въ томъ смыслѣ, что они существуютъ въ вещахъ въ видѣ ихъ части.

Понятія для насъ лишь *знаки, символы*. Въ началѣ своего развитія научное мышленіе, не имѣя еще яснаго представленія о понятіи, какъ *орудіи* познанія, для того, чтобы справиться съ *многообразіемъ* явленій, вынуждено было прибѣгнуть къ гипотезѣ существованія какого-то реальнаго начала, какой-то первоначальной матеріи, изъ которой состоятъ всѣ отдѣльныя формы бытія, подобно тому, какъ, напр., отдѣльныя мѣдныя монеты, несмотря на разнообразіе ихъ величинъ и формъ, сдѣланы изъ одного металла. Отсюда всѣ многочисленныя ученія греческихъ философовъ о первоначальной матеріи. Сначала въ роли такой первоначальной матеріи (Urstoff) явилась вода (Θалесъ) воздухъ (Анаксименъ), огонь (Гераклитъ), и, наконецъ, особой, отличной отъ всѣхъ извѣстныхъ формъ, матеріи—ἄπειρον (Анаксимандръ).

Въ гипотезѣ точно такого же характера искалъ спасенія интеллектъ начинающаго философа также и для того, чтобы справиться съ другимъ свойствомъ дѣйствительности—съ постоянной и непрерыв-

ной *измѣнчивостью* всѣхъ вещей. Для этой цѣли первые философы прибѣгли къ предположенію, что во всѣхъ измѣненіяхъ нѣчто пребываетъ неизмѣннымъ. Всѣ измѣняющіеся формы суть лишь различныя препроявленія одного и того же непрерывнаго, пребывающаго начала. Эти двѣ гипотезы постепенно слились въ одну, именно въ гипотезу существованія абсолютной субстанціи. Понятіе субстанціи обязано своимъ происхожденіемъ двоякой логической ошибкѣ, съ наибольшей ясностью вскрытой І. Петцольдтомъ. „Гипотеза, что все состоитъ изъ воды", говоритъ Петцольдтъ, „не только потому ложна, что вода въ дѣйствительности есть весьма простое тѣло, изъ котораго можно получить только весьма немногія другія. Это была бы ошибка, которую нетрудно было бы исправить путемъ установленія какого-нибудь новаго факта, не вяжущагося съ ней, и которая принципіально имѣла бы не больше значенія, чѣмъ, напр., ошибочное, но оставленное всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣніе, что атмосферный воздухъ состоитъ только изъ кислорода, азота и угольной кислоты. Нѣтъ, въ упомянутой гипотезѣ заключается предположеніе, идущее въ разрѣзъ съ закономъ тождества. Согласно этому послѣднему, мы не можемъ надѣяться прійти въ нашихъ разсужденіяхъ къ какимъ-нибудь прочнымъ выводамъ, если мы въ продолженіи этихъ разсужденій не будемъ держаться данныхъ нами или молчаливо предполагаемыхъ опредѣленій употребляемыхъ нами понятій, если мы будемъ связывать съ терминами другой смыслъ, чѣмъ тотъ, который они имѣли вначалѣ. А должно оставаться А и не должно превращаться въ non-А. Это столь очевидная истина, что можно было бы думать, что всякое отступленіе отъ нея должно было бы непремѣнно сейчасъ сказаться

въ чемъ-нибудь и, во всякомъ случаѣ, не могло бы оставаться незамѣченнымъ въ теченіе столѣтій или даже тысячелѣтій. Но человѣческое мышленіе такъ слабо и несовершенно, что оно можетъ десять разъ признать правильность какой-нибудь истины въ *абстрактной* формѣ, и въ то же время на практикѣ десять же разъ отступить отъ нея.

Такъ и здѣсь. Понятіе воды развилось первоначально и одновременно въ видѣ противоположенія понятіямъ земли, суши, неба, воздуха, дерева, камня и т. д. Понятіе воды въ его особенностяхъ мы можемъ съ совершенной ясностью воспринимать только путемъ обособленія его на фонѣ другихъ понятій. Если бы захотѣли сообщить какому-нибудь школьнику совершенно ясное представленіе о томъ, въ чемъ заключается особенность воды—какъ представительницы жидкости вообще—то мы должны заставить его сравнить воду съ твердыми, а затѣмъ и газообразными тѣлами. Изъ простого созерцанія одной воды мы никогда бы не могли вывести заключенія объ ея особенностяхъ, ибо *особенное* свойство каждой вещи составляетъ именно то, чего нѣтъ въ другихъ вещахъ. Сознаніе особенностей вещей предполагаетъ, поэтому, противопоставленіе этой вещи другимъ.

Если мы представимъ себѣ, напр., что намъ ничего не дано въ свѣтѣ, кромѣ воды (слѣдовательно, также не дано ни пустого пространства, ни нашего собственнаго, отличнаго отъ воды тѣла), то это было бы совершенно все равно, какъ бы намъ ничего не дано. И уже ни въ какомъ случаѣ мы не могли бы образовать понятія воды. Мышленіе возникаетъ только вмѣстѣ съ способностью различенія. Гдѣ нѣтъ никакой почвы для различенія, тамъ невозможно и мышленіе. Что же дѣлаетъ Ѳалесъ? Тѣмъ, что онъ объявляетъ, что

все въ сущности есть вода, онъ уничтожаетъ возможность удержать понятіе въ его первоначальной особенности. Вода была водой именно въ отличіе отъ суши, земли, неба и проч. Если же земля, суша и т. д. есть вода, если *все* есть вода, то тогда отсутствуетъ противоположное понятіе (Gegenbegriff), которое только и обусловило возможность образованія понятія воды на почвѣ способности различенія. Понятіе воды при такомъ обобщеніи его совершенно расплывается. Мы могли вновь образовать его и сдѣлать его яснымъ, если-бы мы снова совершили обратный путь и предоставили бы землѣ быть землей и воздуху—воздухомъ...“ „Ошибка заключается въ томъ, что мы отбрасываемъ исходное понятіе воды, не давая въ то же время точнаго опредѣленія новаго, расширеннаго понятія воды. Мы продолжаемъ оперировать при помощи А, которое, однако, уже перестало быть А, мы нарушаемъ, такимъ образомъ, норму закона тождества. Этотъ пріемъ напоминаетъ извѣстное доказательство того, что четыре равно пяти. Послѣднее сводится къ тому, что примѣненныя первоначально только для конечныхъ чиселъ математическія операціи распространяются на вычисленія, въ которыя входитъ нуль. Если дано, напр., что 0.4=0.5, то, раздѣливъ обѣ половины уравненія на 0, мы получимъ 4=5, что возможно, конечно, только въ томъ случаѣ, если мы нуль разсматриваемъ такъ же, какъ 1, 2, 3... Но это, очевидно, противорѣчитъ закону тождества. Математическая операція въ этомъ случаѣ уже не тождественна съ первоначальной операціей, какъ только она распространяется нами и на нуль, ибо нуль не есть величина“... „Это первая ошибка. Вторая тѣсно связана съ первой. Если каждое тѣло состоитъ изъ воды, несмотря на то, что ни простое наблюденіе, ни бли-

жайшее изслѣдованіе не могутъ открыть въ немъ даже и слѣда того, что непредубѣжденное сознаніе называетъ водой, если вода, поэтому, ни въ какомъ другомъ тѣлѣ не является доступной наблюденію и, все-таки, заключена въ каждомъ тѣлѣ, то она должна лежать „въ основаніи“ вещи, составлять „сущность“ вещи, образовать „истинное ядро“ явленія и т. п. Первоначальная матерія становится, такимъ образомъ, чѣмъ-то, что одинаково во всѣхъ вещахъ, несмотря на громадное разнообразіе ихъ, и что остается неизмѣннымъ во всѣхъ ихъ измѣненіяхъ“... „Идея субстанціи противорѣчитъ опыту. Ни въ одной вещи мы не находимъ подобія чего-то, лежащаго въ основаніи ихъ, что составляетъ его внутреннюю сущность и оставалось бы неизмѣннымъ во всѣхъ измѣненіяхъ, обусловленныхъ временемъ и обстоятельствами“... „Мы можемъ разложить вещи только на отдѣльныя, измѣнчивыя качества (Qualitäten)—называемыя психологіей ощущеніями,—т.-е. на нѣчто видимое, осязаемое, звучащее, имѣющее извѣстный вкусъ и т. д.; качества въ теченіе извѣстнаго времени замѣняются въ каждой вещи другими качествами, т.-е. видимымъ, осязаемымъ и т. д., но никогда, даже при помощи самыхъ точныхъ инструментовъ, мы не сумѣемъ открыть въ вещахъ какую-либо часть ихъ, не обладающую опредѣленнымъ качествомъ, т.-е. часть, которая была бы качественно неопредѣленна и которая лежала бы въ то же время въ *основѣ* всѣхъ остальныхъ частей вещи“ [1]).

Идея субстанціи, какъ чего то абсолютно-неизмѣннаго, принимала самыя различныя формы, начиная съ ученія о первоначальной матеріи (Urstoff) и кончая понятіемъ энергіи у Вильгельма Оствальда.

[1]) I. Petzoldt. Das Weltproblem von positivistischem Standpunkte aus, 1906, стр. 24—27.

Идея абсолюта завоевала себѣ столь прочное положеніе въ человѣческомъ мышленіи, что она не исчезла совершенно и тогда, когда совершенно выяснился чисто субъективный характеръ понятій причинности и субстанціи, но снова возобновила борьбу за свое существованіе подъ именемъ „вещи въ себѣ“, т.-е. въ формѣ неизвѣстной и неопредѣленной причины нашихъ ощущеній и идей. А, между тѣмъ, какъ говоритъ Авенаріусъ, „стремленіе познать „вещь въ себѣ“ въ ея объективной сущности или же измѣрять объемъ нашей познавательной способности возможностью познать ее, есть, поистинѣ, работа Данаидъ. „И въ самомъ дѣлѣ, фетишизмъ (анимизмъ), наивный реализмъ, пантеизмъ, матеріализмъ, солипсизмъ являются ничѣмъ инымъ, какъ отдѣльными попытками опредѣлить загадочную сущность субстанціи, этапами развитія, которое должно было привести къ отрицательному результату. И это, конечно, потому, что объектъ всѣхъ этихъ изысканій никогда не можетъ сдѣлаться предметомъ опыта. Внутренній и внѣшній міръ суть только комплексы ощущеній или представленій; что находится позади нихъ и находится ли вообще что—нибудь-этого мы не можемъ знать, да, къ счастью, и не имѣемъ надобности знать[1]).

Кромѣ того, абсолютное уже потому не можетъ быть объектомъ опыта, что абсолютное, какъ нѣчто неизмѣнное, должно существовать независимо отъ измѣняющихся вещей, а это совершенно немыслимо, ибо всякое мышленіе предполагаетъ различеніе, а всякое понятіе предполагаетъ другое понятіе, которому оно противопоставляется.

---

[1]) I. Petzoldt. Zu R. Avenarius „Princip des kleinsten Kraftmasses“, V. f. w. Ph., 1887, 2, s. 179.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ современная философія въ лицѣ ея лучшихъ представителей совершенно отвергаетъ реальность идеи субстанціи и приравниваетъ стремленіе отыскать абсолютное къ стремленію найти философскій камень, квадратуру круга или perpetuum mobile. На мѣсто абсолютнаго постоянства или абсолютной измѣнчивости она ставитъ понятіе *относительнаго* постоянства и относительной измѣнчивости. Если ничто въ свѣтѣ не повторяется абсолютно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было дано однажды, если, такимъ образомъ, между отдѣльными моментами переживаній невозможно *абсолютное* сходство, то возможно сходство *относительное*, т.-е. такое, которое достаточно *для нашихъ цѣлей*. А цѣли наши въ этомъ случаѣ, т.-е. въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія природы, въ дѣлѣ познанія природы заключаются не въ *повтореніи* дѣйствительности (что было бы и невозможно, ибо мышленіе, какъ *часть* природы, не можетъ покрывать собою всю природу), а лишь въ *описаніи* ея, въ приспособленіи нашего мышленія къ фактамъ въ цѣляхъ предвидѣнія фактовъ („savoir pour prévoir“). А для описанія происходящихъ въ дѣйствительности измѣненій совершать достаточно *относительной* устойчивости отдѣльныхъ моментовъ бытія. Эта относительная устойчивость сводится къ тому, что одни изъ элементовъ, входящихъ въ составъ извѣстнаго процесса, измѣняются медленнѣе, чѣмъ другіе, почему мы и имѣемъ право считать первые *на время наблюденія* измѣненій вторыхъ относительно постоянными. Въ дѣйствительности, конечно, ни одинъ элементъ не остается постояннымъ, но непрерывно измѣняется, но измѣненія эти могутъ происходить такъ медленно, что величину ихъ мы можемъ принять за безко-

нечно-малую и игнорировать въ нашихъ вычисленіяхъ. Лучшимъ доказательствомъ цѣлесообразности подобной фикціи является механика; современныя механическія теоріи совершенно не нуждаются въ предположеніи абсолютнаго движенія, т.-е. въ предположеніи существованія какого-нибудь тѣла или точки, которыя бы находились въ состояніи абсолютнаго покоя. А, между тѣмъ, еще недалеко время, когда изложеніе механическихъ теорій считалось немыслимымъ безъ гипотезы абсолютнаго движенія. Другой отраслью знанія, которая является блестящимъ доказательствомъ продуктивности идеи относительнаго постоянства, является чистая математика. Въ основѣ теоріи математики лежитъ понятіе числа. Понятіе числа предполагаетъ понятіе цѣлаго, состоящаго изъ *равныхъ* частей. Въ дѣйствительности, однако, мы не знаемъ *совершенно* и *абсолютно* равныхъ объектовъ. Мы знаемъ *относительно* равные объекты (части цѣлаго), т.-е. такіе, которые равны въ извѣстномъ *отношеніи*. Равными же мы считаемъ такіе объекты, которые (согласно опредѣленію Маха) „могутъ при неизмѣнившихся условіяхъ замѣщать другіе объекты *безъ измѣненія* результата. Вѣса двухъ объектовъ равны, если послѣдніе, положенные другъ послѣ друга на ту же самую чашку тѣхъ же самыхъ вѣсовъ, обусловливаютъ одинаковое отклоненіе стрѣлки вѣсовъ; два электрическихъ тока признаются равными, если они, пропущенные другъ послѣ друга черезъ тотъ же гальванометръ, обусловливаютъ одинаковое отклоненіе стрѣлки и т. д.; то же самое можно сказать о магнитныхъ полюсахъ, количествахъ теплоты и т. д. Вообще, если мы будемъ класть n тяжестей, равныхъ единицѣ измѣренія, на ту же самую чашку вѣсовъ, если мы будемъ пропускать n единицъ тока по той же

проволокѣ (или по нѣсколько тѣсно уложеннымъ другъ подлѣ друга проволокамъ) и т. д., то результатъ (при условіи полнаго замѣстительства единицъ) опредѣляется исключительно числомъ n^{u} [1]).

Приведенная формула Маха относится не только къ тому случаю, о которомъ онъ говоритъ (процессъ измѣненія физическихъ величинъ); она можетъ быть распространена на всѣ случаи, когда мы говоримъ о равенствѣ физическихъ явленій.

Равенство это находитъ себѣ выраженіе въ процессахъ счисленія и измѣренія; единицей, при помощи которой мы считаемъ и измѣряемъ, является именно тотъ *относительно*-постоянный объектъ, къ которому мы относимъ остальные измѣняющіеся и измѣнчивые объекты. Этотъ относительно-устойчивый объектъ мы получаемъ, отвлекаясь (абстрагируя) 1) отъ остальныхъ свойствъ тогоже объекта, которыя для насъ не имѣютъ значенія, 2) отъ незначительныхъ измѣненій, которыя происходятъ въ объектѣ во *время* изслѣдованія. Что мы имѣемъ на это право, доказываетъ успѣшность результатовъ, получаемыхъ при помощи этого метода.

Такимъ образомъ, принципъ измѣнчивости въ современной наукѣ принимаетъ форму отрицанія возможности абсолютнаго постоянства, субстанціи и признанія относительности понятій вещи, постоянства и измѣненія.

II. Такой же относительный характеръ получилъ въ современной методологіи второй принципъ эволюціи, именно принципъ всеобщей закономѣрной связи явленій или принципъ строгаго детерминиз-

---

[1]) E. Mach. „Erkenntniss und Irrtum“, 2-te Auflage, 1906, S. 335 f.

ма (полной опредѣленности). Этотъ принципъ явился на смѣну принципа всеобщей причинности, который пришлось оставить въ виду крайней неопредѣленности и расплывчатости самыхъ терминовъ причины и слѣдствія. Дѣло въ томъ, что понятія причины и слѣдствія содержали въ себѣ нѣкоторые произвольные элементы,—произвольные въ томъ смыслѣ, что эти элементы не имѣли *опытнаго* происхожденія—а, съ другой стороны, въ нихъ отсутствовали другіе элементы, которые должны были бы входить въ составъ этихъ понятій, чтобы послѣднія могли отвѣчать своей цѣли, т.-е. точному описанію дѣйствительности. Къ числу первыхъ мы должны отнести представленіе о томъ, что причина существуетъ раньше и независимо отъ слѣдствія, что причина *порождаетъ*, *производитъ* слѣдствіе, что слѣдствіе съ *необходимостью* вытекаетъ изъ причины и т. п. антропоморфистскія фикціи; къ числу вторыхъ—представленія о множественности условій, обусловливающихъ данное явленіе, о функціональномъ характерѣ зависимости явленій другъ отъ друга и т. д. Конечно, мы могли бы сохранить термины причины и слѣдствія, подвергнувъ соотвѣтствующія имъ понятія необходимой корректурѣ, какъ это дѣлаютъ и сейчасъ нѣкоторые представители философіи и науки, но гораздо цѣлесообразнѣе замѣнить ихъ новыми, хотя бы по той простой причинѣ, что первоначальное ихъ чисто антропоморфистское происхожденіе будетъ непремѣнно въ той или иной формѣ оказывать свое вліяніе на ходъ нашихъ мыслей. Поэтому, Авенаріусъ и Махъ предпочитаютъ при описаніи взаимной связи явленій говорить не о причинной, а о *функціональной* ихъ зависимости. Это послѣднее понятіе заимствовано изъ математики и имѣетъ вполнѣ опредѣленный точный

смыслъ. Понятіе функціи опредѣляется въ математикѣ такимъ образомъ:[1])

1) Математическій анализъ различаетъ между постоянными и перемѣнными величинами. *Постоянныя величины* сохраняютъ опредѣленное значеніе (Wert) въ теченіе всего времени вычисленія; *перемѣнныя величины* могутъ, напротивъ, получать рядъ различныхъ значеній.

2) Если значенія одной перемѣнной величины зависятъ отъ значеній другой перемѣнной величины, согласно опредѣленному закону, то послѣдняя называется *независимой* перемѣнной, а первая — функціей независимой перемѣнной. Отношенія между обѣими перемѣнными опредѣляютъ родъ функціи.

3) Относительно двухъ величинъ, которыя измѣняются совмѣстно, можно утверждать, что одна изъ нихъ есть функція другой только въ томъ случаѣ, если извѣстно, что каждому значенію одной соотвѣтствуетъ опредѣленное значеніе другой, даже и тогда, когда отношенія, которыя существуютъ между ними, неизвѣстны или даже не поддаются аналитическому выраженію.

4) Если приходится оперировать не съ двумя, но съ нѣсколкими перемѣнными, связанными другъ съ другомъ извѣстнымъ закономъ, зависимостью или условіями, то тѣ перемѣнныя, которымъ мы можемъ сообщать любое значеніе, суть независимыя, а тѣ, значенія которыхъ опредѣляются изъ сообщенныхъ независимыми перемѣннымъ значеній на основаніи данныхъ зависимостей, являются функціями независимыхъ перемѣнныхъ.

Отсюда видно, что функціональная зависимость можетъ быть сведена къ формулѣ: „всякій разъ,

[1]) J. Kodis: „Die Anwendung des Functionsberiffes auf die Beschreibung der Erfharung“, V. f. W. Ph. 1895, H. 4. S. 360.

когда измѣняется A, то измѣняется и B^a. Мы, конечно, не можемъ здѣсь останавливаться подробно на доказательствахъ, приводимыхъ Авенаріусомъ и Махомъ въ пользу того, что *всякая* зависимость явленій въ природѣ можетъ быть сведена къ этому типу и вполнѣ имъ исчерпывается. Съ другой стороны, такъ какъ ничто не прибываетъ неизмѣннымъ, а непрерывно измѣняется, то всякое измѣненіе одного явленія или его элемента сопровождается измѣненіями другого или другихъ и, наоборотъ, всякое измѣненіе одного явленія имѣетъ своимъ источникомъ измѣненіе какого-либо другого, связаннаго съ первымъ по опредѣленному закону. Съ этой точки зрѣнія принципъ функціональной зависимости получаетъ характеръ *всеобщей* связи явленій. *) Внутри такой всеобщей связи мы можемъ различать различные *виды* ея. Всякое явленіе (вещь-воспріятіе) мы можемъ разсматривать, какъ комплексъ элементовъ (ощущеній). (Эти элементы, конечно, на опытѣ никогда не встрѣчаются отдѣльно другъ отъ друга, а только въ связи съ другими и, если мы, тѣмъ не менѣе, говоримъ объ элементахъ, то мы можемъ дѣлать это только мысленно, путемъ абстракціи, т.-е. отвлеченія отъ другихъ элементовъ). Поэтому, возможна зависимость, какъ между комплексами, измѣненій такъ и между отдѣльными ихъ элементами. Образчикомъ связи перваго типа могутъ служить наблюденія такого рода: тѣло, получивъ толчокъ, приходитъ въ движеніе, соль растворяется въ водѣ и т. д., образчикомъ второго—формула $\frac{m.v^2}{2} = p.L$, установливающая зависимость между скоростью движенія тѣла, его массою, вѣсомъ и т. д. Скорости, ускоренія, массы, вѣса, температуры, силы сопротивленія, потенціалы и т. д. суть физиче-

скіе элементы, ибо всѣ эти термины соотвѣтствуютъ не конкретнымъ явленіямъ, а лишь извѣстной *сторонѣ*, извѣстному *свойству* ихъ, точно такъ же, какъ геометрическіе элементы—точки, линіи, плоскости, углы и т. д. не существуютъ въ дѣйствительности отдѣльно отъ физическихъ тѣлъ. Далѣе, самый *характеръ* связи между явленіями различенъ въ зависимости отъ того, о какой связи идетъ рѣчь: о связи явленій въ пространствѣ (зависимость сосуществованія) или во времени (зависимость послѣдовательности). Главное различіе между этими двумя видами зависимости сводится къ тому, что въ то время, какъ въ сосуществующихъ явленіяхъ зависимость эта взаимная и обоюдная, зависимость во времени одностороння въ томъ смыслѣ, что, если каждое измѣненіе независимой перемѣнной сопровождается измѣненіемъ зависимой перемѣнной, то изъ этого не слѣдуетъ, что каждое измѣненіе зависимой сопровождается измѣненіемъ независимой.

Зависимость перваго рода мы наблюдаемъ, главнымъ образомъ, въ наукѣ о пространствѣ. Геометрическіе элементы всегда связаны такимъ образомъ, что измѣненія ихъ взаимны. Если, напримѣръ, величина внутреннихъ угловъ треугольника увеличивается съ увеличеніемъ противолежащей углу стороны, то увеличеніе стороны треугольника сопровождается, въ свою очередь, увеличеніемъ противолежащаго угла. Поэтому, въ этихъ случаяхъ каждый изъ связанныхъ элементовъ можетъ считаться какъ условіемъ (независимой перемѣнной), такъ и обусловленнымъ. Не то мы видимъ въ области наукъ, въ которыхъ понятіе времени играетъ извѣстную роль. Тамъ, напротивъ, взаимный характеръ зависимости представляетъ исключеніе.

Второй особенностью нѣкоторыхъ видовъ временной зависимости явленій является *непрерывность* измѣненія связанныхъ между собой элементовъ. О непрерывности измѣненій, конечно, можетъ быть рѣчь только въ отношеніи къ такимъ элементамъ, которые поддаются измѣренію. Непрерывность измѣненія этихъ элементовъ выражается въ томъ, что разстояніе между двумя послѣдовательными значеніями величины элементовъ могутъ быть сдѣланы меньше любой величины. Съ этой точки зрѣнія прерывность означала бы скачекъ въ процессѣ измѣненія и противорѣчила бы принципу полной опредѣленности всего существующаго. Поэтому, всякій измѣняющійся элементъ, обладающій опредѣленной величиной, прежде чѣмъ достигнуть другой какой-либо величины, долженъ пройти сначала черезъ всѣ лежащія между ними величины. Такъ, напряженность электрическаго тока не можетъ возрасти вдвойнѣ или втройнѣ, не пройдя всѣхъ промежуточныхъ ступеней [1]).

Но непрерывностью не исчерпываются также свойства послѣдовательной (временной) зависимости, отличающія ее отъ одновременной зависимости, ибо полная опредѣленность измѣненій еще не обезпечивается непрерывностью ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, непрерывность не была бы нарушена въ томъ случаѣ, если бы, напр., какое-нибудь падающее тѣло начало бы въ извѣстномъ пунктѣ своего движенія подниматься или поднимающееся тѣло опускаться и т. д. Но тогда бы мы не могли

---

[1]) Это утвержденіе отнюдь не равносильно отрицанію переворотовъ, революцій и, вообще, того что нѣмцы называютъ Auslösungen. Только въ этихъ случаяхъ мы должны предполагать, что непрерывныя измѣненія совершаются въ теченіе очень короткаго срока. См. мою статью „Махизмъ или марксизмъ“ (Образованіе, Ноябрь 1906 г.), стр. 87.

говорить о полной опредѣленности, ибо какъ то, такъ и другое измѣненіе могли бы имѣть мѣсто съ точки зрѣнія непрерывности. Поэтому, принципъ полной опредѣленности измѣненій предполагаетъ сверхъ того, что всякое измѣненіе, представленное самому себѣ, можетъ совершаться только въ *одномъ* смыслѣ (in einen Sinne), либо увеличиваясь, либо уменьшаясь. „Представленіе времени“, говоритъ Махъ, „мы получаемъ только путемъ связыванія содержанія нашихъ воспоминаній съ содержаніемъ нашихъ воспріятій. Если мы говоримъ, что время течетъ въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ (in einem bestimmten Sinne), то это обозначаетъ только, что физическіе и физіологическіе процессы совершаются только въ одномъ опредѣленномъ направленіи“.

III. Третья и гораздо болѣе важная особенность функціональной зависимости процессовъ заключается въ *направленіи* происходящихъ въ природѣ измѣненій. Въ области одновременныхъ зависимостей мы видѣли только что данной величинѣ опредѣляющаго условія соотвѣтствуетъ данная величина опредѣляемаго и что увеличенію или уменьшенію величины первой должно соотвѣтствовать увеличеніе или уменьшеніе второй. Но законъ полной опредѣленности ничего не говоритъ намъ, въ какую *сторону* будутъ происходить эти измѣненія величины предшествующихъ опредѣляющихъ, (независимыхъ) факторовъ, т.-е. будетъ ли она увеличиваться или уменьшаться. Если мы возьмемъ, напр., извѣстную формулу паденія тѣлъ $p.\ S. = \frac{mv^2}{2}$, то изъ нея мы можемъ усмотрѣть только, что величичины p, s, m и v находятся въ извѣстной другъ отъ друга зависимости. Такъ какъ изъ этихъ величинъ p и m суть величины постоян-

ныя, то измѣненія величины S находятся въ зависимости отъ величины V и наоборотъ. Но изъ уравненія не видно, *какъ* измѣняются эти величины, *увеличиваются* ли онѣ или *уменьшаются*. На самомъ дѣлѣ эти величины (насколько рѣчь идетъ о тѣлахъ, находящихся въ сферѣ земного притяженія) увеличиваются. И, вообще, природа настроена устранить эту двусмысленность въ направленіи измѣненій. Такъ, напр., можно считать доказаннымъ, что движеніе физическихъ массъ, взятое само по себѣ, т.-е. когда нѣтъ на-лицо другихъ постороннихъ силъ, которыя могли бы отклонить ходъ процесса въ другую сторону, всегда имѣютъ направленіе *въ сторону перехода отъ большей высоты къ меньшей*, а теплота и электричество имѣютъ тенденцію переходить *отъ тѣлъ съ высшей температурой и высшаго потенціала къ тѣламъ низшей температуры и низшаго потенціала*. Законъ же единообразія природы не заключаетъ *самъ по себѣ* никакихъ указаній относительно направленія процессовъ измѣненій; онъ требуетъ только, чтобы разъ принятое направленіе *отъ себя* не измѣнялось.

Нашъ умъ никогда не могъ бы примириться съ мыслью, что, напр., падающее тѣло *само отъ себя* начало вдругъ подниматься или наоборотъ. Если же природа показываетъ намъ, сверхъ того, что всѣ измѣненія, въ общемъ, происходятъ въ одномъ направленіи, именно, въ сторону уменьшенія различій въ высотахъ, температурахъ и потенціалахъ тѣлъ, то эта закономѣрность, очевидно, уже выходитъ за предѣлы закона всеобщей закономѣрности и представляетъ *новый* принципъ, не заключающійся въ принципѣ единообразія явленій, но дополняющій его, въ смыслѣ полной опредѣленности послѣдовательныхъ измѣненій (durchgängige, eindeutige Bestimmtheit der Natur). Такимъ

образомъ, болѣе тщательный анализъ фактовъ дѣйствительности привелъ естествоиспытателей къ убѣжденію, что принципъ причинности, всеобщей обусловленности или, согласно новой терминологіи, принципъ функціональной зависимости не достаточенъ для описанія *всѣхъ* связей между явленіями или, что одно и то же, для устраненія всякой случайности и произвола въ послѣдовательности процессовъ измѣненія. Въ самомъ дѣлѣ, принципъ функціональной зависимости устанавливаетъ только, что за каждымъ измѣненіемъ A слѣдуетъ измѣненіе B, но ничего не говоритъ о томъ, *какія* же измѣненія происходятъ въ A. Мы знаемъ только, что измѣненія A зависятъ, въ свою очередь, отъ измѣненій какуго-нибудь третьяго элемента, напр. отъ измѣній C; измѣненія C отъ измѣненій D и т. д.

Это привело бы насъ, въ концѣ концовъ, къ измѣненіямъ такого элемента, который является уже независимымъ перемѣннымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ томъ смыслѣ, что измѣненія его не обусловливаются измѣненіями какого-либо другого элемента. Такимъ элементомъ, или послѣднимъ параметромъ, къ которому мы должны относить всѣ измѣненія, является, по мнѣнію Маха, часовой уголъ земли. Относительно этого элемента можетъ быть лишь вопросъ, въ какомъ *направленіи* онъ измѣняется, т.-е. увеличивается ли онъ постоянно или уменьшается или же переходитъ отъ увеличенія къ уменьшенію. Тѣмъ или инымъ направленіемъ измѣненія послѣдняго параметра и опредѣляется характеръ *всѣхъ* измѣненій, происходящихъ въ природѣ. Громадное большинство естествоиспытателей склоняется въ настоящее время къ тому положенію, которое впервые установлено извѣстнымъ физикомъ Клаузі-

усомъ, хотя и для спеціальной области фактовъ, именно для явленій термическихъ. Положеніе это, сведенное къ самой общей формѣ, гласитъ, что направленіе, въ которомъ происходятъ измѣненія въ природѣ, *взятыя въ ихъ совокупности*, приводятъ *къ уменьшенію различій между отдѣльными процессами*. Чтобы понять смыслъ этого положенія, необходимо знакомство съ современнымъ ученіемъ объ энергіи. Такъ какъ мы не имѣемъ здѣсь возможности излагать ученіе объ энергіи въ его современной формѣ, даже въ общихъ чертахъ, поэтому мы ограничимся только изложеніемъ относящихся сюда выводовъ изъ энергетическихъ теорій, которые, какъ намъ кажется, въ наиболѣе точной формѣ даны Г. Гельмомъ въ его книгѣ „Die Lehre von der Energie, historisch-kritisch entwickelt, 1887 г.“ Гельмъ доказываетъ сначала, что всѣ формы энергіи могутъ быть сведены къ выраженію I. ДМ. Въ этомъ выраженіи подъ I разумѣется опредѣленная функція, величина которой должна быть различна въ двухъ тѣлахъ или въ двухъ частяхъ одного и того же тѣла для того, чтобы возможно было превращеніе одной формы энергіи въ другую.

Переходъ этотъ совершается всегда въ направленіи отъ того тѣла или части его, въ которомъ величина I больше, къ тѣлу, или къ части его, въ которомъ она меньше. ДМ, напротивъ, обозначаетъ функцію, характеризующую *форму и количество* энергіи, которой обладаетъ данная система; она измѣняется въ зависимости отъ измѣненія *количества* энергіи одной и той же формы.

Гельмъ называетъ М—количествомъ, а I—интенсивностью извѣстнаго процесса.

Сообразно этому, мы должны различать въ каждомъ процессѣ форму, интенсивность и количество

энергіи, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	Форма энергіи.	Интенсивность.	Количество.
Тепловыя явленія .	Теплота (a).	Температура (t).	Энтропія (s).
Механическое движеніе.	Кинетическая энергія. $\left(\frac{m.v^2}{2}\right)$	Скорость (v).	Количество движенія (m. v.).
Дѣйствіе на разстояніи	Потенціальная энергія.	Потенціальная функція.	Масса (m).
Взаимодѣйствіе . .	Работа (f.dh)	Сила (f).	Разстояніе (h).
Расширеніе. . . .	Работа (p. d. v.).	Давленіе (p).	Объемъ (v).

Съ этой точки зрѣнія всеобщій законъ превращенія энергіи выражается въ двухъ положеніяхъ:

1) Каждая форма энергіи имѣетъ тенденцію переходить отъ тѣлъ или системъ, въ которыхъ интенсивность ея больше къ тѣламъ или системамъ, гдѣ она меньше.

2) Количество энергіи, которая подвергается превращенію, сохраняетъ свою общую величину, т.-е. количество энергіи уменьшается въ одномъ тѣлѣ на такую же величину, на какую оно увеличивается въ другомъ.

Первое положеніе соотвѣтствуетъ принципу увеличенія энтропіи, который былъ открытъ Клаузіусомъ, а второе—заключаетъ въ себѣ принципъ сохраненія энергіи. Первое опредѣляетъ *направленіе*, въ которомъ происходятъ превращенія энергіи, а второе—закономѣрность и единство процесса.

Оба эти принципа получили дальнѣйшее развитіе и болѣе тщательную обработку въ трудахъ

В. Оствальда. Въ особенности много новаго внесено Оствальдомъ въ пониманіе перваго принципа Формула Гельма заключаетъ въ себѣ указаніе на то условіе, при наличности котораго мы наблюдаемъ переходъ одной формы энергіи въ другую; Оствальдъ показалъ, что если это условіе *необходимо* для превращенія энергіи, то оно *недостаточно*, т.-е., что, если всякое превращеніе энергіи предполагаетъ различіе въ интенсивностяхъ энергій, то не всякое такое различіе, обратно, влечетъ за собой переходъ одной формы въ другую. Для того, чтобы это случилось, необходима наличность еще одного условія, именно условія, чтобы различія въ интенсивности не были уравновѣшены, компенсированы (compensirt). Уравновѣшенными различія интенсивности должны считаться въ тѣхъ случаяхъ, когда одна форма энергіи связана съ другой такимъ образомъ, что всякому измѣненію первой соотвѣтствуетъ такое же, но направленное въ противоположную сторону (entgegengerichtet), измѣненіе второй. Примѣромъ полной компенсаціи различій въ интенсивности можетъ служить тяжесть, привѣшенная къ концу спиральной пружины или заряженный электрическій аккумуляторъ.

Неполная компенсація будетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда не все количество одной энергіи связано съ другой; тогда излишекъ первой энергіи превращается въ какую-либо другую энергію. Въ какую именно энергію онъ превратится, это зависитъ отъ того, какую комбинацію различныхъ энергій мы имѣемъ въ данномъ случаѣ. Въ общемъ можно сказать только, что всѣ формы энергіи имѣютъ тенденцію переходить въ тепловую энергію, тогда какъ тепловая энергія сама поддается превращенію въ другія формы энергіи только въ извѣстной части ея; другими

словами, тогда какъ всякая другая энергія, получаемая изъ тепловой, очень легко можетъ быть обратно превращена въ тепловую, послѣдняя поддается такому превращенію только отчасти. Отсюда слѣдуетъ, что далеко не всѣ процессы въ природѣ *обратимы* (umkehrbar, réversible) въ смыслѣ возможности свободнаго превращенія одной формы энергіи въ другую. Необратимость процессовъ природы выражается также и въ томъ, что, какъ мы видѣли выше, переходъ энергіи одной формы отъ одного тѣла къ другому совершается въ большинствѣ случаевъ въ направленіи отъ тѣла съ большей интенсивностью къ тѣлу съ меньшей интенсивностью. Обратный же переходъ, если и возможенъ въ какомъ-нибудь комплексѣ, то всегда связанъ съ одновременнымъ пониженіемъ интенсивности энергіи въ другомъ комплексѣ, такъ что *въ общемъ итогѣ* все-таки наблюдается въ каждомъ измѣненіи уменьшеніе различій въ интенсивностяхъ. Совершенно ясно, что необратимость процессовъ природы есть только другое выраженіе для закона развитія, ибо, если бы всѣ процессы природы были обратимы, то тогда всѣ явленія, которыя бы разъ имѣли мѣсто, должны были бы повторяться черезъ извѣстные промежутки времени въ неизмѣнномъ видѣ, а это равнялось бы отрицанію принципа всеобщей измѣнчивости.

Другое свойство процессовъ превращенія энергіи, также отмѣченное выше, именно постепенное увеличеніе количества тепловой энергіи насчетъ другихъ формъ при неизмѣнности общей суммы количества энергіи съ одной стороны, и постепенное же увеличеніе количества тепловой энергіи меньшей интенсивности (слѣдовательно, низшей температуры) насчетъ тепловой энергіи высшей интенсивности, также можетъ считаться лишь другимъ выраженіемъ того факта, который со-

ставляетъ лишь одинъ изъ моментовъ принципа всеобщаго развитія, а именно того момента, согласно которому всѣ происходящія въ природѣ измѣненія въ *общемъ* происходятъ въ одномъ направленіи, именно въ направленіи выравненія, разсѣянія, равновѣсія энергіи (Energie-ansgleich, Dissipationsvorgänge, Energiegleichgewicht).

Но если въ *общемъ* въ природѣ преобладаютъ необратимыя измѣненія, т.-е. такія, которыя происходятъ въ опредѣленномъ направленіи, то въ *отдѣльности* мы можемъ наблюдать и обратимые процессы, т.-е. повторенія, если не одинаковыхъ, то сходныхъ процессовъ. Источникъ послѣдняго рода процессовъ, по мнѣнію Оствальда, заключается въ томъ, что обмѣнъ энергій, приводящій къ уравниванію ихъ интенсивности происходитъ не сразу, не въ одинъ моментъ, а требуетъ извѣстнаго времени. „Два тѣла, температура которыхъ различна, два газа различнаго давленія, два электрическихъ проводника различнаго напряженія, поставленные въ такія условія, при которыхъ возможенъ обмѣнъ энергіи, никогда не приходятъ къ новому состоянію равновѣсія сразу (augenblicklich), а затрачиваютъ для этого извѣстное болѣе или менѣе продолжительное время[1])... Количество времени, необходимое для установленія равновѣсія энергій, зависитъ: 1) отъ величины различій въ интенсивностяхъ (чѣмъ больше величина различій, тѣмъ скорѣе происходитъ обмѣнъ), которыми обусловливается самый фактъ обмѣна, и 2) свойствами системы (des Gebiedes), въ которой происходитъ процессъ обмѣна.

Отсюда вытекаетъ еще одинъ важный выводъ, характеризующій всѣ процессы превращенія энер-

---

[1]) W. Ostwald. Vorlesungen über Naturphilosophie, 3. Aufl. Lpz. 1905. S. 267.

гіи: *превращеніе энергіи никогда не можетъ быт полнымъ*. Причина этого явленія лежитъ въ томъ, что по мѣрѣ развитія процесса обмѣна различіе въ интенсивностяхъ уменьшается, уменьшеніе же различія ведетъ къ замедленію процесса и, такимъ образомъ, процессъ обмѣна самъ обусловливаетъ свое постепенное замедленіе, препятствующее его окончательному завершенію. Поэтому, въ природѣ мы не встрѣчаемъ нигдѣ дѣйствительнаго равновѣсія, а только большія или меньшія степени приближенія къ состоянію равновѣсія.

Оствальдъ различаетъ нѣсколько видовъ процессовъ, приводящихъ къ приблизительному равновѣсію. Наиболѣе простая или нормальная форма такихъ процессовъ имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда процессъ обмѣна, благодаря значительной величинѣ различію въ интенсивности энергіи, вначалѣ протекаетъ относительно энергично, но потомъ, благодаря уменьшенію величины различія, замедляется. Такимъ именно характеромъ отличаются въ значительномъ большинствѣ случаевъ процессы обмѣна тепловой и электрической энергіи. Но существуетъ масса другихъ процессовъ въ природѣ, которые протекаютъ въ обратномъ порядкѣ, а именно, они начинаются съ незначительнаго обмѣна энергіи, который постепенно увеличивается въ своемъ объемѣ, пока не достигнетъ извѣстной высшей точки, откуда процессъ принимаетъ нормальное направленіе, т.-е. въ сторону установленія равновѣсія энергій. Классическимъ образчикомъ такого рода процессовъ служитъ лавина или пажоръ. Если мы присмотримся ближе къ тѣмъ явленіямъ, которыя имѣютъ мѣсто хотя бы въ случаѣ пожара, то увидимъ, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ въ началѣ процесса значительный запасъ энергіи въ видѣ горючихъ матеріаловъ, съ одной стороны и кисло-

рода воздуха — съ другой. Если мы подожжемъ въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ массу горючаго матеріала, то въ этомъ мѣстѣ, температура повысится; благодаря повышенію температуры, усилится скорость реакціи, т.-е. сгоранія, и разовьются новыя количества теплоты. Эти послѣднія, въ свою очередь, повышаютъ температуру прилегающей части горючихъ веществъ и способствуютъ ея возгаранію и т. д., пока не истощится запасъ такихъ веществъ. Такимъ образомъ, процессъ обмѣна энергіи въ этомъ случаѣ характерузуется тѣмъ, что, начавшись въ одномъ мѣстѣ, онъ *самъ* создаетъ въ прилегающихъ частяхъ системы условія, способствующія дальнѣйшему развитію обмѣна. Частной формой такого рода процессовъ, представляющей, однако, громадный интересъ, являются тѣ случаи, когда средняя часть процесса, т.-е. постепенное распространеніе обмѣна на сосѣднія части системы, происходитъ сравнительно медленно и занимаетъ поэтому относительно значительное время. Образчикомъ такого рода процессовъ можетъ служить горѣніе обыкновенной керосиновой лампы. Когда мы зажигаемъ лампу, то пламя поддерживается сначала тѣмъ запасомъ керосина, который имѣется въ концѣ фитиля. Сгорающій запасъ керосина возобновляется благодаря фитилю, по которому керосинъ поднимается вверхъ въ силу закона капиллярности. Здѣсь, такимъ образомъ, пламя можетъ охватить сразу не весь запасъ горючихъ веществъ, а только извѣстную и, притомъ, равномѣрную часть его. Процессы такого рода Оствальдъ называетъ *стаціонарными*. Какъ видно изъ приведеннаго образчика этихъ процессовъ, характерной чертой ихъ является *саморегулированіе* (Selbstregulierung). Процессъ саморегулированія осложняется въ тѣхъ случаяхъ, когда обмѣнъ энергіи происходитъ не равномѣрно, какъ

въ лампѣ, а періодически, т.-е. уменьшаясь или увеличиваясь въ своей скорости. Такой процессъ мы наблюдаемъ въ горящей стеариновой свѣчѣ. Если мы зажжемъ свѣчу, то она сначала горитъ очень ярко, пока не сгоритъ имѣющійся въ концѣ фитиля запасъ стеарина; когда послѣдній сгоритъ, то пламя уменьшится; уменьшаясь, оно приближается къ нижнему краю фитиля и растапливаетъ часть стеарина свѣчи. Растопленный стеаринъ поднимается по фитилю вверхъ и поглощается пламенемъ, которое постепенно снова увеличивается, пока не сгоритъ весь растопленный стеаринъ; тогда пламя опять приближается къ нижнему концу фитиля и т. д. Поэтому въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ постоянной равномѣрной скоростью обмѣна, а со скоростью, періодически колеблющейся вокругъ извѣстной средней величины. Стаціонарныя явленія имѣютъ громадный интересъ потому, что всѣ организмы могутъ быть разсматриваемы, какъ системы, сравнительная устойчивость которыхъ покоится на періодически стаціонарныхъ процессахъ, обусловленныхъ саморегулированіемъ организмовъ. Все отличіе организмовъ отъ неорганическихъ стаціонарныхъ системъ заключается въ томъ, что въ то время, какъ въ послѣднихъ аппаратъ саморегулированія дѣйствуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока не истощится запасъ энергіи въ системѣ, въ организмахъ аппаратъ этотъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, что часть освобождающейся энергіи затрачивается на возобновленіе запаса энергіи. Саморегулированіе организмовъ и есть то свойство ихъ, которое называется въ біологіи стремленіемъ организмовъ къ самосохраненію. Такимъ образомъ, стремленіе къ самосохраненію не можетъ считаться такимъ началомъ или принци-

помъ, который дѣйствуетъ независимо и параллельно принципамъ, регулирующимъ развитіе неорганическаго міра. Изъ предъидущаго видно, что самосохраненіе, какъ наиболѣе сложная форма саморегулированія системъ, основывается на извѣстной комбинаціи процессовъ превращенія энергіи,—комбинаціи, имѣющей своимъ результатомъ поддержаніе періодически-стаціонарныхъ состояній. Съ этой точки зрѣнія, организмы, по мѣткому замѣчанію Оствальда, можно было бы сравнить съ лампами, которыя тѣмъ или инымъ способомъ сами добываютъ масло, необходимое для ихъ горѣнія. Если, поэтому, организмы отличаются отъ неорганическихъ системъ болѣе широкимъ развитіемъ аппарата саморегулированія, то отдѣльные виды организмовъ отличаются *другъ отъ друга* большимъ или меньшимъ *совершенствомъ* этого аппарата. Это превосходство однихъ органическихъ видовъ надъ другими въ дѣлѣ самосохраненія есть продуктъ долгаго развитія, совершавшагося въ формѣ борьбы за существованіе, т.-е. вымиранія менѣе приспособленныхъ и переживанія наиболѣе приспособленныхъ видовъ. Большая или меньшая степень приспособленія и есть, конечно, въ переводѣ на языкъ современной энергетики, большее или меньшее развитіе способности организма поддерживать стаціонарное равновѣсіе различныхъ видовъ энергіи.

При помощи какихъ *средствъ* осуществляется такое поддержаніе, мы при совершенномъ состояніи физико-химическихъ знаній съ совершенной точностью сказать не можемъ. Дарвинъ полагалъ, что главная роль въ развитіи организмовъ въ смыслѣ прогрессирующаго приспособленія ихъ къ условіямъ среды принадлежитъ внѣшнимъ, т.-е. лежащимъ *внѣ* организма условіямъ. По его пред-

положенію, приспособленіе организмовъ происходило такимъ образомъ, что окружающая среда постоянно вызываетъ въ отдѣльныхъ представителяхъ органическаго міра всегда нѣкоторыя индивидуальныя отклоненія отъ общаго типа; тѣ изъ этихъ отклоненій, которыя имѣютъ какое-либо значеніе въ дѣлѣ борьбы за существованіе организмовъ, закрѣпляются путемъ наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ измѣненій потомству и вымиранія тѣхъ представителей вида, которые не успѣли выработать такихъ измѣненій. Послѣ-дарвиновская біологія, однако, пришла къ убѣжденію въ *недостаточности* такого способа объясненія *всѣхъ* фактовъ приспособленія. Недостаточность Дарвиновской гипотезы естественнаго подбора обнаруживается, главнымъ образомъ, въ томъ ея пунктѣ, который относится къ возникновенію индивидуальныхъ отклоненій (варіацій). Большинство современныхъ біологовъ склоняется къ тому мнѣнію, что, хотя эти отклоненія возникаютъ, дѣйствительно, подъ вліяніемъ внѣшнихъ для организма воздѣйствій, но *характеръ* ихъ опредѣлается не только свойствомъ внѣшняго воздѣйствія, а обусловливается особенностями структуры и динамики самой органической субстанціи. Но тогда какъ одни (нео-виталисты) полагаютъ, что эти особенности совершенно отличны отъ свойствъ неорганической субстанціи, другіе, оставаясь вѣрными монистическому пониманію природы, думаютъ, что органическіе процессы являются лишь очень сложной комбинаціей физико-химическихъ или энергетическихъ феноменовъ. Но, во всякомъ случаѣ, центръ тяжести въ объясненіи явленій приспособленія въ современной біологіи значительно передвинутъ въ сторону свойствъ органической субстанціи, *внутреннихъ* факторовъ

органической эволюціи, въ сторону *саморегулированія*, активности организмовъ. „Всѣ внѣшнія условія были бы безсильны (въ дѣлѣ приспособленія), если бы не было чего-то, что *стремится* приспособиться“, говоритъ Махъ [1]), имѣя въ виду, конечно, не какую-то таинственную силу, присущую органической матеріи, а нѣкоторыя ея физико-механическія свойства. Такимъ образомъ, можно считать доказаннымъ, что развитіе организмовъ есть продуктъ двоякаго рода факторовъ: внѣшнихъ, т.-е. воздуха, свѣта, почвы и т. д. или т. п. раздраженій (Reize) и внутреннихъ или реакцій организма на эти раздраженія.

Относительная роль внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ въ дѣлѣ органической эволюціи также еще очень мало изучена. Можно считать установленнымъ только, что, чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ живыхъ существъ, тѣмъ значительнѣе становится роль внутреннихъ факторовъ, тѣмъ больше активность организмовъ.

Мы не можемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса. Но для насъ важно отмѣтить одно, а именно, что эта теорія переноситъ центръ тяжести развитія, въ строону процессовъ, происходящихъ в н у т р и системъ; это не значитъ, конечно, что внѣшніе для системъ процессы не являются факторами, опредѣляющими развитіе.

Къ внѣшнимъ условіямъ принадлежатъ всѣ физическія и химическія воздѣйствія среды на организмъ, т.-е. вліяніе свѣта и теплоты, воздуха и воды, особенностей почвы и климата, свойства и количества пищи и т. д. и, наконецъ, разнообразныя посредственныя и непосредственныя воздѣйствія другихъ организмовъ. Внутренніе факторы,

---

[1]) Mach. Mechanik, 4 Aufl., s. 483.

напротивъ, заключаются въ способности организма отвѣчать на внѣшнія раздраженія извѣстными двигательными реакціями, въ способности перерабатывать принимаемую внутрь пищу въ матеріалъ для роста организма, и, наконецъ, въ образованіи и развитіи разнообразныхъ органовъ и раздѣленіи между ними отдѣльныхъ жизненныхъ функцій.

Мы не можемъ разсматривать организмы, какъ продукты исключительно однихъ внѣшнихъ, т.-е. лежащихъ внѣ организма условій. Правда, нельзя оспаривать того, что, напр., форма тѣла и органовъ движенія обусловлены у рыбъ ихъ жизнью въ водѣ, а у птицъ—въ воздухѣ, и что возникновеніе зрительнаго аппарата зависѣло отъ дѣйствія солнечнаго свѣта, а уха отъ дѣйствія звуковыхъ волнъ, но мы должны разсматривать эти внѣшнія условія какъ частичныя причины и, притомъ, даже не самыя важныя. Ибо тѣ же самыя внѣшнія условія могутъ обусловливать различныя явленія въ живыхъ существахъ. Какой бы гибкой мы не представляли себѣ живую матерію, какой бы высокой степенью приспособляемости къ окружающимъ условіямъ не обладала она, во всякомъ случаѣ, вѣрнымъ остается замѣчаніе Маха, что всѣ внѣшнія условія въ дѣлѣ приспособленія были бы безсильны, еслибы не было чего то, что стремится приспособляться [1]). Живое вещество не можетъ считаться только пассивнымъ, какъ не пассивна, въ сущности, и неорганическая матерія. Всякое тѣло, независимо отъ его аггрегатнаго состоянія, оказываетъ всякому давленію, на него производимому, равное этому давленію сопротивленіе.

Поэтому, мы не должны думать, что развитіе организмовъ совершалось лишь по мѣрѣ того,

---

[1]) E. Mach Mechanik, 4 aufl. S. 483.

какъ измѣнялась ихъ обстановка; напротивъ, мы должны допустить въ организмахъ возможность *самостоятельныхъ*, зависящихъ отъ дѣйствія *внутреннихъ* силъ, измѣненій, которыя затѣмъ, въ свою очередь, образовали благодарную для воздѣйствія извнѣ почву. Не только пластичность, т.-е. способность подчиняться воздѣйствію спѣшнихъ силъ и сохранять полученныя такимъ образомъ раздраженія, но и *активность*, *инициативность* должна считаться основнымъ свойствомъ живого веществъ. Такого же мнѣнія былъ и Дарвинъ, который полагалъ, что въ дѣлѣ измѣненія видовъ природа организма гораздо важнѣе, чѣмъ внѣшнія условія жизни. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятнымъ является быстрое развитіе извѣстныхъ органическихъ видовъ при очень медленно измѣняющейся обстановкѣ. Въ этомъ отношеніи наблюдается громадное различіе между высшими и низшими видами животныхъ и растеній въ томъ смыслѣ, что чѣмъ выше по своему органическому строенію данный видъ организмовъ, тѣмъ больше его способность къ самостоятельному развитію. Максимальной степени эта способность достигаетъ у species homo. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія крупныя геологическія и географическія перемѣны произошли тогда, когда исторія человѣческаго рода только начиналась; съ той поры внѣшнія условія на поверхности земного шара перемѣнились весьма въ незначительной степени; а какія громадныя перемѣны въ самомъ человѣкѣ и въ его существованіи, какое громадное разстояніе отдѣляетъ современниковъ л е д я н о г о періода въ исторіи земли, отъ современнаго человѣка! Если внѣшніе факторы (т.-е. космологическіе) измѣнялись въ теченіе вѣковъ столь незначительно, а развитіе человѣческаго общества шло все время впередъ,

все болѣе ускоряя свой темпъ, то измѣняющимся факторомъ, стимулировавшимъ развитіе, долженъ былъ явиться факторъ внутренній т.-е. человѣческое общество, какъ организованное соединеніе человѣческихъ индивидовъ съ ихъ психофизической нераздѣльностью. Въ какихъ же формахъ проявляется дѣйствіе этого фактора, или, другими словами, въ какихъ формахъ осуществляется приспособленіе человѣческихъ обществъ къ условіямъ ихъ существованія, которыя остаются приблизительно постоянными?

Главнѣйшая изъ этихъ формъ—это подчиненіе природы цѣлямъ человѣка или воздѣйствіе человѣка на природу. Средствомъ такого воздѣйствія является человѣческій трудъ; подъ трудомъ, мы, конечно, разумѣемъ не что иное, какъ совокупность цѣлаго ряда дѣйствій или движеній органовъ человѣческаго организма, направленныхъ на приспособленіе силъ и матеріаловъ природы къ сохраненію человѣческаго общества.

Собственно говоря, и животные организмы совершаютъ извѣстныя дѣйствія, при помощи которыхъ они пользуются силами и матеріаломъ природы для удовлетворенія своихъ потребностей. Но разница заключается въ томъ, что высшіе животные организмы, стоящіе ближе другихъ къ человѣку, напр., обезьяны, пользуются готовыми продуктами природы. Стадо обезьянъ, довольствуется тѣмъ, что, истребивъ всѣ питательные матеріалы, найденные ими на извѣстной площади, переходитъ въ другую территорію и т. д.

Только человѣкъ додумался до орудій труда, т.-е. такихъ приспособленій находимыхъ въ природѣ вещей, которыя давали бы ему возможность увеличить въ громадной степени продуктивность его дѣятельности. Поэтому, совершенно

правильно соціологи видятъ въ производствѣ и пользованіи орудіями труда ту черту, которая отдѣляетъ человѣческія общества отъ обществъ животныхъ. Весь дальнѣйшій прогрессъ человѣческихъ обществъ сводится къ усовершенствованіямъ въ способахъ производства и пользованія орудіями труда, понимаемыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Но прогрессъ въ области техники труда немыслимъ безъ соотвѣтствующаго прогресса въ области психофизической организаціи человѣка; поэтому, параллельно и рука объ руку съ прогрессомъ техники идетъ совершенствованіе высшихъ органовъ человѣческаго тѣла: нервной и, въ частности, центральной нервной системы. Одно обусловливаетъ и стимулируетъ другое, да и самое раздѣленіе этихъ факторовъ (прогресса техники и усове ршенствованія психики) возможно, конечно, только въ абстракціи. Въ сущности, болѣе совершенныя орудія труда могутъ быть разсматриваемы какъ усовершенствованные органы человѣческаго тѣла, именно всякій аппаратъ, къ которымъ прибѣгаетъ научное наблюденіе,—какъ искусственное расширеніе области дѣйствія органовъ чувствъ, а всякое орудіе труда (машины)—какъ искусственное расширеніе сферы дѣйствія двигательныхъ органовъ человѣка. Эта мысль впервые высказанная Спенсеромъ, подробно развита въ замѣчательномъ изслѣдованіи O. Wiener'a „Die Erweiterung der Sinne. Leipzig, 1900". Роль высшихъ формъ психической дѣятельности съ этой точки зрѣнія сводится къ установленію постоянныхъ зависимостей между отдѣльными фактами дѣйствительнаго міра. Съ другой стороны, усовершенствованіе орудій производства приводитъ къ усложненію самого процесса производства предметовъ потребленія и самихъ орудій труда, а

усложненіе процесса производства имѣетъ своимъ результатамъ раздѣленіе труда между участниками производства. На почвѣ неодинаковой роли людей въ процессѣ производства возникаютъ экономическія и юридическія различія между отдѣльными группами или классами участниковъ производства.

Если, въ конечномъ счетѣ, причину историческихъ измѣненій нужно искать въ измѣненіи формъ приложенія общественнаго труда, а измѣненія послѣднихъ, въ сущности, суть измѣненія самихъ составляющихъ общество индивидовъ, то мы вправѣ сказать, что условія общественнаго *развитія* находятся также не внѣ его, а внутри; въ этой точки зрѣнія, развитіе человѣческихъ обществъ есть *саморазвитіе*. Съ другой стороны, общественное развитіе это происходитъ въ формѣ разрушенія, ломки старыхъ формъ, оказывающихся слишкомъ узкими для развившихся производительныхъ силъ, и возникновенія на ихъ мѣстѣ новыхъ. Та борьба за сохраненіе индивида, которая въ остальной части органическаго міра выражается, съ одной стороны, въ приспособленіи организмовъ къ внѣшнимъ условіямъ, а, съ другой, въ борьбѣ животныхъ и растительныхъ видовъ между собой, въ человѣческихъ обществахъ принимаетъ характеръ совмѣстной борьбы съ природой (т.-е. приспособленія природы къ цѣлямъ человѣка) и, на извѣстныхъ ступеняхъ развитія (т.-е. когда уже борьба съ природой обезпечила для всѣхъ членовъ общества извѣстный минимумъ существованія) въ борьбѣ общественныхъ группъ между собой за большую долю участія въ общественномъ продуктѣ. Борьба эта происходитъ въ такой формѣ, что „на извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ су-

ществующими производственными отношеніями, или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, среди которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ, эти отношенія дѣлаются ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха кризисовъ... При ихъ разсмотрѣніи слѣдуетъ всегда имѣть въ виду разницу между матеріальнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства, который можно опредѣлить съ естественно-научной точностью, и идеологическими формами, въ которыхъ люди воспринимаютъ въ своемъ сознаніи этотъ конфликтъ и въ которыхъ вступаютъ съ нимъ въ борьбу. Насколько нельзя судить объ индивидуумѣ по тому, что онъ о себѣ думаетъ, настолько же нельзя судить о такой эпохѣ кризиса, по ея сознанію; напротивъ, нужно это сознаніе объяснить изъ противорѣчія матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношеніями. Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, и новыя, высшія производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія въ лонѣ стараго общества“ [1]).

Итакъ, измѣненія общественныхъ формъ имѣютъ своимъ источникомъ конфликтъ между производительными силами общества и производственными отношеніями, сознаваемый людьми въ формѣ антогонизма ихъ классовыхъ интересовъ.

Изъ всего, что выше было сказано относительно характера органической эволюціи, мы съ полнымъ

[1]) К. Марксъ. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Переводъ съ нѣмецкаго Румянцева, подъ редакціей Мануилова. Москва 1906 г. стр. X—XI.

правомъ можемъ утверждать, что въ области органической жизни къ указаннымъ выше моментамъ, которыми характеризуется всякое развитіе (относительная измѣнчивость, функціональная зависимость и извѣстное направленіе) въ области органической жизни нужно прибавить еще два: относительную независимость развитія отъ внѣшнихъ факторовъ и антагонистическій характеръ процессовъ измѣненія. Въ какомъ отношеніи эти два послѣдніе момента находятся къ общимъ признакамъ всякаго развитія и представляютъ ли они собой также общія свойства всякаго развитія или же составляютъ особенности только органическаго развитія, мы сейчасъ рѣшить не можемъ, точно такъ же, какъ не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи находится тенденція органическаго развитія къ направленію міровой эволюціи.

Наибольшей согласованностью съ данными опытныхъ наукъ и наименьшей примѣсью спекулятивныхъ элементовъ отличается гипотеза Фехнера—Петцольдта, извѣстная подъ именемъ „закона устойчивости“.

Если не всѣ отдѣльныя положенія, составляющія содержаніе этой гипотезы, представляются вполнѣ обоснованными, то основная ея мысль, заключающаяся въ томъ, что всѣ измѣненія, происходящія въ неорганической и органической природѣ, направленны въ сторону установленія относительно — устойчивыхъ состояній, несомнѣнно находитъ себѣ подтвержденіе въ громадномъ большинствѣ извѣстныхъ намъ фактовъ; если не *всѣ* добытые научнымъ изслѣдованіемъ факты могутъ быть подведены подъ формулу „стремленія, тенденціи къ устойчивости“, то это, конечно, нужно отнести на счетъ несовершенства нашихъ знаній. Въ то же время она удачно, на нашъ

взглядъ, сближаетъ принципы саморегулированія и антагонистичности органическихъ процессовъ измѣненія съ нѣкоторыми законами механики и энергетики, видя въ первыхъ факторы всеобщаго развитія („Tendenzen und Concurrenz sind die Factoren der Entwickelung"). Тѣмъ не менѣе вопросъ о степени всеобщности принциповъ саморегулированія и антагонистическаго характера измѣненій долженъ пока остаться открытымъ.

Въ видѣ окончательнаго итога произведеннаго нами сопоставленія между діалектикой, съ одной стороны и современной научной методологіей—съ другой—мы должны сказать, что всѣ толки о непроходимой пропасти, отдѣляющей діалектическій методъ отъ методовъ современнаго естествознанія, основаны имъ на явномъ недоразумѣніи или на простомъ незнакомствѣ съ успѣхами точнаго знанія.

Не выдерживаютъ научной критики только пресловутыя діалектическія схемы, но намъ, кажется, удалось показать, что *не въ нихъ* заключается сущность діалектическаго метода, а въ законѣ всеобщаго развитія, понимаемаго въ томъ видѣ, какой приданъ ему новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіемъ въ области физическихъ и біологическихъ наукъ.

УЧЕТ 1935 г.